

№ 27 ИЮНЬ 2015

НАШИ ИСТОКИ

2

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ► ВОЙНА И МИР (роман) Том 1. Часть 1 Глава XI.

2

ПОЭЗИЯ

4

Михаил ГУНДАРИН ► МУЛЬТИФИЛЬМЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (подборка стихов)

4

Андрей КОЗЫРЕВ ► ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В МОНОЛОГАХ (подборка стихов)

9

Алексей СМИРНОВ ► СТИХИ ИЗ ИТАЛИИ (подборка стихов)

12

Екатерина ВИХРЕВА ► МИФОЛОГИЯ (подборка стихов)

17

Антон МЕТЕЛЬКОВ ► ЖИЗНЬ ПРОСТА КАК ПИАНИНО (подборка стихов)

20

Дмитрий МУХАЧЁВ ► ГОВОРИ В МЕГАФОН (подборка стихов)

52

Александр РОМАНЦОВ ► ГРУСТЯ ПО ПОЗЁМКАМ (подборка стихов)

57

Алексей ВЕСЕЛОВ ► ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ (подборка стихов)

62

Ани ПЕТРС ► ПРЕЛЮДИИ (цикл стихотворений)

64

Людмила АЛЕКСАНДРОВА ► ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА, ЧТО Я ВЛЮБЛЕНА В ИДИОТА

70

(подборка стихов)

ПРОЗА

24

Александр ФЕДЕНКО ► ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МЁРТВЫХ ЛЮДЕЙ (рассказы)

24

Владимир ТОКМАКОВ ► ЛЮДИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРШКА (отрывки из нового романа)

39

Павел ЮРИНОВ ► КОРОТКИЕ МЕТРЫ (дневник актерских ощущений)

88

Руслан ДОЛЖЕНКО ► КУХОННЫЕ РАЗГОВОРЧИКИ (рассказ)

100

ГВОЗДЬ НОМЕРА

76

Вячеслав КОВАЛЕВИЧ ► 8:00 (пьеса)

76

КРИТИКА

105

Александра ПОРЩНЕВА ► ТЕМА ЛЮБВИ В ФИЛЬМАХ МИЛОША ФОРМАНА, ИШТВАНА

105

САБО, АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА, АЛЕКСАНДРА БАРАНОВА И БАХЫТА КИЛИБАЕВА (статья)

105

Александра ПОРЩНЕВА ► ДЫХАНИЕ «НОВОЙ ВОЛНЫ» (статья)

107

Вячеслав КОРНЕВ ► МЕДИАФАН, или ВЛАСТЬ КИНОСИМУЛЯКРА

109

(о фильме Звягинцева и его медийном эффекте)

109

Юлия БОБРЫШЕВА ► НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ (рецензия на книгу Натальи Николенковой)

112

Юрий ТАТАРЕНКО ► ПОЭМА ЭКСТАЗА ОТЧАЯНИЯ (рецензия на книгу Александры Вайс)

114

КИНОЛИКБЕЗ 2015

117

Вадим ВИСТИНГАУЗЕН ► КИНОЛИКБЕЗ ПРОШЕЛ – ДА ЗДРАВСТВУЕТ КИНОЛИКБЕЗ!

117

(заметки искусствоведа)

117

Михаил ЧЕРНЯК ► БАРНЕО-2015 (заметки председателя фестивального жюри)

127

Евгений ЛУМПОВ ► АНТИДИВАННОЕ ВОЗЗВАНИЕ (удаленные заметки)

132

Ани ПЕТРС ► КИНОЛИКБЕЗ БЕЗ КУПЮР (заметки и интервью)

133

НАШИ ГОСТИ

142

Леонид КУЗНЕЦОВ ► КНИГОИЗДАТЕЛЬ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА (беседа с Владимиром

142

Токмаковым)

НАШИ АВТОРЫ

146

НАШИ ИСТОКИ

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ► ВОЙНА И МИР (роман) Том 1. Часть 1 Глава XI.

Наступило молчание. Графиня глядела на гостью, приятно улыбаясь, впрочем, не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уедет. Дочь гости уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, как вдруг из соседней комнаты послышался бег к двери нескольких мужских и женских ног, грохот зацепленного и поваленного стула, и в комнату вбежала тринадцатилетняя девочка, запахнув что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась посредине комнаты. Очевидно было, она нечаянно, с нерассчитанного бега, заскочила так далеко. В дверях в ту же минуту показались студент с малиновым воротником, гвардейский офицер, пятнадцатилетняя девочка и толстый румяный мальчик в детской курточке.

Граф вскочил и, раскачиваясь, широко расставил руки вокруг бежавшей девочки.

— А, вот она! — смеясь закричал он. — Именинница! Ma chere, именинница!

— Ma chere, il y a un temps pour tout, [Милая, на все есть время,] — сказала графиня, притворяясь строгою. — Ты ее все балуешь, Elie, — прибавила она мужу.

— Bonjour, ma chere, je vous felicite, [Здравствуйте, моя милая, поздравляю вас,] — сказала гостья. — Quelle delicuse enfant! [Какое прелестное дитя!] — прибавила она, обращаясь к матери.

Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками, которые, сжимаясь, двигались в своем корсаже от быстрого бега, с своими сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках, была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка. Вывернувшись от отца, она побежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое раскрасневшееся лицо в кружевах материной мантильи и засмеялась. Она смеялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу, которую вынула из-под юбочки.

— Видите?... Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей всё смешно казалось). Она упала на мать и

расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли засмеялись.

– Ну, поди, поди с своим уродом! – сказала мать, притворно сердито отталкивая дочь. – Это моя меньшая, – обратилась она к гостье.

Наташа, оторвав на минуту лицо от кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу сквозь слезы смеха и опять спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла нужным принять в ней какое-нибудь участие.

– Скажите, моя милая, – сказала она, обращаясь к Наташе, – как же вам приходится эта Мими? Дочь, верно?

Наташе не понравился тон снисхождения до детского разговора, с которым гостья обратилась к ней. Она ничего не ответила и серьезно посмотрела на гостью.

Между тем всё это молодое поколение: Борис – офицер, сын княгини Анны Михайловны, Николай – студент, старший сын графа, Соня – пятнадцатилетняя племянница графа, и маленький Петруша – меньшой сын, все разместились в гостиной и, видимо, старались удержать в границах приличия оживление и веселость, которыми еще дышала каждая их черта. Видно было, что там, в задних комнатах, откуда они все так стремительно прибежали, у них были разговоры веселее, чем здесь о городских сплетнях, погоде и comtesse Apraksine. [о графине Апраксиной.] Изредка они взглядывали друг на друга и едва удерживались от смеха.

Два молодые человека, студент и офицер, друзья с детства, были одних лет и оба красивы, но не похожи друг на друга. Борис был высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица; Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица. На верхней губе его уже показывались черные волосики, и во всем лице выражались стремительность и восторженность.

Николай покраснел, как только вошел в гостиную. Видно было, что он искал и не находил, что сказать; Борис, напротив, тотчас же нашелся и рассказал спокойно, шутливо, как эту Мими-куклу он знал еще молодою девицей с неиспорченным еще носом, как она в пять лет на его памяти состарилась и как у ней по всему черепу треснула голова. Сказав это, он взглянул на Наташу. Наташа отвернулась от него, взглянула на младшего брата, который, зажмурившись, трясясь от беззвучного смеха, и, не в силах более удерживаться, прыгнула и побежала из комнаты так скоро, как только могли нести ее быстрые ножки. Борис не рассмеялся.

– Вы, кажется, тоже хотели ехать, maman? Карета нужна? – сказал он, с улыбкой обращаясь к матери.

– Да, поди, поди, вели приготовить, – сказала она, уливаясь.

Борис вышел тихо в двери и пошел за Наташей, толстый мальчик сердито побежал за ними, как будто досадуя на расстройство, произшедшее в его занятиях.

ПОЭЗИЯ

Михаил ГУНДАРИН ► МУЛЬТИФИЛЬМЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (подборка стихов)

МАНГА

Когда с толпою кукол
Под крики горожан
Пересекаю купол
Расцветки баклажан
Я так хочу обратно
В хрустальный ком зрачка
Где крапинки и пятна
Легли наверняка
Но никого не впустит
В разбитые очки
Закрывшееся устье
Пылающей реки

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ

В коммунистических, нервущихся
И шляпе с аццкими полями
(и это все мое имущество)
Я там, над вами вверх ногами.
Что за нелепая утопия!
Но детство всякое нелепо,
Как насморк или плоскостопие –
Мороженое вместо хлеба.
Пускай бредово, но продуманный
В подробностях, до каждой спицы,
Давно поломанный, полуденный
Вам этот мир все так же снится.

• • • • •

Океан что береза – зазря шумит,
Ни бананов, ни яблок – одни обиды,
Да сомнительных символов алфавит
За пределами честного алфавита.
Можно сетовать на неуклюжесть фраз,
Вавилонскую башню искать в пучине,
Но покуда он развлекает нас
Эту драм-машину никто не чинит.
В долгосрочной засаде таится речь
Но однажды покажет свой стиль и норов -
Если нужно и вправду на дно увлечь,
Заклинанья действенней уговоров.

ТЕХНОЯМБЫ

I

Вчерашней музыки пазы,
 Недоуменье батарейки –
 ее сменившие кургузы,
 пожалуй, меньше канарейки.
 Они из подсознанья ямба,
 Из штабелей хороших строчек,
 Любую из которых я бы
 Отправил в ад без проволочек.
 Увы! пришельцы и герои,
 Теперь живее всех живущих,
 Их равнодушною игрою
 Замешана земная гуща.
 Зане смененные помяты,
 И отправляются на волю
 Ломать стальные аты-баты
 По заштрихованному полю.

II

Они сцепляются хвостами
 Лоснится вытертая кожа
 Их можно поменять местами
 С любым кошмаром равно схожих
 Но это звери антологий
 А мы имеем дело с теми
 Кто выползает из берлоги
 Как наспех брошенное семя
 Сквозь ледовитые экраны...
 Проходит через эти коды
 (Дырявы будто бы карманы)
 Сквозняк неведомой свободы.
 Готовь тяжелую дубину
 Мотай рулоны изоленты
 Встречать грядущего лавину
 Его живые элементы

• • • •

Очередной зимы стальная ось
 Легко нашла живое полотно
 Вошла в него, прошла его насквозь
 И там где вышла вон - воспалено.
 Но поболит недолго: это март,
 Неприхотливый черновик всего,
 Дурак-игрок в карманный биллиард,
 Полезное , однако, существо:
 Ему известен путь в холодный лес.
 Где рваный город вроде башмака
 Валяется среди семи небес.
 Их видит тот, кто старше сорока.

• • • • •

нелегко оставаться
одному в этом мире
где 12x9
или 3x4
но зато невозможно
одному не остаться
там где 10x10
или 30x20

• • • • •

сквозь темный лес тугих пружин
как яростно сияют эти
бессмысленные чертежи
слова на пыльном эполете
(...неправильные падежи,
зазря закинутые сети)

БАЛЛАДА

Над 307-м километром
Дешевое солнце взошло.
Каким-то неведомым ветром
Меня в эту глушь занесло.
Я был содергимым попуток
Не знаю что делать теперь
И кажется через минуту
Навеки закроется дверь
Тяжелую эту пружину
Едва ли удержишь плечом
О главном молчать прикажи нам
(Шепни для начала – о чем)
Кто в этом холодном мотеле
Последнюю ночь переведет?
О чём нам синицы свистели
Веселый апрель напролет?
Зачем ты мне снова приснилась,
И снова была холодна?
В какие карманы набилась
Последняя горстка зерна?
И снова – измена, измена,
А после – беда и беда.
Но это финальная сцена,
И сыграна не без труда.
Езжай, очевидец, обратно,
Пей пиво и вправду молчи
Про эти разрывы и пятна
Потерянные ключи.

• • • •

Незначительное, розовое,
 Как желе на плоском блюдце
 До конца тебя использовал
 Лишь потом сумел проснуться.
 Не мою смертью слепленный
 Обескровленный куличик
 С этой ночью крепко сцепленный
 Вдетый в тысячу петличек
 Значит, зря весь вечер думал я
 Что тоска моя напрасна
 Что тяжелое, угрюмое
 Пламя все-таки погасло

ИСТОРИЯ С АНГЕЛОМ

восемнадцатого апреля 1996 года
 только что выстроенный особняк моего отца
 (как тогда говорили, коттедж)
 загорелся со всех сторон, шансов не было ни у кого,
 погиб отец, его молодая жена, ее ребенок от первого брака
 мой как бы сводный брат иван
 пяти лет. задохнулись в дыму, пытались выбраться, не смогли открыть двери.
 кто-то закрыл их снаружи да так крепко,
 что даже гибнущий человек, у которого сил всегда прибавляется,
 не смог этот запор сломать.
 поджог, однозначно – сказали менты
 ну сказали и сказали а что толку
 времена-то какие никто и не удивился
 бизнес есть бизнес
 меня в городе не было, я путешествовал по америке
 последний подарок отца, как получилось
 да и был бы в городе жил все равно отдельно
 да и был бы в доме ну и что
 погиб бы тоже а мне 20 лет
 что толку и все равно все равно
 подозревали отцовских компаний
 лысого дядю колю бывшего второго секретаря обкома
 бандита петю продвинутого в бизнесе сергея сергеевича
 эмбизай, все дела, он-то в америку меня и посоветовал отправить
 может пожалел может спасти хотел
 приходили все сокрушались выделили денег ну обсчитали конечно
 времена то какие бизнес есть бизнес
 я уехал во францию англию голландию чехию эмираты австралию
 я 10 лет живу в новой зеландии, 30 миль от окленда
 говорят самый райский уголок земли
 ну-ну рай так рай
 я все время следил за ними ненавидел думал убить
 нанять киллеров послать по почте конверт с отравленным порошком
 о
 фантазия на высоте
 и знаете что с ними произошло? они все умерли
 при простых обстоятельствах автокатастрофа
 острое отравление на далеких островах

подскользнулся в ванной ударился головой
 никаких в общем мучений
 не то что отец
 ну и ладно пусть хоть так
 и знаете что? я с недавних пор стал мучиться
 я ведь знаю что это я убил их
 своей волей я изменил их судьбу
 они заслужили заслужили но я не мог спать
 я не мог есть я не мог их больше ненавидеть
 я думал вот умру и все закончится
 лежу себе в палате маленькой больницы
 скоро скоро
 и тут ко мне является ангел
 белый большой светящийся все дела
 и начинает:
 не знаю как тебе сказать, но вообще-то это я.
 я их всех наказал ты тут не при чем они заслужили
 и не за твоего отца нет нет
 чем заслужили не спрашивай у нас своя бухгалтерия
 и знаешь что еще?
 и твоего отца наказал тоже я он тоже заслужил
 ну и его семью тоже кого-то с упреждением заранее то есть
 я ангел-истребитель такова моя миссия
 бизнес есть бизнес
 так что выздоравливай ты тут не при чем
 ничего себе заявление
 и знаете что? я ему не поверил
 нечего меня утешать
 скоро я умру и сам стану ангелом-истребителем
 у меня для этого есть все задатки
 долгая память
 твердая рука
 четкий глазомер

Андрей КОЗЫРЕВ ► ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В МОНОЛОГАХ (подборка стихов)

• • • • •

когда я закрываю глаза
чтобы лучше отшлифовать фразу
в своем сознании
я пытаюсь
увидеть ушами
песню
стучащую по скорлупе жизни
изнутри

1

я говорил с тобой
и мой голос
тонул в тебе
а моя душа
выходила из тебя
как Афродита
из воды
на берег жизни

2

твое имя
похоже на тебя саму
у него такое же выражение глаз
такой же изгиб губ
такой же румянец
я хотел бы
написать портрет твоего имени
но сейчас
твое имя
произносимое мною как заклинание
творит меня

3

я хочу умножить
мою любовь на твою
меня на тебя
мои губы на твои щеки
мои глаза на твое лицо
мои руки на твои плечи
и разделить все это
на бесконечность нашего счастья
чтобы от этого деления
любовь стала только больше

4

я выпил тебя
как человек выпивает
сосуд с жизнью
и стал пуст тобою
до краев
а ты выпила меня

как сосуд пьет человека
припадающего губами к нему
и стала полна мной
до донышка
а оба мы
выпили нашей любовью
вечно жаждущей
новых людей
алчущих ее

5

сон это храм
в котором мы
заключаем наш брак
два наших свидетеля
небо и земля
а любовь
единственный священник
я женюсь во сне
на своем сновидении
чтобы проснуться холостяком

глубину нашей жизни
мы измеряем снами
а высоту любви
измеряем явью
явь – это сон
который несколько миллиардов людей
видят одновременно
а сон – это явь
являющаяся каждому в одиночке
где он заключен
жизнью

в конце концов
мы всю жизнь
лепим себя из снов
как из глины
и в итоге
скульптор принимает форму глины
а глина форму скульптора
закон сна
в неизбежности пробуждения
закон пробуждения
в неизбежности нового сна
и я забрасываю
эхолот сна
в морскую глубину любви
чтобы уловить в ней
эхо своего счастья

6

Если бы ты была гробницей,
Я давно бы умер,
Чтобы находиться в тебе.

Если бы ты была смертью,
 Я хотел бы заразиться тобою
 навсегда.
 Если бы ты была постом,
 Я постился бы тобой,
 Пока не умер от голода.
 Но ты – Любовь.
 И тебе тесно во мне,
 Как солнцу
 В собственном сиянии.

7

на восходе
 жизнь салютует кровью смерти
 на закате
 смерть салютует кровью жизни

8

Жизнь складывается
 Сама собой
 Как складывается цветок
 Или лист бумаги
 Как складываются отдельные люди
 В семьи, народы,
 человечество
 Но никто не знает
 Как сложится его смерть
 Хотя ее
 Складывает жизнь

9

ты ушла
 из жизни
 и мои глаза теперь
 это застывшие слезы
 а слезы мои
 это расплавившееся зрение

уходя в смерть
 ты подтолкнула меня
 в жизнь
 с тех пор
 я мчусь за тобою
 наперегонки

когда-нибудь
 МОЯ ЖИЗНЬ
 обгонит твою смерть
 и свершится чудо
 жизнь
 полетит
 со скоростью смерти
 со скоростью света

10

тело
дано человеку
чтобы не почувствовать
мук ада
обнаженной душой
раньше времени

тело
это баррикада
между душой
и муками ада

баррикада
делящая улицу
на два тупика

а любовь
это вечное синее небо
над всеми баррикадами
войны жизни и смерти

Алексей СМИРНОВ ► СТИХИ ИЗ ИТАЛИИ (подборка стихов)

ПЬЯЦЕТТА

Что может быть уютней, чем пьяцетта?
На площадь опущу, как из ларца,
Придерживая кончиком пинцета,
Собор и три игрушечных дворца.
Зажгутся в окнах алые бумажки.
К дверям придет, сверкая сбруей, конь.
И маска вырвет поцелуй у маски,
Прижав перчаткой белую ладонь.

Февральский вечер плоским звоном лютни
Тебя окликнет коротко: «Постой!..»
Вновь невидимки затеваают плутни
На полутемной площади пустой.
А в глубине погасшего собора,
Где лишь ночник рубиновый горит,
На шалости их смотрит без укора
Тот, кто в конце времен заговорит.
Ну, а пока, узорную манжету
Из бархатного выпростав плаща,
Возьми, как первообраз розы, эту
Живую жизнь без долгих рифм на «ща»,
И прикоснувшись теплыми губами
К изогнутым, что чаша, лепесткам,
Тому, кто неотлучно вместе с нами,
Воздай хвалу, как я ее воздам.

ГАБРИЭЛИ

У счастливца Габриэли
На душе сегодня праздник.
Очень весело и бурно
Он в бутыль вино долил,
Отхлебнул и в самом деле
До утра решил отставить,
Но как следует подумал
И решенье изменил.

И совсем прекрасно стало
На душе у Габриэли,
И маэстро, солнцу низко
Поклонившись, вышел на
Плиты, залитые ало,
Где пахучие горели
На закате флорентийском
Капли доброго вина.

И, минуя двор Сената,
Улыбнулся Габриэли,
Улыбнулся виновато
И счастливо. Может быть!
Пусть менялись меценаты,
Отменялись юбилеи,
Но к закату есть соната,
И ее не отменить.

И по улочке столь тихой,
Столь тенистой и уютной
Шел притихший Габриэли,
Что – как чудо из чудес –
За оконной паутинкой
Освещенный профиль юный
Улыбнулся на мгновенье
И нечаянно исчез.

И цветными, что бесценно,
Леденцами, как подарок,
На счастливца Габриэли
С неба высыпался дождь,
И струею семицветной
Било солнце из-под арок,
И, качаясь, плиты пели:
– Габриэли, Габриэли!

• • • • •

И мимолетны, и бесценны,
Как много лет тому назад,
С утра над пальмами Равенны
Снежинки влажные кружат.

Я слышу смех твоих хозяек.
Я верю притчам вещих книг.
Я был творцом твоих мозаик
И певчим древних базилик.

А ты – дитя из колыбели –
У старины не сходишь с рук,
И даже птицы оробели
Лететь сквозь обруч южных выюг.

Владеет миром быстротечность,
На всем лежит ее печать.
Тебя лишь на минуту вечность
Дала мне в руки – покачать.

САН-МИКЕЛЕ

Памяти Иосифа Бродского

В идеальном порядке, где бы я ни ходил,
Аккуратные грядки легендарных могил.
Адмиралы-счастливцы, я покой ваш храню.
Хорошо ли вам спится в вашем отчем краю?

Кредиторы, пройдохи, дамы сердца, певцы.
Богатейшей эпохи золотые творцы.
В гуще прошлого века, в ленинградские дни
Было сказано веско средь людской толкотни:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

К вам, купцы и банкиры, как попал буквоед,
Перл космической лиры, своенравный поэт?
Да еще из России... Что, – ответьте на раз, –
Морозини, Россини, потерял он у вас?

В кипе тысяч его строф есть на этой печать:
На Васильевский остров
Я приду умирать.

Это было б красивым завершеньем судьбы:
К волнам Балтики, к ивам, на родные гробы.
Снисхожденье – заблудшим. Всепрощенье – врагам.
Уважение – лучшим. Всем сестрам по серыям...

Где Венеция-Север? Где Венеция-Юг?
Как заклинило реверс наших встреч и разлук!
Есть балтийские воды, черно-белый покров.
Есть дыханье свободы – Адриатики зов.

Между ними не версты – между ними века.
Тот, чьи очи отверсты, знает наверняка
И меняет свой выбор: и погост и страну –
На Венецию-рыбу, на волну зелену.

Здесь, в последней постели под опавшей листвой,
Островок Сан-Микеле, чужестранца укрой.
Не отринь пилигрима. Что он смял голенищ –
Мимо Родины, мимо дорогих пепелищ!

Не ищи лжепророка в том, чье сердце, плеща,
Износилось до срока у Отчизны в клещах.
Не венками обвитый – под пинками суда
С не прощенной обидой он ушел навсегда.

Говорящих фамилий преумноженный сонм –
Бродит тень его или погружается в сон
В первом – дангова ада – самом легком кругу,
Где как будто не надо быть у Неба в долгу.

Голос там на полтона ниже, чем на земле.
Как в саду у Платона, там туманы к зиме.
Этих сумерек дымка не доступна живым.
Имярек-невидимка, мир смятеньям твоим.

ГОНДОЛЬЕР

Лакированный лоск чернокожей гондолы.
Красных кресел качнувшийся строй...
Все «коньки» по бортам к отправлению готовы.
Время сумерек. Скоро шестой.

В полосатой футболке, наверное, маркой,
В шляпе с лентой, к воде под углом
Ты с покатой кормы, наклоняясь под аркой,
Длинноруким вращаешь веслом.

Среди пегих ущелий кирпичного сада,
Тусклых окон, похожих на клей,
Ты скользишь, и вода шевелится усато
Прямо под носом лодки твоей.

Живописных дремот византийская сырость
Столько зим эти стены пасла!
Да еще тишины застоявшейся сырость.
Да трава, что свисала с весла.

Невозможно тут клавиш бренчанье от скуки,
Барабан – вышибаемый клин.
Здесь уместны едва различимые звуки
Уплывающих вдаль мандолин.

Я не брошу в канал корабельного лота.
Здесь иная живет глубина.
Отошедших столетий дрожащая нота
В лабиринты руин вплетена.

Гондольер не спешит, потому что недвижны
Здесь эпохи – не то что вода.
Украшенье фронтонов – парадные ниши
Никогда не заглянут сюда.

Остров – в книге морей одинокое слово,
А над ним дни и ночи туман.
Осмотрительность, может быть, прежде другого
Есть в характере островитян.

Аккуратно проплыть мимо каменной кладки
Под моста изогнувшись свод.
Наши помыслы долги, а плаванья кратки.
Не длинней полосы этих вод.

И когда в поворот, что назначен судьбою,
Впишет нас водяная тропа,
Ты исполнишь, от стен оттолкнувшись стопою,
Островной осторожности па.

ВЕНЕЦИЯ

Я знаю, в этом городе должны
Жить только те единственныe тени,
Чьи дни при жизни были сочтены,
Как в воду уходящие ступени,
Где серая когорта январей,
Лагуны ветром от моря гонимых,
Проходит, как цепочка фонарей,
По низким берегам неисцелимых.

Что делать мне под хмурою стеной
С моей веселой памятью о солнце?
Однинадцать столетий за спиной
Блестят, как крошки золота на донце.
Ночной прилив поднимет до плеча
Морских огней мерцающие бусы,
А в полдень ниспадает, как парча,
Стоячий плеск воды зеленорусой.

О, праздник света, пестрый карнавал,
Смешенье красок, шум, столпотворенье!
Большой канал похож на интеграл,
Изображенный в третий день творенья,
Изборожденный стрелами гондол,
В которых мавр везет гостей из Гавра,
А догаресса, приподняв подол,
Уже ступает на борт «Буцентавра».

Завалены товарами мосты,
Запружены игрушечные пьяцца ,
И чайками разубраны кресты
Под звон колоколов и смех паяца.
Венеция – подобье райских кущ,
Они, и вечны и неутомонны,
Так почему охватывает плющ
Укутанные бархатом колонны?

Зияют окна черные кругом.
С кем город-призрак борется в тумане?
Кто и когда с кормы косым веслом
Захлопнет ставни на дворце Гrimани?
Еще не вся искуплена вина,
Еще не все оплаканы потери.
Зачем же бирюзовая волна
Стеклянные оплескивает двери?

Смелее, Адриатика, входи
В свой ветхий дом, в забытые покои
И хороводы зыбкие води,
Покачивая белые левкои.
Теперь я не забуду твой напев,
Над площадью гнедых коней квадригу
До той поры, пока крылатый лев
Не дочитает мраморную книгу.

Екатерина ВИХРЕВА ► МИФОЛОГИЯ (подборка стихов)

МИФОЛОГИЯ

И влюбляться в юного Черчилля, и слушать АлоэВера,
 Искать майки для йоги, покупать кофе на вынос,
 В некотором роде жить в инстаграме, потому что там
 В некотором роде жизнь.
 Мало кто это вынес.
 Вот мы и познакомились, Трисмегист.
 Метемпсихоз, ты однажды сказал – лишь перемена мест.
 Смейся надо мной, красивее тебя я не знаю.
 От улыбки твоей оживают камни, а я обращаюсь в камень
 Когда ты начинаешь движение, ибо слово – ничто, Гермес.
 Рядом с тобой с пальцев слетают кольца
 Мифология искрит и проскакивает между нами
 Мифология
 Соль, солнце

• • • •

А ты должна была уехать в Индию
 Уехать в Индию
 Скажи это слово пока нас никто не увидел
 Никто не увидел
 Индия на наших руках
 Смерть у нас в друзьях
 Зачем тебе все серебро
 Если рядом нет той,
 что слышит звон твой
 Звон твой...
 Тише...
 Тише, малыш
 Просто смотри сквозь крыши
 На тени иных вершин
 Слушай
 Среди проспектов, людей, машин
 тишину своей тишины.
 Парк, холодаает, дождь
 зачем ей дом
 если ты туда не придешь
 осень шуршит листьями словно кошка
 кладет вам теплые лапы
 между лопаток
 ом намо
 ом намо бхагавате

• • • •

Уходи, дорогая, в лес.
 Отыщи там иглу и меч
 Своего Тристана.
 Игла - чтобы сломать и в печь,
 Меч - чтобы лег между вами,
 Лес - чтобы остаться здесь
 Навсегда, навсегда, как у Мураками.

В лесу косы растут быстрой,
 Власть несбыившегося слабей,
 Нет мостов, чтобы жечь, и дверей
 Чтоб открыть и стоять дураком на пороге.

Никому из твоих зверей
 В лесу не нужны дороги.

• • • • •

Этой осенью мне твои запахи сняться
 А больше ничего не снится.
 У самого теплого моря есть дно, где лежат корабли
 И мертвые птицы.

Я знаю истории женщин, которые утонули в утреннем кофе
 Не дождавшись настоящего пробуждения.
 И женщин, уковыльшихся веретеном,
 Чтобы попасть в лес забвения.

Я слышу шум крыльев и мне на плечо спускается совоокая,
 В своем настоящем облике.
 Я слышу, как уверенно бьется сердце
 Твоего молодого волка.

Я знаю, о чем весь мир, о чем его шум и ярость
 Я вслушиваюсь в лепет младенцев,
 В новости BBC, в то, как засыпают листья,
 В то, что бормочет старость.

Я знаю, что в жизни всегда есть смерть, но и в смерти
 Всегда есть жизнь. Мы вытянули пустую руну.
 Каждый раз, возвращаясь, я встречаю тебя здесь.
 Каждый раз, уходя, я надеюсь на это.

• • • • •

Послушай - говоришь ты тому, что блуждает по телу, бьется изнутри в тонкие стенки, вот-вот проломит, взметнет волну, - от начала времен это так, ничего не поделать, только ждать, ибо тот проиграет, кто начнет войну. Но песня моей надежды - голос волчицы, воющей на луну, и голос седого волка, вторящий ей в темноте, - такой темноте, где только волки умеют петь. Нет ни потом, ни прежде, каждый взращен в плену, но и рожденный в неволе может перегрызть плеть. Взгляни же, кем рядом с тобой идет твоя тень, и как у нее на загривке взъерошивается шерсть. Выполнит то, для чего рожден, когда все вокруг говорит «не сметь». Осень в маленьком городке, просто чай, просто теплый плед. Нет ничего плохого в поисках мест теплей, есть только воля не вратить самому себе.

• • • • •

Мы узнали друг друга в самый тяжкий месяц,
Когда духам уже не верят, а младенцев еще не крестят.
Когда у природы с людьми разговор короткий,
Когда зима стирает с небес все другие ноты -
Птиц и листьев необязательные силуэты -
И оставляет только немного света.
Видимо, для того, чтобы глаз закрывать не смели,
Только молча и неотрывно смотрели
Как из вечного мрака ожившие детские страхи
Наступают на нас и скрывают охранные знаки.
Лишь те спасены, кто и мокрые спички
Зажигает легко и танцует на ниточке
Между миром ушедших и миром спящих.
Гвозди бы делать из этих людей, ноябрь. Гвозди, мечи и чаши.

• • • • •

Так вот как все это устроено.
В погоне за белым кроликом
Персефона теряет ключи, документы,
Переписывает имена и коды
Забывает себя, остается в царстве Аида на целую вечность,
то есть на миг, конечно.
И весь этот миг видит во сне Гермеса.
Гермесу это неинтересно.
Гермес в это время занят.
Занят, занят, всегда, у него своих дел по горло.
Персефона закусывает гранатом, по ее телу проходят волны.
Первая волна сбивает с ног... впрочем, это другая сказка,
Там еще было что-то про ветер, про гнезда.
Персефона смотрит в глаза Аиду, из глаз сыпятся звезды.
Ты не расшиблась, детка?
Одна таблетка сделает тебя маленькой, только одна таблетка.
Персефона кричит и выдирается из собственной кожи.
Ей тесно в самой себе, тесно так, что уже невозможно.
Больше нет Персефоны, некому видеть во сне Гермеса.
Можно очнуться в пустыне, на острове, в чаще леса,
В море, в замке с драконом, в общем гнезде, на работе.
Она еще не решила, но с ними это уже происходит.
С нами это уже происходит тысячи лет.
...Если ты можешь туда смотреть, ты будешь туда смотреть.

• • • • •

Я хочу писать тебе дурацкие сообщения
из странных мест, чтобы ты смеялся, читая их поздно ночью,
пока я вдыхаю утро, и сырость, и кофе, сидя в забавной шапочке
над туманным рассветом где-нибудь за обшарпанным столиком, которому сто лет.

я хочу, чтобы у меня была индийская свекровь,
красавица с гибкой спиной, в прошлом британская модель, конечно, и художница,
она научит меня готовить самый лучший в мире палак панир,
и будет рассказывать про своих бывших любовников,
пока мой любимый муж играет с сыном в саду.

Я хочу быть знаменитым американским психиатром,
который однажды сошел с ума и обнаружил,
что он - это я, а его друзья в поисках выхода
применили его собственную методику,
и потом он написал об этом самую лучшую свою книгу.

Я хочу делать украшения из серебра и камня,
глядя на которые люди думают о вечной спирали жизни,
и о том, что все-таки можно разомкнуть круг,
и о том, как это прекрасно и больно - быть живым. Живым.

Антон МЕТЕЛЬКОВ ► ЖИЗНЬ ПРОСТА КАК ПИАНИНО (подборка стихов)

жизнь проста как пианино
хлопнул крышкой пианист
будь гуманна гильотина
выдай мне больничный лист
пусть ко мне приедет мама
не приедет а придет
дверь налево дальше прямо
девяносто первый год
малыш заглядывает
за подоконник
детского сада
заберите меня отсюда
ну пожалуйста
заберите меня домой
заберите меня поскорей
лучше мама и папа
но можно и тетя марина
заберите
бегут ручейки
распустились листочки
заберите меня домой
ну пожалуйста
он идет на работу
он работает сторожем
в детском саду
он заглядывает за подоконник
заберите меня домой
заберите меня поскорей

дети и старики
волны одной реки

ты уедешь в город киев
где зеленое сукно
и фонарики такие
как в детдоме выпускной
там перегореть бродяга
значит перегоревать
у тебя в твоих портянках
спрятано по сотне ватт
 занозишь лучами солнца
 ноги в бешеной ходьбе

до свиданья скажешь социум
еду я от А до Б

пусть жук сквозь туманную кашу
несет свое вж
он скажет но пусть он не скажет
чем кончится жизнЬ
пусть травы ему подыграют
качаньем не в такт
чтоб нам не сорваться с окраин
в ущелье зевка
чтоб нам насовсем заблудиться
под сенью бровей
как две ясноглазые птицы
ниzarь, зинзивер

степка ищет атлантиду
он спешит и не спешит
ручка пишет и не пишет
спину щиплют мураси
он лежит себе конвертом
буквы тихонько жуют
и прошит нездешним светом
он становится жильем
выходили на орбиту
два тяжелые шмеля
отпусти мои обиды
долгожданная земля

привет подсолнух детский сад
для маленьких галчат
схватились за руки кричат
не смей нас огорчать
дождемся ветра полетим
до солнца и кар-кар
тропинками весенних льдин
карабкайся икар
твой путь надежен как струна
пряма твоя спина
а за тобою вся страна
как знаешь понимай

значок помнит город царицын
ты помнишь этот значок
трамвай как пластмассовый рыцарь
реку пересечет
значок твой репей неотвязный
улыбка в мешке
а баржи как розы бумажные
бегут налегке
лишь пушка без шляпки гвоздик
хранит каждый борт
на том берегу осень
учебный год

умереть в холодном барнауле
лакированным ботинком постучать
люли-люли вы меня обули
и на лоб поставили печать

я отправлен греть библиотеку
инвентарный номер занимать
я при жизни не ходил в аптеку
выйдет ли аптека из меня

стихи – не преступленье – следствие
улика, кровь наоборот
по лесу ходит-бродит лезвие
и сумасшедшего ведет
следы его огнеопасные
уже спускаются к реке
и не велят они опаздывать
и рыбий плач о рыбаке
безмолвно над водой качается
и пузырек за пузырьком
плывет, как будто бы прощается
и уплывает так легко
плач оконного стекла
на окраине села
плач о ласточке в степи
превращающей стихи
в тополиные бега
плач реки о берегах
плач по сказочным лесам
не по дням а по часам
плач согбенный подо льдом
от него заносит дом
на окраине села
снеговая пастила
в небесах висит калач
спи, мой мальчик, спи, не плачь

зебры-зебры, вы березы?
мы березы, да-да-да!
мы покинули колхозы,
улетели навсегда!
зебры-зебры, что вам снился?
корка хлеба в облаках,
снежный иней на ресницах
и есенина строка.

в немытом окне в немытом окне мама
в ее волосах в ее волосах роза
да кто вам сказал что чехов писал драмы
слагает июль слагает июль росы
в твоей голове полно чепухи вроде
что это за зверь так напоминающий белку
а где-то часы а рядом часы ходят
пасутся в тебе в тебе и во мне стрелки

дети умирающие в детстве
умирают в возрасте зайчат
но продуман распорядок действий
селезень – а в нем яйцо – зачат
не сбежать кощюю от погони
мы идем бессмертие поправ
выросшие сказочные кони
исчерпав в своих горбах запас добра

мы взбираемся на подоконник
и не долетаем до днепра

есть ли свет в конце тюленя
есть ли люди там на судне
люди все позеленели
жадность размешав в простуде
стали зеленее воды
стали зеленее травы
как соленый вкус свободы
их заморские приправы
ты плывешь себе на льдине
сверху небо снизу небо
сгусток штрих-пунктирных линий
маленький детеныш нерпы

иван не носит сапогов
дождя он не боится
ему всего лишь первый год
летает он как птица
иван не знает дважды два
е-два и е-четыре
но понимает все слова
и в том, и в этом мире
а если вы начнете лезть:
мол, как вы там живете?
он вам ответит: счастье есть
но вряд ли вы поймете

тучи легкие коняшки
сыроежки и дворняжки
цокают по лужам в спешке
и дворняжки сыроежки
выбегают им навстречу
и бегут в одной упряжке
каждый вечер каждый вечер
сыроежки и дворняжки

нарезать сыра. поставить кофе.
поставить крест на своей голгофе.
поставить кофе. порезать рыбы.
а вы могли бы? а мы – могли бы...

мы несли голоса, точно факелы,
пламенеющие на ветру.
а они нас смолой оплакивали
на пути к мировому костру.
голоса наши вспыхнут песней.
сотни, тысячи голосов.
мы уже не умрем,
а умрем – так воскреснем
и уже не умрем.
вот и все.

– ты должен мне 5 тыщ
– тыщ! тыщ! тыщ! тыщ! тыщ!

ПРОЗА

Александр ФЕДЕНКО ► ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МЁРТВЫХ ЛЮДЕЙ (рассказы)

ПРАЗДНИК

К Петру Петровичу на новый год пришли гости и стали веселиться, а ему стало скучно.

Он пошел на улицу и сел на скамейку. Сидеть было скучно.

Петр Петрович закурил.

— Какая скучная сигарета, — сказал он и прикурил другую.

Мимо шел прохожий и спросил:

— Который час?

— Скукота, — ответил Петр Петрович и решил повеситься.

Он нашел веревку и пошел искать подходящее дерево.

Прибежал хулиган в костюме Деда Мороза, забрал у Петра Петровича кошелек, часы, сигареты и веревку. А взамен дал в морду.

— Вот так праздник! — сказал Петр Петрович.

ПАРТИЯ

Корешков и Петушков сели играть в шахматы в парке.

– Я все правила знаю, меня не обжалишь, – сказал Корешков и двинул пешку влево.

– А вы сильный игрок, – ответил Петушков, подставляя свою ладью под удар. И открыл иллюстрированный справочник дебютов для ролевых игр.

Корешков задумался. Пока он думал, пешки подкрались к белой королеве и на лакированном боку нацарапали «вика-шлюха».

Три белых офицера приволокли бубнового короля и вмиг стали красными.

Петушков заскучал, налил два стакана чудесного бургундского из алюминиевой банки и предложил Корешкову выпить за победу. Они выпили, закусили луком, и Петушков тут же скончался, поврежденный цианидом.

Черный конь забил копытом, бессердечно заржал, превратился в жирафа и откусил голову Корешкову.

Теряя голову, Корешков подпалил ладью.

Сидевший на дереве ворон посмотрел на вылезшего на шум червячка и, прежде чем его сожрать, подружески спросил:

– Зачем нам правила, если у каждого своя партия?

НА БЕРЕГУ

Виктор Петрович Вилкин сел на берег реки и начал ждать.

В авоське у него была бутылка шампанского, банка шпрот и праздничная хлопушка.

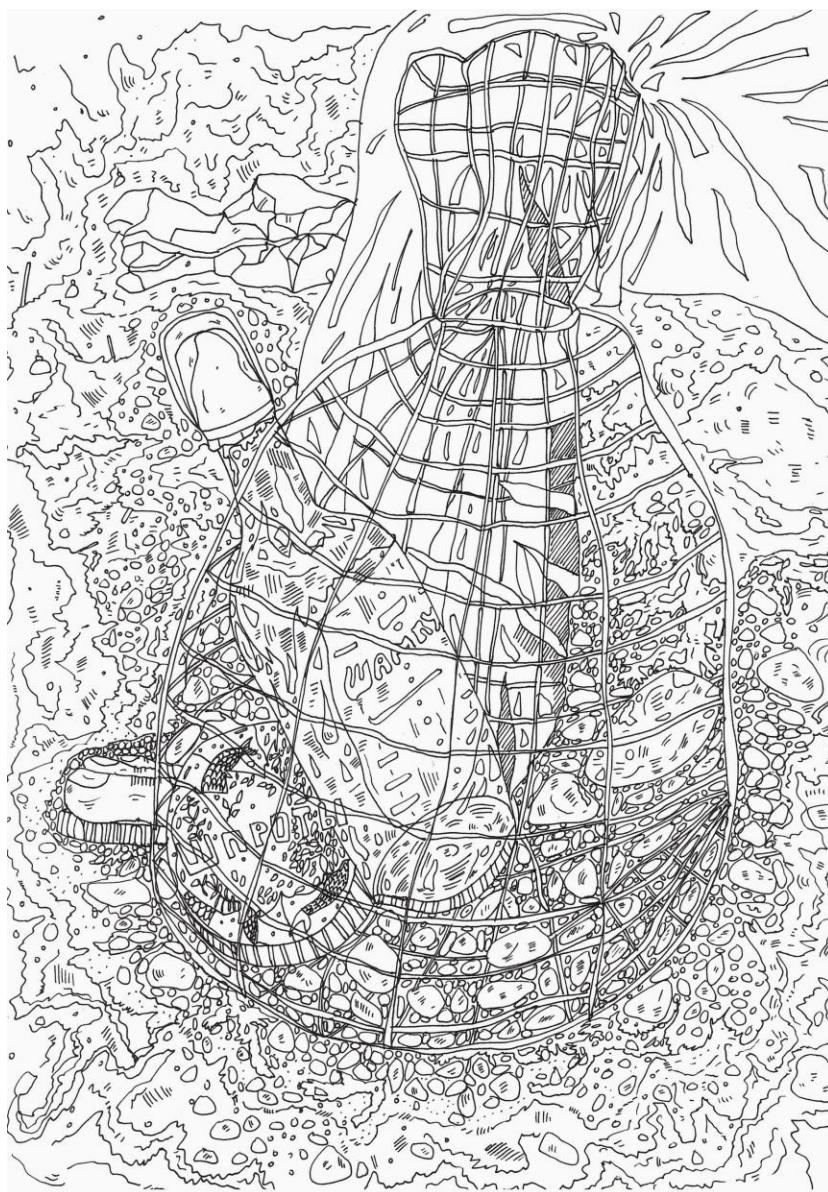
Он подождал пять минут, но никто не проплыл.

– Что за волокита, – сказал Вилкин и открыл шампанское и шпроты.

Недоуменно допив шампанское, скушав шпроты и никого не дождавшись, Виктор Петрович понуро бабахнул хлопушкой в небо и пошел домой.

А по реке проплыл мертвый Кондратюк, сослуживец Вилкина, взявший год назад в долг сто рублей и переставший здороваться. За ним плыл столь же мертвый Носков, сосед, он рисовал мелом некрасивые слова на двери Виктора Петровича. Следом, сразу вчетвером, проплыли Воронцов, Торцов, Борцов и Аджарян, знакомые жены Вилкина. Эти плыли особенно пикантно. И потом, не спеша, еще сто пятьдесят три не менее мертвых человека.

Но Виктор Петрович ничего этого не увидел, потому что очень торопился: его мучило от шпрот.

УТРО ХЛЫБЗИКОВА

К полуночи сил продолжать спать дальше решительно не осталось и Иван Петрович Хлыбзиков скинулся с себя одеяло.

Он прошлепал на кухню, прилипая, отлипая и вновь прилипая необутыми ногами к серому вязкому линолеуму. Накануне Иван Петрович отмечал юбилей и вылил полбутилки крепленого на пол.

На плите муторно сипел чайник. Жена Ивана Петровича, Алина Карловна, сидела за столом, намазывая булку маслом.

Хлыбзиков зажег сигарету и засмотрелся на перекосившееся отражение кухни в старом никелиированном боку чайника. Тлеющий огонек съедал сигарету, превращая ее в удушливый гадковатый дым. Иван Петрович глубоко затянулся, выперхнул из себя вместе с остатками сна сизое облачко и глухо закашлялся.

Чайник закипел.

Хлыбзиков почувствовал, что задыхается и вспомнил детство. В глазах его проплыло далекое летнее утро, еще одно, еще, еще.

Но кашель вдруг ушел. И детство тоже ушло.

Наваждение осыпалось теплым пеплом сигареты на пол. Иван Петрович наступил на него ногой и открыл окно.

Внизу под окном оранжевый дворник Галактион, сливаясь с оранжевой листвой, сметал ее в кучи. Но ветер приносил новую листву и все опять становилось оранжевым.

Иван Петрович выбросил окурок в окно и с интересом посмотрел, как он летит. Когда тот упал, Хлыбзиков сардонически засмеялся.

Зазвонил телефон. Иван Петрович взял трубку. Это был его начальник Степан Степанович, который интересовался, почему Хлыбзиков позволяет себе свинство не явиться на работу. Иван Петрович еще более сардонически засмеялся и выбросил телефон в окно. Голос Степана Степановича полетел вниз и разбрзгался на тысячи уродливых осколков. Галактион смел осколки, а на их место тут же нападали оранжевые листья.

Хлыбзиков сел на табурет, огляделся по сторонам, увидел Алину Карловну и улыбнулся ей. Она увидела, что он увидел ее, и завизжала в контральто, о чем-то догадавшись.

Иван Петрович схватил ее и тоже выбросил в окно.

Но она не полетела вниз. Ветер подхватил ее, как сорванную афишу или кусок обоев, и понес на деревья. Там она и застряла. И долго еще висела, держа в руке булку с маслом, пока Галактион не стряхнул ее. Лишь после этого ветер унес ее совсем уж неизвестно куда.

Иван Петрович сначала ходил по квартире, с липким треском ступая по линолеуму и сардонически смеясь, но потом проголодался.

Он сгреб крошки со стола и съел их, запив чаем.

После чая ему стало тепло и захотелось испытывать возвышенные чувства. Он пошел на бульвар и познакомился там с Агдой Карповной, которая ощущала в себе благосклонность к возвышенным чувствам.

Иван Петрович и Агда Карповна сидели на кухне Хлыбзикова, Агда Карповна мазала булки маслом, а Хлыбзиков кушал их и запивал чаем.

Насытившись сполна, Иван Петрович Хлыбзиков выкурил сигарету, посмотрел в ночное небо, лег в кровать и накрылся одеялом. Наутро он умер.

НА БУЛЬВАРЕ

Высокий человек по фамилии Скороходов ступал по бульвару начищенным ботинками. С достоинством. Туда-сюда.

И вдруг, мимоходом, совершенно непроизвольно, зацепился обо что-то случайное и даже эпизодическое. Или об кого-то. А, может быть, и вовсе этот кто-то сам зацепил высокого господина. Пойди теперь разбери.

Зацепившись, господин Скороходов не заметил этой неожиданной и новой сопряженности с миром и, шагнув вперед, почти оторвал то, чем зацепился. Да так и пошел дальше. Стало быть, зашагал уже не вполне целый собой.

Он позже уж заметил, когда неудобно стало ходить, что это надорванное как-то хворо волочится по дороге вслед за ним.

И оказалось, что зацепился он не абы чем, а своим человеческим достоинством.

Определенное недоумение завладело Скороходовым. Он пытался идти дальше. Но неприятное не нужное неудобство сказывалось на его движениях, на походке, делая каждый шаг неполнценным, уродливым.

Господин Скороходов попытался исподволь дооторвать то, что волочилось. Но ничего не вышло. Так он и гулял по бульвару в растерянности и неокончательности своего положения.

К счастью, пробегавшие мальчишки наступили на волочившуюся амбицию, Скороходов пошел дальше, а она благополучно осталась.

Теперь ходить туда-сюда стало приятнее. Скороходов ощутил легкость, душевный подъем и страсть к прекрасному. Захотелось выпить.

Столь воодушевленный, он не сразу заметил, как опять оказался на том же месте. Бродячая собака уныло рвала на куски обрывки человеческого достоинства, уже изрядно пыльные и потерявшие всякую привлекательность.

— Жри, сука, — сказал Скороходов.

— Что упало — то пропало, — ответила не то собака, то не то кто-то другой.

Бульвар стал отвратителен.

Скороходов свернул в переулок, оказавшийся глухим тупиком. Пройти его нас kvозь оказалось невозможнo. Темнело и холодало. Вернуться назад Скороходов не решился.

Засветилось несколько окон. Зажглась вывеска «Трактир». Стала заметна луна в узком обрывке неба.

Высокий человек в начищенных ботинках постоял на остывающей земле, обхватил себя за плечи и, зажмутив глаза от слепящего света луны, трактирной вывески и чужих окон, отчаянно закричал.

САБЛЯ

Я купил саблю. У старьевщика. Самую настоящую. У меня никогда не было сабли. Даже игрушечной. И ни у кого из моих друзей. И просто знакомых. Ни детских, ни взрослых. Все люди, которых я встречал, прожили свою жизнь без сабли. Так и доживут.

В детстве я был героем. Все мои друзья были героями. Мы могли стрелять из пулемета по врагам. Спасать любых, даже не слишком заманчивых, женщин. Без права на возмездие. Скакать на коне и рубить головы саблей. В этом есть прелесть и сила детства.

Я вырос и купил саблю. У старьевщика. Недорого. Она никому не была нужна. Вышел на улицу и сразу отрубил голову какому-то пешеходу. Даже не какому-то, а первому, который мне понравился. Проходившая рядом бабулька завизжала. Очень противно так завизжала. Зачем визжать, если тебе девяносто лет и приятно визжать уже не получается? И я сразу отрубил ей голову. Мимо шел усатый мужичок. Бессмысленно так шел. С бессмысленными усами. Я сразу понял, что он носит усы без всякого смысла. Видно было, что жил он без всякого смысла, и голова его покатилась так же – без всякого смысла. Пришел милиционер и попросил документы. Сказал, что я порядок нарушаю. Я показал справку из поликлиники и отрубил ему голову. Видно ведь, что человек без души живет и по улицам ходит.

Когда никого не осталось, меня сломила усталость. Я лег, положил саблю рядом с собой, обнял ее. Холодное истерзанное лезвие стало теплым.

ПАДЕНИЕ

До падения оставалось всего ничего.

Елизавета Алексеевна Комфоркина очень спешила на работу и поскользнулась. Но не упала. Только залезла ногой в лужу и забрызгала чулки. Везде, куда ни глянь, была слякоть. И даже трамваи, которые ходят по ровно положенным рельсам, и те обдавали мир чем-то мутным.

Когда Елизавета Алексеевна поднималась на третий этаж, навстречу выскочил стажер Пинчук, весь в каких-то пятнах, и она выронила из рук сумочку. Сумочка упала, вещички из нее вывалились прямо на затопленные ступени. А Пинчук сразу убежал.

Артур Тигранович тоже поднимался по лестнице. Он увидел, как она собирает свое подмаранное имущество, остановился и переждал. А когда Елизавета Алексеевна выпрямилась и оглянулась, он подмигнул ей.

Видевшая все Генриетта Петровна, поднимавшаяся за Артуром Тиграновичем, сказала Елизавете Алексеевне, что поступок ее безмерно скверен и даже непристоен. И что, наверное, ее теперь уволят.

Елизавета Алексеевна весьма огорчилась. И потому весь день у нее все валилось из рук. А когда она вышла на улицу, повторно поскользнулась. И точно бы упала, но ее подхватил Артур Тигранович и не дал упасть.

Она испугалась и побледнела, но Артур Тигранович оказался исключительно почтителен и обходительно предложил подвезти ее на автомобиле.

А по настоящему Елизавета Алексеевна Комфоркина упала, когда запуталась в своих чулках в гостях у Артура Тиграновича. И даже повредила себе ногу и тут же стала хромать. Артур Тигранович посмотрел на ее хромоту и сказал, что в таком виде ей лучше уехать. На трамвае. Падающим женщинам в его доме не место. Тем более увеченным. А сам он от всей этой негармоничности тут же уснул.

Елизавета Алексеевна вернулась домой в своих обляпанных чулках и с сумочкой. Муж ее, Андрей Михайлович Комфоркин, сидел с очень зеленым лицом. Потому что за час до этого почувствовал себя совершенно неблагополучно, когда с потолка упала тяжеленная штукатурка и поцарапала ему голову. Он натер голову зеленкой. И сам весь измазался.

ВЫМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИЯ

Писатель Белкин написал рассказ. Смешной, веселый, даже анекдотический. Фельетон, можно сказать. Хотя и со смертельным концом.

В пасквиле Белкина великосветский банкет заканчивается свинячьей оргией, в которой самому главному персонажу сносит голову. Этот условно существующий человек, будучи изрядно нетрезв, путает лифт с космической ракетой, ползет к нему изо всех сил, двери закрываются, и голова неожиданно уезжает на последний этаж. А сам он остается.

Рассказ напечатали в сомнительной газетенке. А на следующий день Белкина арестовали. Суд признал его виновным в убийстве с особой жестокостью вымышленного лица.

Слишком уж этот самый главный персонаж оказался похож на другого, достаточно живого, очень не второстепенного.

Белкин жуть как обрадовался. И даже признал себя виновным, хотя его никто и не спрашивал.

В тюрьму он пронес карандаш и клочок бумаги. Лег на нары и что-то накарябал. Судья и прокурор, ужинавшие в сей момент в «Пушкине», сразу же испытали заворот кишок. Спасти их никто не успел. Так и похоронили – с нарушенным внутренним устройством.

Белкину запретили писать и решили на всякий случай ампутировать руки. Он лежал связанный на операционном столе и, впивая наркоз, вслух рассказывал хирургу какую-то колкую иносказательную историю. Смерть хирурга была ужасной. Два килограмма скальпелей вынули из его тела. Самоубийство.

Стало непонятно, что делать с Белкиным. Никто не хотел связываться. Позвали послушных военных, велели расстрелять. Белкину завязали глаза, но все пули слепо попали в командующего расстрелом.

Белкин все дни пролеживал на нарах, губы его беззвучно шевелились, словно он что-то рассказывал сам себе. Время от времени страшный смех взрывал пространство камеры, норовя разнести стены.

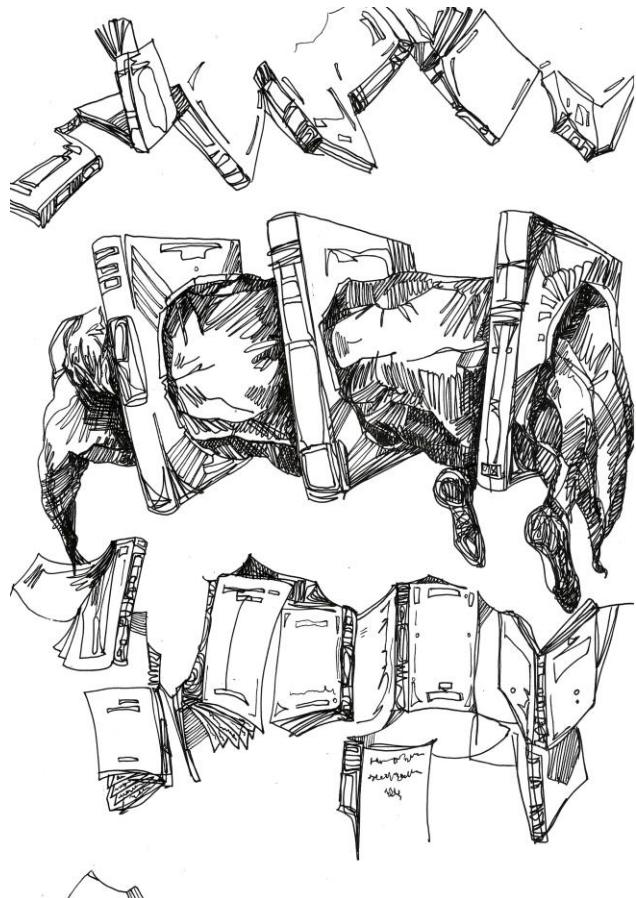
Нащлась одна умная сволочь, которая придумала иезуитский план. Со всей страны собрали книжки Белкина. Сложили в кучу. Облили бензином. Зажгли.

В тюремной камере нашли обугленное тело. От сгоревшего лица остался лишь улыбающийся оскал зубов.

Но события, разумного объяснения которым не находилось, продолжились.

Многие пытались найти потерянные рукописи Белкина, чтобы узнать его замысел. Искали черновики. Безуспешно.

Закончилось все внезапно и тихо. В подвале нашли голову. Ту самую. Очень важную. Без очень важного тела. Закопали и забыли. Жизнь наладилась. Страх ушел. Вымыщенное отступило.

ПАМЯТЬ

Однажды Сидоров придумал, как жить вечно. И начал жить вечно.

Но потом он пошел в рюмочную и выпил там больше обычного. И без памяти влюбился в Элоизу Львовну.

Сидоров, потеряв память, забыл как жить вечно. И сразу умер.

В Элоизу Львовну влюблялись только те, кто пил в рюмочной больше Сидорова. Но они не умирали, потому что перед этим ничего не придумывали.

А Элоиза Львовна жила еще долго. И любила Козлова, Жеребцова и даже Валерьяна Трофимовича, а некоторые из них любили ее. Но про Сидорова она иногда вспоминала, особенно когда заходила в ту рюмочную.

ПРОПАЖА, ИЛИ ПОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

Сферический конь зацепился копытом за небесную ухабину и вывалился из вселенского вакуума прямо в наземное пространство где-то на окраине Твери. Он огляделся по сторонам, метаморфизировался в мятый мусорный бак и сразу же начал соединяться с кислородом, осыпаясь красной ржавчиной на вонючую землю.

Вследствие сего происшествия дворник Сидорчук из Саранска, будучи мертвецки пьян, встал, вышел из запоя и заговорил на редком диалекте арабского. Три монахини Свято-Духова монастыря испытывали неземное блаженство непорочного зачатия. Ревизор Хреков открыл банку собачьих консервов и обнаружил внутри иностранные деньги.

Гражданин Веретейников нашел в своем плаще три мятых червонца.

В расплату за такое повреждение космического равновесия случилось несколько растрат в пространственно-временном континууме. Растворились в небесном эфире два депутата московской городской думы. В городе Барнаул исчез проспект Ленина весь целиком вместе с примыкающими тупиками. От Хрекова ушла собака. Сидорчук перестал понимать русский слог. Да и у монахинь обнаружился свой неочевидный ущерб.

Но самая ужасная пропажа осуществилась у гражданина Веретейникова. Он потерял веру в человечество. И никак не мог найти.

СТОЙ...

- Тише едешь – дальше будешь, - прошептал Иван Каземирович, испуганно взглядываясь в пустоту впереди. – А то этак и расшибиться можно. На скорости то.

Он с детства любил ходить быстро и даже бежать. Лишь иногда он останавливался, вынимал из праздничного торта новую свечку, светил ею, вдруг оглядываясь назад и всматриваясь в прыгающие по развалинам отблески огня. Но свечка сгорала, а оглянувшись назад Иван Каземирович тут же старел еще на год и обновлял жажду жизни рюмкой водки. Для храбрости.

И сбавлял скорость. Бежать становилось страшнее. Что там? А если...?

– От себя не убежишь, - бросал он вслед проносившемуся мальчионке и выставлял подножку.

Мальчионка ловко увертывался и даже не оглядывался.

По ночам, лежа в кровати, Иван Каземирович слышал позади себя шаги. Оборачивался и упирался в полосатость матраса. Просыпался, вставал и шел дальше. Вечером возвращался в остывшее за день ложе.

Идти становилось труднее. Бестолковее.

– Тише едешь – дальше будешь, - бормотал он вслед уходящим вперед.

Уходящие вперед старались не замечать его и его брюзжания.

Шаги по ночам становились громче. Полосатость матраса, отблески свечей и водка - чаще и тусклее.

Однажды он услышал Их днем. Кто-то устало догонял его.

– Стой, - слышалось в шагах.

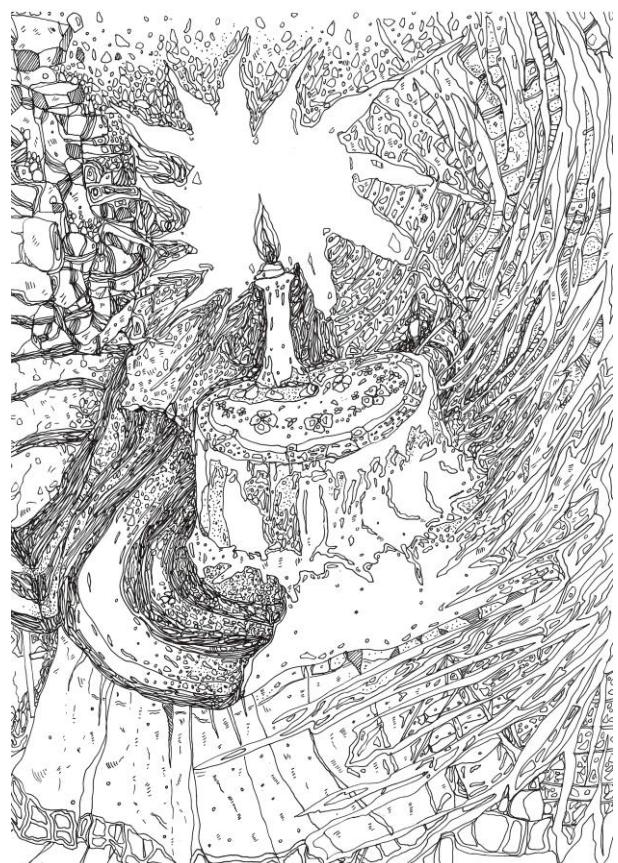
Иван Каземирович остановился. Шаги замедлились, приблизились, смолкли. Он услышал сбившееся взволнованное дыхание. Почувствовал затылком. Нежные руки закрыли ладонями его глаза. Стало темно.

– Угадай кто.

Иван Каземирович улыбнулся.

– Я думал, ты будешь ждать меня впереди.

– Еле догнала тебя. Так боялась отстать. Думала, умру без тебя.

ОШИБСЯ

Иннокентий Корнеевич Котенкин женился на Зоечке. Женился очень удачно для своих лет. Зоечка была молода, красива, в меру умна и – главное – всегда ходила с достоинством, держа Котенкина под локоток. Все заметили это самое ее достоинство, с которым она ходит. И даже глаза клали на ее достоинство, но глаза скатывались по Зоечке и падали вниз.

А вскоре случилась и другая радость – Иннокентия Корнеевича пригласили на банкет. Вместе с Зоечкой. И они пришли, сели, стали кушать, пить сухое и полусухое, любоваться окружающей жизнью. И вот, когда Котенкин любовался окружающей жизнью, он заметил, что усатый мужчина напротив тоже любуется окружающей жизнью. Но не всей, а избирательно – одной только Зоечкой.

Котенкин подсыпал яду в бокал усатого. Но ошибся. Бокал оказался не усатого, а безусого. И безусый сразу помер. Его вынесли на улицу, на холод. И банкет продолжился.

Котенкин сохранил спокойствие духа, достал пистолет и выстрелил. Но ошибся, потому что попал в другого усатого. Не в того, который избирательно любовался. Другого усатого вынесли на улицу. Ведь мертвым банкет не интересен.

Котенкин не огорчился своим неудачам и, вооружившись опасной бритвой, начал выслеживать усатого. И выследил на пути в уборную и убил. Довольный, вернулся за стол и там только понял, что ошибся. Усатый сидел на своем месте и продолжал любоваться. А Котенкин даже не заметил, носил ли убитый усы или нет.

Тут Зоечка сказала, что уходит, потому что Иннокентий Корнеевич совсем не уделяет ей внимания и, наверное, даже не любит. Она встала и ушла. А усатый продолжал коситься. И тут Котенкин обрадовался, потому что понял, как же он ошибся: усатый имел косоглазие и весь вечер любовался вовсе не Зоечкой, а окружающей жизнью.

Иннокентий Корнеевич пошел искать Зоечку, но она уже уехала. В чувствах.

А на следующий день один случайный прохожий увидел, как Зоечка идет по улице с каким-то усатым. И случайный прохожий подумал неприлично сказать что про нее. Но понял, что ошибся. Ведь Зоечка всегда ходила с достоинством, а эта барышня шла вовсе без него.

- Это не Зоечка, - сказал он. – Это совсем другая женщина.

КАК СЕВА КОШЕЛКИН ГАЛСТУК ВЫБИРАЛ

Химеры захлопали крыльями и выдрали Собор Парижской Богоматери из земли. Медленно, превозмогая непосильную ношу, подняли его в небо.

– Вознесся, вознесся! – кричали люди на площади, уворачиваясь от помета, напоминавшего птичий.

Другие же стояли окаменев, лишенные воли уворачиваться.

Оказавшиеся внутри снимали с себя одежды и устремлялись друг к другу в естестве. И видения райских врат с раскрытыми створами являлись им в той божественной красоте, как видит ее Создатель.

Другие же смотрели на это и в ужасе бросались с высоты на землю, в полете осеняя себя крестными знамениями. И мать-земля ловила тела вернувшихся детей своих.

Колокола звенели в разнобой. И одни в том слышали благовест.

У других же от звуков набата кровь шла ушами, и кричали они скверные слова.

Сева Кошелкин собирался на службу. И никак не мог решить – какой же галстук повязать. Зеленый, с попугаем и голой женщиной, ему нравился больше – из-за попугая. В детстве он хотел стать летчиком. И попугай оживлял фантазию, уносил в небо, возвышал его. Но жирное пятно на груди женщины убивало мечту о полете и порождало скорбные мысли о новом дне бытия. И чем дольше тер он грудь женщины, тем более сальной делалась она. Попугай же на глазах хирел. Мерк в тени сияющей груди. И, бросая взгляд на галстук, Сева уже не всякий раз видел крылатый образ. Пятно случилось в пельменной. Пельмень соскользнул с вилки и упал на грудь одетого в галстук Севы Кошелкина. А пятно сделалось на груди голой женщины. И эта странная ирония уводила Севу в долгие размышления о неочевидности и запутанности мироздания. Второй галстук был чистый и черный. Без попугаев и запятнанных женщин. Только мелкий белый горох редко посыпанный по куску жаккарда. Он был Севе противен.

Пионер вышел на Красную площадь и протрубил в горн:

– Подъем, подъем! Вставай – не то убьем! А не встанешь – то зарежем! Подъем, подъем...

Люди на площади улыбались, фотографировали, салютовали.

Но не все. Только некоторые. Остальные спешили.

Да и те, которые улыбались и салютовали, тоже спешили.

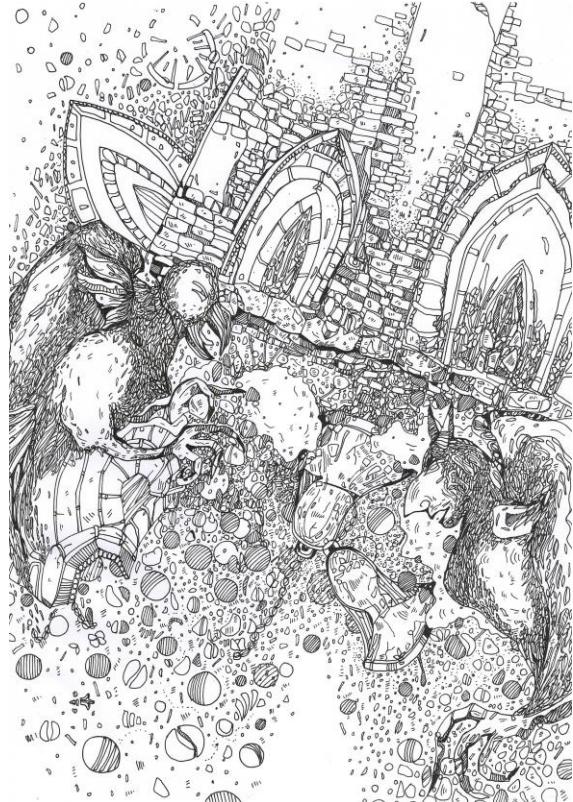
Пионер протрубил тот же сигнал еще раз... Потом еще... И еще...

И тут небо засвистело, земля загрохотала...

И на Красную площадь, на неприметную постройку, в которой хранился труп Ленина, упал Собор Парижской Богоматери. Не абы куда, а прямо на Ленина.

Сева Кошелкин все-таки сделал выбор. Он бросил женщину... И попугай улетел с нею. А Сева решил повязать черный с белым горохом. Но оказалось, что он забыл как завязывать галстук. И что он ни делал – всякий раз жаккард сворачивался петлей вокруг его шеи.

Пионер протрубил в седьмой раз. И из Собора Парижской Богоматери вышел труп Ленина. И люди на площади улыбались, фотографировали и салютовали. Но не все. Только некоторые. Остальные спешили.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Горит! Определенно - горит. С детства люблю запах дыма. Мистически действует он на меня. Пробирает душу до самого дна, до исподнего. Хватает за это исподнее и выворачивает наружу.

А букет знакомый. Доминирует дерево. Или бумага? Нет, точно дерево. Сосна.

И фруктовые нотки. Скорее даже овощные. Что-то из корнеплодов. Картофель. Белорусский, прошлогодний. Проросший.

Морковь. Вот морковная нотка пролетела... и ушла. Следом - свекольная.

Ясно - овощной ящик горит. Соседский.

Вышел в коридор. Уже совсем хорошо горит. Стучу соседу. Не открывает.

У него ящик горит, а его нет. Головотяп.

Это что же, самому придется?.. Собственноручно?.. Тушить за него?

Он завалил коридор своей картошкой, поджег, а мне – туши?

Мда... Наглый у нас контингент обитает.

Принес полведра воды. Плеснул. Ну и запашок теперь.

Отчего же оно загорелось? Не огонь же небесный сизошел. Окурок лежит. Он покурил, бросил и ушел. А мне – туши. Хамство.

Неделю назад просил у него сигарету – сказал не курит. Жмот и лгун.

Я, кстати, такие же курю. Странно, полчаса назад выходил покурить – никого не видел.

...

Уже вечер, а этого пентюха все нет. Спасал его имущество, вдыхал отвратительные зловония. Здоровье свое испохабил. А этот жлоб даже не думает явиться и засвидетельствовать свою благодарность.

...

Бутылка вина. Мог я такое вообразить? Он явился, я ему все живописал, как боролся с огнем, задыхался, весь в ожогах. Скромно рассказал, не стал даже говорить, что из-за его окурка чуть все имущество прахом не пошло. Он долго извинялся, благодарили и принес бутылку вина. Я чуть всего не лишился, а он – бутылку вина?

Он меня алкоголиком считает? Да и вино то кислое. Ладно бы водки принес. А то вино... Выпил я бутылку и даже удовольствия не получил.

...

До чего все-таки люди неблагодарны. Мало того, что пришлось вчера свою водку после его вина пить, с утра еще и голова болит после этой кислятины.

Человек просто не понимает, чем он мне обязан. Надо помочь человеку обрести понимание. Поднять его на свои этические вершины. А не опускаться до его аморальных низин.

Дам ему еще один шанс. Сегодня же и дам. Решено.

...
Идет. А я продрог ждать его. Окончательно и безвозвратно лишусь здоровья. Только мое благородство и не позволяет мне смалодушничать и отступиться.

Рядом уже. Совсем рядом.

Лишь бы меня не заметил. Рисковать своим честным именем приходится.

Шапку – долой, и сразу по голове. Более удобного ничего не нашел, поэтому бутылкой. Той самой, из под вина. Больно поди? Тут уж он сам выбирал. Некого винить. Лежит без сознания – значит, не больно.

...
Эй... Очнись... Неужто зашиб?.. Нет, живой. Глаз дергается - живой. Мертвый бы не дергался.

...
Почти догнал того мерзавца.

Вижу - лежит соседушка мой родненький, а над ним душегуб склонился. Шапку снял, пальтишко снял, с полуживого. Кошелечек вынул.

Я кричать – он бежать - я за ним. Одежду побросал. И утек он от меня. Спортсмен, небось. Быстро бежал. Точно спортсмен.

Вы, граждане, засвидетельствуйте, что я его спас от верной гибели. Пришиб бы тот его и без вещей оставил. А если бы и не пришиб – на морозе сам в беспамятстве околел бы вмиг. Без пальто то. Да и я рисковал, получается. Он ведь и меня мог... Пристукнул бы, если б моя решительность его не напугала.

А кошелечек то он унес... Поживился... Лиходей.

...
Не нравится мне его взгляд. Нет благодарности и чувства признательности в глазах. Сухо прошептал спасибо. Сослался на головную боль. Симулянт.

А жена его и вовсе с подозрением меня оглядела. Ничего не сказала.

Сам хам, и жену такую же нашел.

Неужели он ничего ей не рассказал? Обо всем, что я для него сделал?

И еще сделаю...

...
Я все понял. На него супруга плохо действует. Не позволяет ему расти над собой. Все мои усилия рушит и низвергает...

...
Зачем так кричать? Давай-ка об стеночку головой. Вот так... Лежи, отдыхай. Тут на черной лестнице тихо, спокойно. Не потревожит никто. Очнешься – спасибо скажешь.

За такое по гроб жизни благодарят - спас от насильника. Не догнал его, но помешал обесчестить.

А она хороша. Очень хороша.

Душевно лежит. Пальтишко распахнулось. Юбочоночка съехала. Ох, как душевно!

А если он успел... непоправимое?..

Мог ведь успеть? Мог.

Я мог не подоспеть вовремя? Тоже мог.

А за что же при таком несчастье меня благодарить?

За жизнь! Жизни лишить не дал... Это поважнее... предрассудков.

Шарфик на шею надо накинуть. Задушить подлец хотел. Бог свидетель, задушить хотел.

До чего нежная шея. И такая небесная радость – вся целиком – этому пентюху.

Нельзя так, нельзя так было неблагодарно и высокомерно со мной. Зря они так.

Я только свое возьму. Только свое.

Она и не заметит...

Вот так... Вот так...

Боже! Как же больно! Что это?

Невыносимо острый холод! Пронзил меня почти насквозь. Я чувствую, как он шевелится во мне. Разрушает мое нутро.

Это он!? Откуда он взялся? Безумные глаза! Сам дьявол смотрит на меня.

Нож! Как больно!

Боже! Не дай ему убить меня, пошли спасение!

Еще! Еще один удар. Лед и стекло крошатся внутри. Он убивает меня. Спаси!

Иллюстрации Евгении Криковой

Владимир ТОКМАКОВ ► ЛЮДИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРШКА (отрывки из нового романа)

Я ведь такой же, сорвался я с облака...

Велимир Хлебников

– Бежать, – пробормотал он, садясь и грызя ногти. – Бежать!

А.П. Чехов «Дуэль»

У меня уже третью неделю живёт мой студенческий друг. Появился как плесень на стенах ванной – и теперь не вытравишь.

Но это я так, на самом деле я даже рад, что друг живёт у меня – в последнее время тяжко оставаться одному.

Хм, говорит, его выгнала жена, когда его уволили со службы, и он полгода просидел без работы. Меня бы жена никогда не выгнала. Это главное различие между нормальным мужиком и размазнёй – настоящего мужика жена никогда не выгонит. Он сам уйдёт. Он всегда уходит первым.

Так я ушёл от своей жены. Дочку жаль, хотя мы с ней видимся – никто нам этого не запрещает. Ещё бы эта стерва мне запрещала видеться с моим ребёнком. Тут другая проблема – сама дочь не очень-то хочет меня видеть. Дичится, как там? – «пятнадцать лет, любовь, перезагрузка». Мда. Они в этом возрасте все такие. Но ведь им именно сейчас и нужны наши советы, наш контроль, наш опыт. Или это только мы, взрослые так считаем?

Иногда мне кажется, что дочь меня просто ненавидит.

– Не льсти себе, – язвительно говорит моя бывшая, – она сейчас всех ненавидит. Возраст такой.

У меня тоже возраст. И мне, наоборот, очень хочется любить своих детей, предупредить их об опасности, передать, хм, жизненный опыт, быть рядом, если что-то не дай бог и так далее...

Что за чёртово несоответствие?!

А теперь вот уже третью неделю у меня живёт мой студенческий друг.

Мой друг не поднимает стульчик в туалете, оставляет на диване в зале лежать комом мокрое полотенце из ванной, и заваливает раковину в кухне немытой посудой. Просто сваливает в одну кучу тарелки, кружки, стаканы, вилки-ложки, и потом может спокойно туда же высморкаться. Чёрт возьми, меня просто выворачивает, я потом – даже помыл на три раза посуду – не могу из неё спокойно есть.

Но я терпелив, я ведь не хочу больше оставаться один.

– Вчера вычитал в газете объявление – требуется донор спермы в Институт воспроизведения, вознаграждение гарантировуется, – говорит он, уставясь в телевизор и почёсывая яйца, – одна проблема – требуется возраст до 33 лет. Представляешь, блин?! По возрасту уже не прохожу. Что за грёбаная дискредитация! – он сидит перед телевизором в одних трусах, в руке бутылка дешёвого пива – попросил, чтобы я ему купил.

– Дискриминация, – поправляю я его.

– Что? – не понял он, – а, ну да.

По ящику что-то выкрикивают, кривляясь, дебилы из «Камеди Клаба». На рекламе он переключается на другой канал – здесь президент Владимир Путин тихо, но внятно говорит о начале новой «холодной войны», развязанной Западом.

– А знаешь, я верю, что у России свой путь, – произносит с пафосом мой друг, так что я даже покрепчился чаём.

– Лишь бы не тупик, – бурчу я и ухожу на кухню. Я взял работу на дом, потому что в этом доме работаю только я.

Да какой он, к чёрту, друг!

Он опустошает мой холодильник, он завалил квартиру грязными носками и сигаретным пеплом, он иронизирует над моей внешностью, он издевается над моими привычками.

Почему я не выгоню его на хрен?!

Потому что мы нужны друг другу.

– Как-нибудь тебя съест ночью моль, как старый шерстяной носок, – говорю я своему другу; я мою посуду на кухне, а он просто стоит и курит в форточку, – и что характерно, никто не заметит твоего исчезновения.

Осеннее небо, как грязная вата,
Деревья стоят, как тень солдата...

Моя подруга.

– Иногда я боюсь утром открыть глаза – а вдруг надо мной стоит смерть? – говорит она и вздыхает. Я глажу её обнажённое тело.

– Разве можно её увидеть? – улыбаюсь я.

– Да, и говорят, как увидишь – сразу умрешь, она прикрывает грудь простыней.

– Сколько в тебе глупости и суеверия, ей-богу! – целую я её в лоб, а потом, убрав руку, в грудь.

– Я женщина. Если я не буду предчувствовать, вы, мужчины, будете умирать гораздо чаще.

Но она умерла первой.

...Мэтр неожиданно вывернулся из-за редакционной высотки. Высокий, прямой, жилистый старик, с длинными руками и ногами, с острыми, колючими глазами и орлиным носом. Шляпа лихо надвинута на затылок, галстук сбился на бок, ботинки сильно забрызганы блевотиной.

Я встал как вкопанный, не в силах оторвать взгляда от его испорченных ботинок.

Он вытер ладонью рот, усмехнулся:

— Вчера юбилей был, не могу вернуться в норму... — и добавил, — звякни мне, как-нибудь, дело есть.

Кумир моей молодости, на стихах и прозе которого я вырос — теперь он больше пил, чем писал.

— Конечно, — смущённо кивнул я и нырнул в вы сотку.

Я не стал бы звонить, но он позвонил сам.

— Заходи в гости, старик, я серьёзно, — тихо сказал он, — был консилиум, врачи дают мне не больше недели.

Мой Дорогой Мэтр.

Его биография была сильно мифологизирована. Последний и самый молодой лауреат Сталинской премии в области литературы за 1953 год. Получил её в двадцать шесть лет по рекомендации Алексея Суркова и Константина Симонова за книгу стихов «Мы победили!» Леонид Ильич Брежнев назвал его в числе десяти своих любимых поэтов, писавших о войне (хотя сам Мэтр на войне не был — когда она началась, ему было четырнадцать). Инициатор письма 1988-го года против реформ Горбачёва, в 1991-м Мэтр написал поэму «ГКЧП. Последние герои».

А теперь он стал для всех просто невыносим. Комплекс известного писателя, живущего в провинции, окончательно испортил его характер. Капризен, раздражителен, высокомерен и груб. Не говорит, а вещает, злится, если с ним спорят. Растирал всех друзей.

О коллегах:

— Этот бездарен, а этот украл у меня идею романа — я ему сдуру рассказал, а он украл...

О критиках:

— Они ничего не смыслят в поэзии!..

Я любил бывать в его добротной трёхкомнатной «малосемейке» советских времён — так раньше называли элитные дома, в которых жило «мало семей». Там у него был свой большой, просторный кабинет, дарованный государством — дополнительные метры ему полагались как члену правления Союза Писателей СССР.

Жёны сбегали от него, как только узнавали, что он, на самом деле, за человек. Когда он с ними знакомился, то производил впечатление бунтаря, деятельности человека, смельчака и борца с системой. Но как только они начинали жить вместе, выяснялось, что на самом деле, Мэтр человек более чем умеренных взглядов, банальный карьерист, осторожный и трусоватый. Самовлюбленный эгоист, болтун, любящий покритиковать власть сидя на диване или на кухне, но никогда открыто против неё не выступавший.

— А ваши женщины? Вы их всех любили? — я бью под дых его самолюбие, я с силой наступаю на его самый больной мозоль.

— По разному, — зло сверкает он глазами в мою сторону, — в кого-то я был просто влюблён, пару раз я испытывал к женщине диковую страсть. Но это всё, как говорят учёные, химия, да... Страсть — это хи-

мия. Настоящая любовь — она вне тела и вне химии. Это то, что нас убивает и воскрешает... Да. Часто, очень часто меня искушали демоны сексуального желания, жажда сексуального удовольствия, да... И я не мог устоять... А девушки, девушки делятся на красивых дур и умных дурнушек. Редкое исключение — красивая умница или некрасивая — да ещё и дура. Этим в мире — хуже всего. Приходится приспособливаться, чтобы хоть замуж выйти.

Помню, тогда Мэтр писал что-то такое:
Я стал Толстого понимать,
когда он в восемьдесят пять,
вернее в восемьдесят два
ушёл из дома навсегда...

— Ты ведь везде кричал, что ты гений, — глянул он на меня, — что случилось, почему ты перестал верить в себя?

— Потому что всё закончилось, это оказалось никому не нужно.

— Да это, на хрена, всегда нужно только тебе, ясно?! Только тебе — и больше никому. Всем на тебя наплевать. И на Гомера, и на Пушкина, и на Бродского. Оттепель всегда заканчивается заморозками, это уже сто раз было. Почему ты перестал писать? Почему опустил руки? Трус, слабохарактерный трус. Размазня!

Почему, почему...

Я и сам не знаю почему. Почему предал свой талант, почему остался один на пустынной дороге, уходящей во тьму...

Наверное, банально испугался жизненных трудностей, адского труда, которое требуется настоящее творчество, испугался неудач и разочарований. Решил, что не вынесу этого. Я не гений, да.

— Где твои одногруппники? Обувью торгуют? — не унимался Мэтр.

— Да лучше уж торговать обувью, чем совестью.

Как сказал один умный человек, залюбовавшись миражом мы прозевали оазис.

Я познакомился с ним в 1980-х, когда, как говорится, делал первые шаги в литературе. У Мэтра была прекрасная библиотека, редкие для провинции книги. Давал он их неохотно, записывая в специальную тетрадку, кому, когда и на сколько дал почитать.

Косил под почвенника, народника и патриота, а на самом деле был типичным городским жителем, наглым и самоуверенным.

В советские годы он неплохо жил за счёт гонораров, издавая и переиздавая свои патриотические поэмы и «производственные» романы, в которых был «горячий» на работе директор, талантливые инженеры, и сплошной трудовой подвиг. Короче, конфликт хорошего с ещё более лучшим. А когда началась перестройка — этот праздник жизни для него закончился.

Признаюсь честно, я искреннее любил его – это лукавого, мерзкого, завистливого, похотливого старика. Прощал ему всё – подлость, предательство, злословие, лукавство. И предательство – каждый день. Он говорил обо мне и моих стихах гадости, впрочем, как и обо всех. А я терпел всё это – и бежал к нему по первому зову. Если бы он сказал тогда прыгнуть в пекло – я бы прыгнул не задумываясь.

Именно не задумываясь.

Задумываться я стал позже – и бывал у него уже реже, а потом и вовсе перестал заходить, придумывая отговорки, врал, обманывал, лукавил.

Да, Мой Дорогой Мэтр. У него были уши как вареники, пальцы как сосиски, лицо старого циника, с презрительно кривящимися губами. Ему всё и все были противны. Он делал этому миру одолжение, что жил в нём. Он был сентиментален и жесток, жесток и сентиментален.

Писал ли он доносы на товарищей в застойные годы? Думаю, да. Таковы были правила жизни и выживания. Он расчищал себе место под солнцем.

– 1940-е, 1950-е... Я предавал – меня предавали. Зато живой, да.

И сверлит меня пристальным, злым взглядом.

Я его не осуждаю – это его жизнь, какое я имею право даже в мыслях распоряжаться ей? Кто знает, как бы я поступил на его месте? Может, так же предавал бы друзей и товарищей, чтобы выжить самому и спасти семью.

Моя бывшая жена.

Она считала, что мир был создан только для того, чтобы в конце, как венец истории, появилась она.

– Девушки должны не только читать, но и любить поэзию, – вещал Мэтр.

– А если она не любит?

– Значит, она не настоящая девушка. Будь внимателен, старик.

Я выбрал жену, которая была очень красива, но она не любила и не понимала поэзию. Через пять лет развелась. Этому предшествовал долгий путь взаимных разочарований, ссор и обид. Этот брак навсегда отравил мне жизнь.

Между женой и поэзией я выбрал поэзию.

Я поднимаюсь на Гору и думаю, какая у этого города сверхзадача? Смысл существования? Ведь должна же быть у любого города сверхзадача, как у человеческой жизни? И не могу ответить. Мне эта тайна пока не открылась.

Я спускаюсь с Горы – мне навстречу идут люди. Есть у них смысл жизни? Думаю, это важно только для тех, кто стоит на Горе...

Мэтр говорит, что Барнаул – город несбытий надежд. Сколько здесь было прекрасных планов, которым не суждено сбыться! А если бы сбылись, это был бы другой город, совершенно другой...

– Барнаул – город миражей, живёшь здесь, живёшь, а потом – бац! – и умираешь, – чешет яйца перед телевизором мой студенческий друг.

Моя дочь.

Я:

– Как дела?

– Так.

– Это кто с тобой был, что за парень?

– Никто.

– Позвонишь?

Неопределённо пожимает плечами и отворачивается. В ушах наушники от плейера, в руках смартфон, во рту жвачка.

Думаю, она даже не знает, как я конкретно выгляжу – скользящий взгляд, с предметов на меня, и снова в смартфон – мимо меня.

Мы не нужны своим детям, и мы в этом виноваты, что однажды узнаём, что мы не нужны своим детям.

Холодный мир, где родственные связи всё слабее, а ледяное дыхание одиночества покрывает инеем наши безжизненные лица.

Мир распадается на атомы, на мелкие детали, мы как слепые шарим, шарим по земле руками – не сбрать.

Как жить дальше? И в чём смысл жизни в таком мире? Я уже не знаю.

Мой студенческий друг.

Тогда, в вузе, случилась неприятная история. Это было уже во время горбачёвского сухого закона, комсомольских безалкогольных свадеб, водки по талонам либо ночью у таксистов на вокзале.

Общая пьянка в общаге, кто-то разбил унитаз, высадили дверь в комнату к девчонкам, подрались в кровь, выкинули из окна стол и стулья.

Были разборки, руководство вуза пообещало всех исключить. И всех нас тогда исключили, кроме моего друга. Он нас всех и сдал – списком. Спас свою задницу. Об этом быстро узнали. Кто-то потом восстановился через год, я перевёлся в другой, технический университет, и не жалею об этом. Говорили, что наш дружок был штатным стукачом кэгэбэшников с первого курса. Стучал на нас, устно и письменно. Может, это и слухи, но больше с ним из нашей компании никто не общался.

Я теперь он уже третью неделю живёт у меня дома, чешет яйца перед телевизором, и пьёт моё пиво.

В детстве я представлял, что в цветочном горшке живёт целая колония людей. Я играл, представляя, как они там живут, строят дома, прячутся в листве, разросшихся в горшке цветов. Им там было тепло и уютно.

Но однажды этот цветок поразил какой-то грибок или тля завелась, не помню. Короче, родители выкинули его на улицу, на мороз – я вернулся из школы, а цветка на подоконнике уже нет.

Так погибла колония людей из цветочного горшка, которых я придумал.

Нас каждый день выкидывают на мороз. Выживем ли?

Не знаю.

В детских мечтах я видел себя суперменом. Я спасал мир, иногда даже погибал, но потом в сле-

дующей серии своих мечтаний вновь чудесных образом возрождался.

Как всего этого мне не хватает в реальной жизни, и что нужно сделать, чтобы исправить это?

«Чем утоляешь жажду? Водой или волною?» Что ты ответишь на этот вопрос «Волхва»?

Осенний воздух, настоящий на палой листве, засыпавшей лужи – вино осени, пряное, сильное, от которого кружится голова.

Начался сезон дождей, с утра было пасмурно и сырьо. Дома исчезали в тумане. Запотевшее стекло, за окном – серое небо, какое бывает только в сентябре. На улице шёл унылый, осенний дождь – скучный и неинтересный, как все оттенки серого. В квартире было холодно и как-то мёртво. Человек с развитой интуицией сразу определит, что где-то в таком доме лежит покойник...

Я вошёл в большую, с высокими облаками комнату.

Теперь его книги пахли лекарствами. Так они мне и запомнятся – прекрасные книги с тревожным запахом больницы. Будто книги болели вместе с хозяином.

Мэтр уже почти не вставал с постели. Кроме меня и почасовой сиделки, похоже, никто к нему больше не приходил.

Я помогал ему приподняться, и он, полусидя, опёршись спиной о подушки, тяжело, со свистом дыша дырявыми лёгкими, продолжал вещать, оставаясь собой до конца:

– Потеряться можно не только отстав от всех. Потеряться можно слишком далеко уйдя вперёд.

А я вспомнил свой первый визит к нему домой. Молодой поэт в поисках опытного учителя, наставника, мудрого покровителя и редактора. Но никак не убийцы и палача моих рождённых бессонными ночами – как я тогда думал – гениальных стихов.

В те далёкие времена я писал примерно так:

Открывая по шире те самые двери

Выпусти птицу – но не выпусти зверя.

И так далее в духе философского символизма. А ещё – в духе модного тогда абсурдизма:

Я револьвер достал из кобуры,

А может быть из кобры – я не помню...

И даже попробовал себя и как патриот:

Россия, вернись обратно в Россию...

А потом嘗試ался косить под Есенина:

За что купил – за то и продаю,

И свой талант, и молодость свою...

Помню, после начала войны в Чечне я принёс Мэтру такие стихи:

Я не знаю ответа на этот вопрос:

Для чего Буратино подрезал свой нос,

Может – время диктует мыслишку одну –

С длинным носом тебя не возьмут на войну?

Карабас будет дальше Мальвине вставлять,

А тебя день за днём на войне убивать...

– Бред, – сказал Мэтр, – порви и никому не показывай.

Думаю, это и явилось причиной моей тайной ненависти и нелюбви. Хотя я, конечно же, никогда бы в этом не признался – нет, ведь я его не любил, типа, как пережиток прошлого, как совок, то, что мешает моей стране двигаться вперёд и т.д.

Ложь, конечно, глупая ложь.

Я его не любил, потому что он был прав – все мои стихи оказались полным говном. И хоть я и признал это – легче мне от этого не стало. Я считал в те годы, что Поэзия составляет смысл моей жизни. Спасибо Мэтру во время окатил холодной водой и вернулся с небес на землю.

– Пиши детективы, – сказал он мне, когда я в очередной раз принёс ему поэтическую белиберду, – из тебя не выйдет поэта, и прозаика тоже. А вот детективщик может получиться – просто почитай как лучшие пишут. Если начнёшь сейчас, годам к сорока пяти станешь успешным и богатым. А сначала начни с журналистики.

Помню, я тогда сильно обиделся и разозлился, и начал портить какую-то чушь.

– Ещё Чаадаев сказал, что в нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И что Россия – сперва религия и только потом – страна.

– А как же Николай Иванович Греч, а? Помнишь, нет? – ехидно блеснул он стёклами очков, – а я напомню: «Положим, что вы ни во что не ставите присягу, но между царём и мною есть взаимное условие: он оберегает меня от внешних врагов и от внутренних разбойников, от пожара, от наводнения, велит мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а с меня требует только: сиди тихо! – вот я и сижу».

– Да, каков подлец! Не зря его Пушкин ненавидел, – прошептал я, и в моих словах ненависти к Мэтру было больше, чем ненависти Пушкина к Гречу.

– Ну это их взаимное непонимание нам непонятно и далёко, а то что Греч сказал – верно, это факт.

– Всё равно – подлец, – не унимался я, вдруг заметив, что Мэтр даже внешне похож на Гречу. – Он был противником всего прогрессивного, это из-за таких Россия пребывала в вековом рабстве и полной несвободе.

– Да, а Лев Николаевич Толстой тоже? Как он там выразился? Мне говорят, я не свободен, а я взял и поднял правую руку, – издевается надо мной Мэтр.

В такие минуты я Мэтра просто ненавидел. Ничего так не убивает искренние патриотические чувства как бездарные патриотические речи.

Как-то Мэтр разоткровенничался о советских годах своей литературной карьеры, об одном эпизоде связанном с жизнью знаменитого диссидента; не то он мне доверял, не то – я и моя реакция, оценка сказанного им, были ему совершенно безразличны. Скорее, второе.

– Если скажу, ты поверишь?

— Конечно!

— Он был гением в чистом виде. И я это знал. Но я тогда, в 1969-м был ещё достаточно молод, часто любив, и я, конечно, ему завидовал. И когда под ним нависла угроза, я бы возможно мог как-то на это повлиять, но не повлиял.

Он замолчал, а потом продолжил:

— Я думал, с годами у меня будет всё больше друзей, оказалось, нет, — он забросил несколько таблеток в рот, запил их водой, — с годами друзей становится всё меньше, и начинаешь дорожить дружбой всё сильнее.

«Творя реальность, не забывай верить в сказку, и тогда сказка станет реальностью, а реальность сказкой», — написал он мне на своей последней книжке. Как оказалось потом — действительно последней.

— Раньше я садился за написание книги, как за руль гоночного автомобиля, — говорит он, — и писал до изнеможения, не отрываясь, так, словно у меня отказали тормоза.

Наверняка как всегда, врёт. Но я слушаю его с удовольствием, раскрыв глаза и разинув рот. Пусть врёт, так как он врать у нас больше никто не умеет. Такие люди давно кончились, а новых как-то не появилось.

Тем более, это именно от него я впервые услышал историю о Белом Бурхане, Бурхании и её жителях.

«...Бурханизм имеет точную дату своего рождения — май 1904 года, когда алтайский пастух Чет-Челпан объявил, что накануне к нему явился белый конь, а на коне — всадник в белом одеянии. Вскоре за этим всадником появились ещё двое. Первый всадник стал говорить Чет-Челпану что-то на непонятном ему языке. Другие два всадника спешились и стали переводить на искажённом языке Чет-Челпану непонятную речь первого всадника.

— Я был и буду во веки веков, — говорил таинственный всадник.

— Я глава ойротов, что и объявляю вам, ибо время близко...

— Ты, Чет, человек грешный, а дочь твоя безгрешна. Через неё я возвещу всем алтайцам свои заповеди. Заповеди мои следующие:

— Табаку не курить, а если кто не может воздержаться от этой привычки, пусть к табаку подмешивает две части берёзовой коры.

— Убейте всех кошек и никогда впредь не пускайте их в свои юрты.

— Не рубите сырой лес.

— Не колите в пищу молодого скота.

— Не ешьте крови животных.

— При встрече говорите друг другу: «Иакши» (хорошо) и ничего нового не спрашивайте, как это делалось у вас раньше.

— Каждое утро и каждый вечер брызгайте вверх и на все четыре стороны молоко.

— Поставьте внутри юрты и у дверей, и в передней части юрты четыре берёзовых кадильницы и четыре берёзки.

— Жгите в кадильницах вереск.

— Не угощайте друг друга при встрече табаком, а вместо трубки давайте веточку вереска и говорите при этом: «Иакши».

— Бубны камов (шаманов) сожгите, потому что они не от бога, а от Ерлика (т. е. сатаны).

— С христианами (с новокрещёными алтайцами) из одной посуды не ешьте.

— Дружбы с русскими не водите и не зовите их «корус», а зовите «чичке пут» (тонконогие).

— Высокая северная белая гора! Долго вы склоняли голову перед ней. Но настало время, когда белая гора нам больше не владыка.

— Когда-то все были подданные Ойрота, и теперь будем знать его одного.

— Будем смотреть на русских как на своих врагов. Скоро придёт им конец, земля нестерпит их, расступится, и они все провалятся под землю. Мы же будем смотреть на солнце и луну, как на своих братьев.

— Повесьте на берёзках ленты пяти разных цветов в знак существующих на земле пяти главных племён и пяти главных религий.

— Главное ваше знамя — белый и жёлтый цвет. Эти цвета носите на своих шапках.

— У кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца и товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги принесите все ко мне.

— Не утаивайте от меня ни копейки: утаивший провалится вместе с русскими.

После этого все три всадника скрылись в горах...»

Мой мир.

Я продвигался в этой вселенной на ощупь — пока не наткнулся на самого себя. Ужасное чувство — пустота и безлюдье, и больше в мире никого нет.

Поздняя осень, уже второй месяц идёт бесконечный, унылый, серый дождь. Он бы давно смёл этот мир — если бы он существовал на самом деле. Я уже понял, что для меня фантазии и мечты сильнее и мощнее, чем реальность. Не знаю, у всех ли так? Реальность убивает, это факт.

Я помню, как я стал поэтом. Это было давно, на заре туманной юности. Стояла такая же ужасная, дождливая, промозглая погода. Я в очередной раз поссорился с родителями из-за, как они выражались, выбора жизненного пути. Снег, мелкий снег с дождём летел мне в лицо, а я стоял на обрывистом берегу великой сибирской реки, как первооткрыватель. Или викинг — и гордо глядел в заснеженную даль, представляя себя на берегу северного, сурового моря. Викинг, тоскующий по другим странам и берегам. Что там, за этой белой, снежной пеленой? Кто там нас ждёт или не ждёт? Почему я сегодня здесь? Откуда у меня эта сладкая, щемящая тоска по далёким, неведомым, северным странам?

Человек, в отличие от дерева, растёт корнями в небо.

— Но ведь можно жить и просто, без всяких дурацких поисков смысла жизни, ведь большинство

так и живут – и совершенно счастливы, – вздохнув, говорит моя бывшая подруга.

– Так и есть, но я не большинство, я так не смогу, я уже пробовал. Мне такой жизни всегда будет мало.

Капустный лист кружась упал ко мне в ладонь,
Добрый вечер милая, я твой рыжий конь...

Мэтр смотрит в окно на дождь, на пустынную улицу, на мокрую дорогу, ручьи и лужи, на огромный тополь без листьев, покачивающийся от ветра.

– Это дерево одной ногой уже стоит в моей могиле, – мрачно произносит он загадочную фразу.

Его глаза, как две тусклые пуговицы, прячутся в мешках подглазий.

Он ничего не хочет видеть, и прекрасно видит всё, что нужно.

– И меня загнали в клетку. Был выбор, как у всех – в пропасть или в клетку. Я выбрал клетку. Что теперь жаловаться?

Мэтр о телевидении.

– Да срал я на него!

О женщинах.

– Пошли они все на х, тупые шлюхи!

О власти.

– Если не хочешь, чтобы государство имело тебя в ж., не играй с шулерами в их игры.

О политике.

– Лучше вступить в г-но, чем в партию.

О религии.

– Торгуют, гондона, чужим распятым телом, и хотят, чтобы я в них верил.

Я только поддакиваю ему – либо молчу. Мы пьём купленный мной армянский коньяк у него в кабинете. Это его любимый напиток ещё с застойных времён.

Из его тела сыпется песок и цитаты классиков.

– Только знаменитый писатель может высунуть и показать всему миру великий, могучий, русский язык. Бунин последний, кто мог это себе позволить.

– По ТВ одна пропаганда, остаётся, как в СССР, перечитывать классику, – я хочу казаться умным и правильным, чтобы понравиться ему.

– Да что ты, дружок, какая классика! – зло усмеивается Мэтр, выпивает стопку и ставит её на стол, закусывает лимоном, – какой, милый мой, Куприн или Чехов! Классику читать писателю вредно, потому что неожиданно узнаёшь, что всё уже давно написано. И если ты не уверен в себе, в своём таланте и возможностях, то можно ведь вообще бросить писать. Скажи классике нет, дружок, если хочешь быть писателем.

Я вежливо наливаю ему и себе. Он смотрит поверх моей головы – куда-то в вечность, где только он – мировая литература.

– Телевидение, газеты... Журналисты мало чем отличаются от сантехников, – презрительно кривит он губы, – просто сантехники обслуживаю канализацию, а журналисты – информационную трубу. И

там, и там происходит слив, канализирование, сброс вонючих, сточных дурно пахнущих масс.

Дождь хлещет в окно, коньяк допит, мне пока уходить.

– Нет денег – нет права. Нет денег – нет здоровья. Нет денег – нет свободы. Нет денег – нет будущего. О такой жизни мы мечтали? – пьяно бормочу я и тычусь в дверь.

– У меня зарплата и пенсия позволяет мне сводить концы с концами, – говорит Мэтр, – но если бы она у меня стала хотя бы на несколько тысяч меньше, я бы убил тех, от кого это зависит... Я тебе скажу по секрету, у нас в стране 80 процентов живёт на зарплату и пенсию в два, в три раза меньше, чем моя, и никто даже не пытается возмущаться. Они не видят причинно-следственных связей в том, что им нечего жрать, с теми, кто стоит у власти. Для них это разные вещи. Это как людей специально макают головой в дерьмо, а они на это даже не возмущаются. Как мне уважать таких людей?

Квартира Мэтра – настоящая волшебная пещера Алладина, лабиринт Минотавра. Где здесь прячется друг, а где враг?

Я вхожу в её полумрак – и теряюсь во времени и пространстве. Может, он на самом деле колдун, маг, сам заблудившийся во времени и теперь заставляющий искать выход из своего лабиринта других?

Я перехожу из комнаты в комнату – словно из эпохи в эпоху, и мне кажется, что его квартира бесконечна, что я иду от кухни к туалету целую вечность. Бесконечные повороты коридора, как картинная галерея, увшанная картинами всех времён и народов.

Его биография больше похожа на фальшивую бороду провинциального актёра. Кто он на самом деле, и почему поселился здесь, в глухи, вдали от главных магистралей эпохи?

Бывает так, что ты сам того не желая делаешь шаг в сторону от проторённой дорожки – и оказываешься в неизвестном лесу. Думаю, никакой нормальный человек этого не желает – ибо потом ты не сможешь жить, как прежде.

Он протягивает мне несколько запылённых папок, наполненных пожелтевшими вырезками и чёрно-белыми фотографиями, бледными ксерокопиями и полуслепыми машинописными страницами.

– Это была попытка передать тайные знания через очень простые инструменты, например, сказку. Или шаманское камлание. А потом пришли сказочники – а им эта магия была не нужна. Но первоисточники остались. Истина еще там, в них, в этих сказках.

Я открыл и начал читать.

«...Он появился в Горах Алтая – и все поняли, кто он.

Он превращал воду в молоко, а молоко – в обла-
ка.

Он говорил на девяти языках одновременно, и его язык имел девять концов, как жала змеи.

В одной руке он держал цветы, в другой меч, в третьей плётку. В четвертой радугу, в пятой цветущий посох, в шестой – новый великий завет.

Один глаз его смотрел в прошлое, другой в будущее, а третий – в сердце каждого, кто ему повстречается.

Он не сказал ни слова – но его проповедь отразилась огненными письменами в мозгу у каждого им встреченного. Люди спрашивали его, и он красноречиво отвечал – не открывая рта.

Женщинам он явился мужем, мужчинам – прекрасной женщиной, детям – мудрым стариком, старикам – заботливым юношем.

Он знал ответы на все вопросы, и задавал вопросы, на которые у людей не было ответов.

Он не был богатырем. Но рядом с ним каждый становился сильным, он не был храбрецом, но пожавший его руку навсегда становился мужественным.

Он учил любить, никого не отвергая, и привечать отверженных, чтобы они научились любить.

Он сказал каждому: «Брат». И в этих словах было больше родства, чем в кровном родстве. Он сказал: «С нами Мир», а всем послышалось «Бог», он сказал: «Бог», а все услышали «Любовь».

Он явился, когда его перестали ждать, чтобы вселить веру в отчаявшихся.

Он был весел, потому что люди разучились смеяться, и он показал вновь, как это – быть счастливым, просто потому, что ты живешь.

Он не назвал себя, но все поняли, кто – он.

Его имя означает «существующий вечно» или «появившийся из ничего». Он «рожденный из своей собственной вечности».

Белый Бурхан вернулся – благая весть разнеслась не из уст в уста, а от сердца к сердцу, так что люди даже не поняли, как это случилось?

Белый Бурхан явился, чтобы утешить обиженных, поддержать слабых и наказать Зло.

А Зло теперь было на каждом шагу.

И Белый Бурхан сказал – отныне я в вас, а вы во мне. Вы теперь –

тысячерукий, тысячеголовый Белый Бурхан, у которого тысяча тысяч горячих и благородных сердец – и отныне вас невозможно убить.

Он провозгласил царство свободы, от горизонта до горизонта, от одной Белухи до другой – невидимой – Белухи. Которая – везде, и которой нет нигде. Царство Шамбалы, Беловодья, Валгаллы, Шангрила.

Это царство надо защищать.

Белый Бурхан будет рядом с нами, впереди нас, в каждом из нас.

Якши!

В начале времен, создав этот мир, он смазал своей кровью священный шест и полез на небеса. Человек устремился за ним, но шест был слишком скользким, и человек остался на Земле, ожидая второго пришествия Белого Бурхана.

И он пришёл.

Якши!..»

Я глянул на него.

Он кивнул:

– Это единственная известная науке цитата из «Тайной Книги Бурхана».

Я не мог сдержать улыбки:

– И вы верите во все эти сказки? В существование некой тайной книги с тайными знаниями?

Он откинулся в кресле и посмотрел на меня как на неразумного ребёнка:

– Верю – не то слово, я держал её в руках.

«...Книгу просто грамотный не мог прочитать, а только тот, кому положено. Открыв книгу, громко назвав имя божества, громко читал, молился. После этого в его голову приходили слова-откровения. И он начинал говорить, что будет так-то и так-то... Была такая книга, называлась «Тангза»... Та книга была завернута в синий шелк. Тот судур после революции был у парня, которого зарезали... Последний ...был Дьатынай, он ее мог читать. Кто ее спрятал потом, даже не знаю. Наверное, она осталась в Караколе. Скорее всего, этот человек был из семьи Кокуля...»

Моя подруга.

– Мы поедем летом отдыхать? – спрашивает она. Смотрю в сторону:

– Я не знаю.

– Ты хочешь детей?

Смотрю вверх:

– Я не знаю.

– Ты меня любишь?

Смотрю под ноги:

– Я не знаю!

– Блин, убила бы тебя!

Вздыхаю:

– Я знаю...

– Ты как безопасная бритва, – говорит она, – тебя легко сломать, но легко и перерезать горло.

Гм, безопасная бритва.

В общем, не всё молодо – зелено, и не всё зелено – молодо.

– А что такое счастье? – как-то спросила она меня.

– Счастье – это там, где ты настоящий. – В тот день я был впервые искренним.

Все мы хотим, чтобы нас любили. Если нет – то хотя бы понимали. Одиночество – хорошая штука, если ты решил провести в компании с собой. А если всю жизнь? Я лично не готов.

Моя подруга.

Я знал, я знал, что у меня не будет с ней счастья. Вечный страх её потерять, и та сделанная, фальшивая, лукавая покорность, с которой она отдавалась – только подтверждала мои опасения.

Я дошёл до состояния человека, который унижает любимую вещь, боясь её потерять, который, одурев от страха смерти, кончает с собой.

Каждое утро, когда она собиралась на работу, я брал её полусонную, вяло сопротивляющуюся, моему желанию.

- Я тебя люблю.

- Кто тебе сказал?

- Моё сердце.

- Ты врёшь – у тебя нет сердца.

Я вбиваю себя в неё яростно и зло, растворяясь в ней, как в жизни, как в смерти.

Она знала, что смертельно больна, и потому занималась сексом неистово, всякий раз, как последний.

Она умерла в больнице, так никого и не родив, хотя сильно хотела.

Умерла тихо, во сне. Я не был её родственником, поэтому мне не позвонили. Я узнал об этом от её сестры.

Не сказать, что я сильно её любил, скорее, испытывал нежность и заботу, может, сострадание и жалость, но никогда не показывал это. Хотя, в последнее время болезнь уже была сильно заметна – шелушащаяся кожа, потом из-за химии и облучения она облысела… Да, в какой-то момент я мог заниматься с ней сексом, закрыв глаза, представляя и вспоминая её, ту прежнюю, красивую и здоровую.

– Ты будешь жить вечно, верь мне… верь мне… верь мне!.. – вбивал я себя в неё ночью в постели.

– Я не хочу жить вечно, я хочу ребёнка, – шептала она мне в самое ухо.

Чувствую ли я вину, что не дал ей этой радости материнства? Я был её последней надеждой, остальные бы уже не решились на близость с ней. И вот, получается, я тоже её предал – мог помочь и не помог. Во время нашей последней встречи – а никто не знал, что это встреча – последняя – в её глазах была такая тоска, такая… Но откуда я знал!

Да если бы и знал – всё равно бы не решился.

– Не бойся, – тихо говорила она, – никто не узнает, чей это ребёнок. Даже если я скоро умру. О нём позаботится семья моей сестры, мы уже говорили с ней об этом. Ты же знаешь, они очень, очень богаты, но у них нет своих детей, они с удовольствием возьмут моего ребёнка на воспитание. Слышишь?

Я кивал головой, слушал, но не слышал. Так и не услышал.

С одной стороны, как жить с мыслью, что где-то растёт по сути сиротой – твой ребёнок?

А с другой стороны… С другой стороны, зачем вводить ещё одно создание в этот жестокий мир – да ещё вот таким путём, практически через смерть?

Так думал я. Как всегда, эгоистично и не правильно.

И вот – ещё одна жизнь без продолжения.

А с чего всё началось? С чего начался тот наш последний с ней разлад?

Да, я конечно помню – но не хочу вспоминать.

Мы не виделись с ней несколько дней – так получилось, замотался, забегался на работе, и вдруг понял, что она мне давно не звонила и даже не эсэмэсила. Я позвонил сам – её телефон был недоступен. Я по-настоящему заволновался, мало ли чего?

Вечером она перезвонила сама:

– Привет, – равный, безразличный голос, – у меня всё нормально была в больнице. Если хочешь – приезжай.

Вечером, купив вина и фруктов, приехал в гости.

Поцеловались, откупорил бутылку, старался быть непринуждённым и спокойным.

– Что тебе сказали в больнице? – спросил очень мягко, с улыбкой, чтобы как-то снять напряжение.

Она молчит, уставясь в окно, за которым идёт дождь.

– Эй, – говорю как можно спокойнее и нежнее, – что тебе сказали в больнице?

– Что у меня никогда не будет детей, – отвечает ровным голосом, – понятно? У меня не может быть детей, ни одного… Из-за этой чёртовой болезни, уже слишком поздно, всё уже поздно…

Он всхлипнула, но справилась.

Я смотрю на неё, верчу бокал с вином в руке, растерянно по дурачки улыбаюсь, не успев сменить лицо и интонацию.

– Ты доволен?

– Я?! – удивлён и растерян, – что ты такое несёшь?! Почему я должен быть доволен?

– Ну теперь же можно трахаться, не боясь залететь, как раньше, да? – зло усмехнувшись говорит она не мне, а окну, – и презервативы больше не нужны, да?

Я понял, что теперь она будет винить во всём меня.

В выходные поехали на природу – я решил, что ей нужно развеяться, и совершил ошибку. Надо было подождать, дать ей и себе привыкнуть к новым обстоятельствам. А я стал надоедливо внимателен и навязчиво суетлив. Её раздражение только росло – я это почувствовал слишком поздно.

– Смотри, какое небо! – сказал я фальшиво восторженно, обнимая её за плечи.

– Это не небо, а дно морское, – сухо, даже не глянув, проворчала она. – Хватит, поехали домой, я устала.

Отчуждение росло – и мы, в конце концов, расстались.

Теперь думаю, надо было как-то сохранить связь – любой ценой, возможно, я струсил. Смалодушничал, поступил как конченный эгоист.

Но теперь уже поздно. Других бы ошибок не наделать.

Оказывается легче всего потерять – приобретая.

В день её похорон светило майское солнце, появилась яркие, свежая, молодая зелень. А её больше не было, и её ребёнка, – нашего ребёнка – тоже. Она лежала в гробу не похожая на себя – вся высохшая, жёлтая, похожая на старуху – даже грим не мог скрыть её увидания. Я стоял с чувством неловкости, всё было как-то не так, и все эти незнакомые мне люди, которые говорили ненужные, дежурные слова. Всё было не так!

Я почему-то вспомнил, как мы однажды летом поехали знакомиться с её родителями к ним на дачу, пили чай с вареньем на веранде – и было ощущение безмятежного счастья, которое не закончится никогда.

А оно закончились меньше чем через год.

Её образ стоял перед моими глазами – образ, которого больше нет и никогда не будет. Мне всё казалось, что мы только что шли рядом, попрощались до завтра, я тут же оглянулся, а её уже нет – пустынная улица, стылые лужи и ветер гоняет жёлтые листья.

«Прощай, – шептал я, – до встречи на небесах». Я не забуду тебя.

Никогда.

Я стал забывать её через пару месяцев, через полгода практически ничего не помнил.

Самая длинная дорога к Богу. Самая короткая дорога к себе.

Смотрите! Я перехожу небо в брод.
И небо тонет во мне.

Ясновидцы, пророки, поэты... Племя городских безумцев образца 1990-х годов – где вы теперь? Если и остались в живых, куда вас законопатила жизнь, и необходимость выживать, приспособливаться, зарабатывать себе хлеб насущный? Как я по вам скучаю, проклятые, как мечтаю о встречах, пусть уже и невозможных, которые больше никогда не случатся. Разве что, где-то там, в параллельных мирах, доспорим, домечтаем, посмеёмся и поплачим? Или там это всё уже не нужно? И неинтересно? Хочу, чтобы было интересно, хочу, чтобы было важно – как важна наша жизнь на земле. Жизнь любого и каждого, прости-господи...

Прощай, Господи...

Не заканчивается, не рождается, не пресекается, не длится вечно, не приходит, не уходит...

Вот путь Бога. Почему тогда человечество зашло в такой глубокий тупик?

От рождения до смерти – взмах крыльев бабочки. Запомнить это лёгкое дуновение – и рухнуть в бездну. Навсегда.

Жюль Ренар сказал, что он чувствует как меняется уровень смерти. Я подумал, что скоро она затопит и моё поколение.

Я давно бросил журналистику, числился директором небольшой фирмы, состоящей из трёх человек, включая меня. Зарабатывал на жизнь рекламой и мелкими полиграфическими услугами: буклеты, листовки, визитки. Именно зарабатывал на жизнь, а большего мне не было нужно – я не хотел более тесных контактов с обществом, государством и его репрессивно-полицейским аппаратом, которые неизбежны, как только ты выходишь на другой уровень доходов и расходов. Однако да, продолжал что-то пописывать, теперь уже грешной прозой. Иногда публиковал очерки и статьи в местных изданиях. Не для денег – ради собственного удовольствия.

Так появилась статья о Бурхании – не пропадать же материалам, которые мне отдал мой дорогой мэтр.

А потом мне позвонили из органов безопасности.

– Нас очень заинтересовала ваша статья, – сказал по телефону вежливый голос, – мы просто хотим побеседовать.

Я тут же перезвонил Мэтру.

– Я что ты хотел, – зло усмехнулся он, – все же знают, что в Бурхании есть грязная атомная бомба, и они хотят отделиться от России.

– Что?! Что за бред?! – закричал я в трубку.

– Послушай меня, – Мэтр был смертельно спокоен, – вали всё на меня – данные взяты из открытых источников. Ты ничего не знаешь – это обычная архивно-историческая публикация. – Он помолчал, и вдруг опять усмехнулся: – Но лучше тебе теперь убраться из города – хотя бы на время.

– Да вы рехнулись?! – я рухнул на стул и уставился на газету с проклятой статьёй, лежащую у меня на столе.

– Не ссы, стариk, я помогу тебе выйти на людей, которые тебе помогут. Приходи завтра. – Мэтр отключил сотовый.

Я просидел в прострации довольно долго, пока не наступил вечер.

Мой студенческий друг страшный резонёр и самоуверенный болван.

– В провинции, – говорит он, валяясь на моём диване перед телевизором, – два пути – либо в офисный планктон, либо в маргиналы. Я выбрал третий путь – то есть в небытие.

Ага, сладкое небытие – за мой счёт.

У меня больше не было времени, а у времени больше не было меня.

«...Что за книга скрывается под названием «Тангза» в рассказе А. П. Елдошевой? Сходное по звучанию слово тамзы в значении религиозного письма- послания также использовалось бурханистами. Вообще еще задолго до появления бурханистов в логу Теренг многие жители Алтая уходили учиться в буддийские центры соседней Монголии. Среди алтайцев сформировалась даже особая категория умеющих читать книги судуры, т.е. буддийские сутры, а также по этим текстам гадать и предсказывать грядущие события. Этих людей так и называли судурчи. Образ всеведущего предсказателя судурчи воссоздал в своей поэме известный алтайский поэт и сказитель Н. У. Улагашев (1861 - 1946). Одно из его произведений так и называется «Шиме-судурчи». В сорбирательном образе Шиме-судурчи воплотились вполне реальные знатоки, читавшие судуры, прославившиеся своими предсказаниями. И таких людей на Алтае было немало...»

«Что же я сделал не так? – опять всю ночь думал я. – Почему жизнь обманула меня, ведь было столько планов и надежд на будущее?

Почему моё будущее так быстро превратилось в прошлое? И почему меня больше нет в будущем?

Почему планы остались нереализованными, таланты нераскрытыми, задания невыполнеными? Ведь всё же у меня было – целеустремлённость, таланты, сила воли, работоспособность?

Где и когда я свернул не туда, пролетел на огромной скорости нужный поворот к счастью, успеху, и, в конце концов, оказался в тупике?

Как так вышло, что вчера я был ещё молод, а сегодня уже безнадёжно стар, уставший и ни на что неспособный?

Неужели моя жизнь – это сон какого-то безнадёжного пьяницы, который вот-вот проснётся – и всё исчезнет навсегда?

Почему я всё чаще просыпаюсь по утрам с бешено колотящимся сердцем, не понимая, жив я или умер? Пытаясь с ужасом вспомнить, где я и кто я?

Кто идёт по жизни рядом со мной? правильный ли я сделал выбор? Ведь другого выбора у меня не будет.

Что со мной, Господи, почему ты так и не подал знак? Хоть какой-то маленький, ничтожный знак, что ты меня слышишь, я тебе небезразличен, и ты хочешь мне помочь?

Неужели я столь безнадёжен, что мне не стоит дать последний шанс?

И куда мне теперь, Господи, куда мне теперь? Вверх или вниз?

Вниз или вверх?

Дай знак – или забери знак, только не молчи!

Как бы сделать так, Господи, чтобы ни о чём никогда не думать, больше ни о чём и никогда – просто жить, как трава, и умирать просто, как трава?

Ещё одна ночь, ещё один день, и снова бесконечная, бессонная ночь.

Всё как всегда, всё одно и тоже – как последние две тысячи лет.

Что не так с этим миром? Что не так с этой страной? Что не так со мной, Господи, что не так?...

– Все при деле, все пристроились, – говорила моя бабушка, – один ты болтаешься, как дергом без проруби.

– Нытьё уже не актуально, – говорит мой студенческий друг, сидя на моей кухне; он достал из холодильника банку тушёнки, и жадно поедает её содержимое, – если тебе не нравится такая жизнь – меняй её. А если не можешь или не хочешь – сиди и не чирикай.

Мой студенческий друг уверяет, что когда-то работал сторожем в морге. Рассказывает, как занимался любовью с мёртвыми женщинами. Не знаю, врёт или нет? Я ему верю – такой негодяй на всё способен.

Он блаженно щурится: эти грязные истории доставляют ему удовольствие. Они подтверждают, что мир – помойка, и не он один такой мерзавец. Это даёт ему энергию жить.

Так я прожил жизнь: много друзей, но ни одного настоящего, много любовных романов, но ни одного искреннего.

– Я прочитал твою статью о Бурхани, – тычет он вилкой в газету, лежащую на столе, – я знаю одного человека, который знает туда дорогу. Но ты должен взять меня с собой.

– Это исключено. Во-первых, нет, на хрен, никакого Бурханостана. Во-вторых, даже если бы он был, нет туда никакой дороги, и нет никаких людей, которые знают, как туда попасть. Это всё миф, легенда, байки туристов, ясно?! – взорвался я.

– Хм, как хочешь. Тогда я пойду туда сам.

«...Помимо широко вводимого в религиозную практику понятия «Бурхан» и признания Бурхана в качестве верховного бога всех последователей бурханизма сплачивала вера в приход справедливого правителя – Ойрот-хана, который восстановит былое величие царства ойротов. Все исследователи бурханизма соглашались, что предания об Ойротхане занимали особое место в «новой вере». Под этим общим названием фантазия алтайцев разумеет несколько исторических народных героев: и Калдан-Ойрота, и Чунуты (Шуну), и Амыр-Сана...»

Я повернулся на бок и, щурясь спросонья глянул, в окно: осень, опять этот несносный, унылый, как бухгалтерский годовой отчёт дождь. Серое небо и какая-то беспросветность, думаю, на небесах должны прощать самоубийц, которые кончают с собой в октябре. Это для них – единственное оправдание.

«Посмотри в зеркало, – говорю я себе, – морщины – это тропинки в мир иной. Выбирай любую и не ошибёшься – все они ведут в одно место».

Дождь льёт монотонно, занудно, задвигая серыми занавесками окна и двери. Никто не знает, когда он кончится, но все знают, что конец близок.

В лужах, как в зеркалах, отражался мир, которого больше нет. Я закрываю глаза, и больше не могу вспомнить, каким он был, этот мир? Каким был я в этом мире?

Часто я вижу, как Белый Кит плывёт по небу, словно огромное облако. Это мой Моби Дик, смогу ли я его победить?

– Кого, облако?

– Нет, кита, прикинувшегося облаком.

– Только если окажешься на небесах.

– Тогда не буду спешить.

Я думаю, что этот путешествие в поисках Бурханостана – мой Моби Дик. И я должен победить своего Белого Кита.

«...По сообщению корреспондента барнаульской газеты «Голос труда» от 18 ноября 1917 года, уже в феврале - марте среди алтайцев Урсульской волости стали циркулировать тамзы (письмо) из Монголии, предупреждавшие о скором (10 - 18 мая) появлении Амыр-Сана, который поведет войну и разобьет русских при слиянии рек Бии и Катуни, после чего алтайцы перейдут от России в подданство своего прежнего царя. Приходу Амыр-Сана будет предшествовать появление ламы и 17 кэгеней (проповедни-

ков); за ними следом придут 700 собак и наконец - 7000 богатырей, для борьбы с русскими».

...Лама был похож на подростка с улицы – в бейсболке, застиранной оранжевой футболке, рваных шортах, и синих китайских шлопанцах.

– Понимаешь, – сказал я Ламе, – все идут вперёд, а ты вроде как остаёшься...

– А ты не иди вперёд, ты поднимись на высокую гору – и оттуда ты их увидишь, кто докуда дошёл... Причём ты их будешь видеть – а они тебя нет!

– Но ведь они все ушли вперёд!

– Но кто-то ведь должен остаться, чтобы защищать тылы?

Птицы летают, как мысли Бога. Как их понять?

«...Мамыш говорила, что Земля имеет три слоя, Бурхан живет в верхней земле, человек – в средней, «враг народов» – в нижней. Приводимое трехчленное деление Земли имеет очень древнее, еще дошаманское происхождение и специфических буддийских черт не содержит. А вот дальше, по словам Мамыш, «в средней земле все живут самосевом: деревья растут, люди рождаются..., а Бог-Бурхан – в верхней земле, там не рождается, не стареет, не убавляется, не прибавляется. Наша молитва туда не дойдет. Жить надо, самим себя беречь... Вот в этом дар Бога... Надо жить хорошо, плохого не делать. Вот это будет и для Бога лучшее...».

Это был странный и нелепый рисунок детской рукой на каком-то клочке бумаги. Но глянув на него, Лама утвердительно кивнул головой:

– Я знаю это место.

- Осторожно! – Лама схватил меня за руку.

Я увидел, что чуть не сорвался в пропасть. Но ведь я видел здесь ровную дорогу, я видел своими глазами... Или всё-таки не своими?!

Я как во сне шёл на знакомый голос – её голос! Он был то рядом, то удалялся, и я не мог его догнать. А когда догнал – оказался на краю пропасти.

– Это злые горные духи, – сказал Лама, – они заманивают людей и те срываются в пропасть – я же тебя предупреждал быть осторожным.

Второй день меня мучает страшная изжога. Видно, местная вода ни к чёрту. «Это у тебя желудок дырявый, – говорит Лама и качает головой, – привык к химии, и не принимает нормальную, чистую, живую воду».

...И вот я стою на краю пропасти, подо мною провал – не видно дна. Надо мной – хмурое низкое небо. У меня в руках пистолет с одним патроном. Кровь из рассечённой брови заливает глаз, и сильно ноют, видимо, сломанные рёбра.

Как же так получилось, что я оказался здесь, совершенно один, на краю пропасти – окружённый обезумевшими и жаждущими разорвать меня на куски людьми?

Как далеко завели меня дурацкие поиски истины, веры, учения, которое помогло бы мне обрести мир,

стать другим, преобразиться, поверить в высшее предназначение любого из нас?

Как так получилось, что поиски света привели меня в беспросветную тьму? А люди, которых я полюбил и считал высшими созданиями, теперь хотят меня убить?

Как так получилось?!

Камни под моей ногойсыпаются и летят в бездну. Я взвёл курок. Искажённые любой лица всё ближе, кольцо сжимается вокруг меня. Молчаливые лица с тёмными от ненависти глазами.

- Прыгай! – кричит он мне с пеной на губах, – что же ты, ну?! Давай, прыгай, и если твоя вера так сильна – твой Бог подхватит тебя! Или ты сам, как птица, взмоешь в небо?

Он смеётся, они смеются.

- Ну? Прыгай, засранец!

Я вижу, как они достают свои страшные кривые ножи.

Что мне делать?

Я оглядываюсь назад, чтобы понять, как я здесь оказался.

Самое время вспомнить, с чего всё началось.

«...В буддийских священных текстах неоднократно повторяется, что будды не разводят проблемы своими руками, а помогают людям, прежде всего давая им свое Учение, а человек должен сам, используя это Учение, справляться со своими житейскими трудностями. И, в первую очередь, понимая космическую взаимосвязь всех явлений, стараться не делать зла, чтобы от него же, как от летящего бumerанга, в перспективе не пострадать...»

Солнце еще не поднялось, но в рассеянном сумраке уже чувствовался зарождающийся день.

Мы вышли по холодку, однако уже через пару часов пекло настигло нас. В голубом пронзительном небе не было ни облачка. В самой вышине кружили коршуны. Жара сводила с ума. Камни как живые расползались в пространстве.

Нужно было подниматься высоко в горы, туда, где нечем дышать, и ты хваташ воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Мы шли непроходимым лесом, без дороги, без тропинки – как проводник находил здесь путь – уму непостижимо.

Мы пробирались через болото, два раза чуть не утопли.

Потом через пустыню, где был невероятно красивый песок, и такие же полуразрушенные красные скалы, и живые, двигающиеся по ночам камни.

И вот мы стоим лицом к горной гряде – там, в небесах теряются вершины.

– Там, наверху есть пещера, она уходит вглубь горы. Там подземная река, мы поплыли по ней. В одном месте она уходит полностью под землю – мы поплыли под водой.

– А есть другая дорога?

– Для живых – нет.

Мир, окружающий меня преобразился, а затем полностью исчез. Вместо него меня окружал таинственный лес.

— Всё, мы пришли, — сказал Лама, — здесь ты должен будешь победить своего зверя.

— Ты что, спятил? Какого, на хрен, зверя?!

— У каждого есть свой зверь, и каждый однажды должен его либо победить, либо проиграть.

— А если я проиграю?

— Тогда ты сам станешь зверем.

— А если я не хочу играть в эти дурацкие игры?

— Тут не выбирают.

Лама кивнул и исчез в темноте.

«...Будда в махапаринирване недосягаем («молитва туда не дойдёт», - говорила Мамыш), а хранителями буддийского учения до прихода следующего будды являются бодхисаттвы, прежде всего Авалокитешвара, и своеобразные буддийские апостолы-архаты...»

Он подошёл к большому камню.

— Помоги.

И упёрся в него руками.

Я присоединился к нему. Мы пыхтели и кряхтели, но камень сдвинули. Под ним открылся лаз диаметром в полметра.

— Нам туда, — кивнул Лама.

Я вздохнул. Лама первым ловко, как ящерица, скользнул в расщелину. Следом кое-как, разрывая и так превратившуюся в лохмотья одежду, протиснулся и я.

Лаз сначала был таким узким, что я сильно ободрал о его стены спину и руки. Но потом расширился, и мы сначала поползли на карачках, а затем встали и в полный рост, правда, всё равно пригибая голову.

— Осторожно, здесь попадаются ядовитые белые змеи, — сказал Лама.

— Как это белые?

— Альбиносы, без солнечного света они стали прозрачными, внутренности видны и слепые. Но ядовитые. Это здесь родилась легенда о Пернатом Змее. А он не пернатый — он просто белый, — Лама спокоен как никогда. А мне хочется бежать отсюда куда подальше.

Мы сели на камень передохнуть. Здесь было прохладно, но пот струился с меня ручьями.

— Они говорят, что Белый Бурхан — сын Иисуса Христа. — Лама смотрит куда-то вдаль каменного коридора, туда, куда нам предстоит идти дальше.

— Как это? — рассмеялся я.

— Якобы церковники скрыли это...

— Гм, у Иисуса Христа был сын?

— Об этом есть много свидетельств. Тогда он тайно пришёл сюда, в горы — и остался здесь навсегда. Теперь он вновь вышел к людям — его снова видят в аилах. Как и Чета Чепланова с его дочерью — говорят, они нисколько не постарели и не изменились за прошедшие сто с лишним лет.

Лама говорил тихо, но я его слышал:

— Им дают выпить напиток бессмертия. Выпив, они теряют сознание, их уносят в пещеру духов. Там, очнувшись, они не помнят ни своей прошлой жизни, ни даже имени. Они умерли — и возродились вновь. Им дают другое имя — и теперь у них другая жизнь. Их нельзя тревожить, они — другие.

Я прямо посмотрел ему в глаза:

— Я тоже хочу стать другим.

Лама медлил.

— Это непросто.

— Я хочу, чтобы было не просто.

— Ты, твоё нынешнее «Я» перестанет существовать.

— Я готов.

— Обратной дороги нет.

— У меня её давно не было — я стою на краю пропасти.

Лама кивнул, встал и пошёл дальше. Я отправился за ним.

«Н. Рерих воспел бурханизм и связал его с буддизмом. Он утверждал, что «Белый Бурхан — это одно из имён Будды Грядущего-Майтреи»: «Алтай-страна благословленного Ойрота, народного героя этого уединённого племени ...Чудо свершилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали... В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам Благословленный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и приедет сам Бурхан скоро. Дал Благословленный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычай и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на Земле новое счастливое время... Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жёсткому преследованию властей. Но наставления Благословленного не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растёт вера в Белого Бурхана. В 1926 году во время своей центрально-азиатской экспедиции Николай Рерих провёл в Усть-Коксе две недели, и нынче здесь построен музей, куда съезжаются искатели Шамбалы...»

Лама бесстрастно смотрел на меня, как я задыхался.

Мы были в пещере, через которую якобы ведёт тайный ход в Долину.

Я почувствовал себя плохо и рухнул на землю.

Я хотел было что-то сказать, но потерял сознание.

— Это и есть — тайный ход в новый мир, — сказал, наклонившись надо мной, Лама.

Он резко выпрямился, и, не оглядываясь, пошёл туда, откуда мы пришли. Его силуэт становился мутным, расплывался и дрожал. Я хотел что-то крикнуть ему — но у меня вышел только стон и хрюп.

Я задыхался и умирал.

Умирал по настоящему — в страшных мучениях, испытывая сильнейшую боль. Такую боль, навер-

ное, испытывают только в двух случаях – умирая и рождаясь на свет.

– Запомни! Когда смотришь в правый глаз Бурхана – видишь космос, когда смотришь в левый глаз Бурхана – видишь вселенную, когда в оба глаза – видишь Бога! И когда увидишь его – не закрывай глаза, не то ослепнешь.

«...В конце 80-х – начале 90-х годов. перихианцы заполонили Алтай. То тут, то там можно было встретить стоящих на голове мужчин и босых женщин с отрешённым взглядом. Периховские общества обезжали десятки алтайских селений с передвижной картинной галереей, состоящей из репродукций картин Н. Периха, проводили круглые столы, распространяли книги всех членов «Великой Семьи», как они называют Перихов, из которых алтайцы узнавали, что «Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда», что «буддизм – самая научная религия». Кроме того, они популяризируют идею о том, что алтайский художник Григорий Гуркин, учившийся в той же художественной академии, что и Перих, принадлежит к плеяде махатм и в своём «мистическом» творчестве является предтечей Николая Периха».

Я очнулся на полу пещеры. Очнулся от того, что начал дышать – и закричал от боли, мои лёгкие разрывались на части, голова была готова взорваться. Сначала я думал, что ослеп, но постепенно привык к окружающему меня полумраку.

Кое-как сел на зад и огляделся. Я был один – вокруг мёртвая тишина. В какую сторону идти дальше?

Лама бросил меня – и я потерялся.

Теперь я уже хотел вернуться и покончить с этой дурацкой затеей. Но в какой стороне был выход?

Этого я больше не знал.

Пошатываясь, я приподнялся и пошёл наугад, опираясь на стену пещерного коридора – авось повезёт.

Я не знаю, сколько я так двигался в полной тьме: час, день, месяц, год. Мне показалось – вечность.

И лишь когда смертельно уставший, измученный голодом и жаждой, я полностью потерял всяющую надежду выбраться отсюда и рухнул на холодный, каменный пол, различил вдалеке чуть заметный, мерцающий свет...

ПОЭЗИЯ

Дмитрий МУХАЧЁВ ► ГОВОРИ В МЕГАФОН (подборка стихов)

• • • • •

Поселюсь в типовой квартире без лишних удобств,
и расставшись с друзьями, иллюзиями и работой
я открою школу восточных единоборств,
и спасу от цирроза и ровной судьбы кого-то.

Добрый вечер, друзья, я все знаю про ваш кошмар,
бестолковых родителей, дикий фарфор сервисов.
Но великая ценность – наш честный сердечный жар,
мы сорвем покровы и преподнесем сюрпризы.

Хорошее звезда на морозе, ей жить легко.
Плохо тем, кто врет, чтобы лень свою скрыть хоть как-то
В холодильнике спрятано свежее молоко,
в нас горит желание все разорвать контракты.

В этот день, тосклиwyй, словно свекольный морс,
мы наклеим обои и гордо откроем двери
в нашу дивную школу восточных единоборств
для всех, кто в доброго дядю уже не верит.

Во «Вконтакте» клеить по пьянке баб надоест,
солнце станет подбадривать ежеминутным светом.
Непременная сверхзадача – нести свой крест –
облегчается гибкостью тела, не сигаретой.

Смерть дежурит под каждым мостом, за любым кустом,
бродит мимо автостоянок и Harat's pub 'a,
ничего не умея, лишь нападать на слабых,
совершенно не зная, что может удар простой.

Бывает ли конструктивной здоровая злость?
Как на кухне старухи крупы драгоценной горсть –
офиенная школа восточных единоборств,
очень нужная школа восточных единоборств.

• • • • •

Радуга командует безбашенным полком,
лучше не встречаться с ними ночью во дворе.
Гордые красавчики, ребята с огоньком
порешали – хватит опускаться и дуреть.

Два футбольных поля, социальный магазин,
весь район похож на объяснение в любви.
Туча в небесах жестоким дождиком грозит,
вот бы попросить ее на нервы не давить.

Все солдаты радуги большие молодцы,
знают меру в выпивке и матерных словах.
И уже не страшен ни дефолт, ни геноцид:
будто сахар в жидкости, наш растворился страх
Вырос ты на серой и трагической земле,
партии разрисовывал «Алисой» и «Кино»,
по домам заброшенным шатался много лет,
наблюдал за листопадом в школьное окно.

Но в микроволновке согревается обед,
Windows бестрепетная требует пароль,
Вместо составленья списка горестей и бед,
лучше заглушить таблеткой головную боль

А солдаты радуги сигнал спокойно ждут,
коротают вечера за шахматной доской.
Телевизор регулярно нагнетает жуть,
а у них все тихо, как на темном дне морском

Жди и ты чего-нибудь: сухого сентября,
возвращения знакомых в цинковых гробах.
Если ждать, как следует, то год пройдет не зря,
станет песенкой нелепой стынуть на губах.

Про Донбасс читаю, без конца табак курю.
Завтра снова белый свет, панельные дома,
и такая радуга, что мама не горюй,
и такая радуга, что все сойдут с ума.

• • • •

Когда человек умирает,
изо рта его стая бабочек вылетает.
Выйдешь за кофе в иные дни,
а они все кусты облепили.

Эти бабочки многим нравятся –
интересные насекомые.
Куда ни плюнь, попадешь
в при рожденного энтомолога.

Мы бы могли вас порадовать
отличными мониторами,
энергетическими напитками,
которые мы сделаем
безвредными для организма
Поездкой на дикий загадочный остров
с рассказом о его фауне.

А если немного выпить,
мы раскрыли бы вам секрет,
как поселить в себе Бога
и использовать против дряни.

Но вам нужны только бабочки,
бестолковые эти бабочки,
лишь смерть наша вам нужна.

• • • • •

Звонит будильник, утро жжет напалмом,
могучий сон уходит далеко.
Ушлепок божий, фаворит опальный
хлебает сонно кофе с молоком.

Под небом многотонным и свинцовым
шагает он потом, а в голове
извечная актриса Кузнецова
и девушка из группы «Обе две».

Прекрасна наша кислая балаңда,
в ней есть весьма полезный витамин.
И если не успел стать членом банды,
считай - остался навсегда один.

Наедине с педофилией, гриппом,
политикой, полицией, зимой,
потоками проникновенной липы
и старостью, пришедшей за тобой.

Теракт, пожар, переворот дворцовый –
а у него на все один ответ:
чудесная актриса Кузнецова
и девушка из группы «Обе две».

А русский мир – наркотик и проклятье,
большой корабль в океане тьмы.
Ждут моряков не девы в белых платьях,
а стены впечатляющей тюрьмы.

И он опять по палубе гуляет
с дымящей сигаретою в зубах,
смеется и никто не представляет,
какой внутри него змеится страх.

Начальник всех живых, приди скорее,
чеченских ветеранов успокой.
Нас здесь уже почти ничто не греет,
но выпить есть сыр недорогой.

И тут настанет праздник образцовый,
пойдут гулять по ласковой траве
отличная актриса Кузнецова
и девушка из группы «Обе две».

• • • • •

Говори в мегафон, поскорей говори, этот шепот осточертел.
В федеральной газете неделю назад осудили народный хор:
неуместна в эпоху военных страстей мощь нелепая децибел,
не пугайте своими крещендо людей, не вставайте на путь плохой.

Голос многое может – убить, обогреть, ободрить, закатать в асфальт.
Не стесняйся, братан, говори в мегафон, мы соскучились по тебе.
На просторах твоей бес покойной души незакрытый живет гештальт –
это повод четыре часа объяснять, как спасаться от разных бед.

Одинокий мужчина готовит омлет, сок томатный в стакан налит.
А затем предстоит нехорошая ночь, шесть часов сплошной пустоты.
Говори в мегафон, помоги дураку – ему дочь с утра позвонит,
потому что своими словами пробил безразмерную стену ты.

Даже книга стихов «Караоке», мой друг, не научит творить добро.
Автор нами осмеян: о славе мечтал и траву каждый день курил.
Изучи за пять лет пятьдесят языков, до Парижа туннель пророй,
только лучше всего говори в мегафон, не жалей себя, говори.

Возвращаясь с работы, я видел людей, пьющих пиво в моем дворе.
К ним, наверное, тоже приходит во сне белохвостый единорог.
Хорошо бы землянку построить себе или в спячку впасть в октябре,
и пускай музыканты зимы без меня сочиняют холодный рок.

Здесь останешься ты, перепуганный пес, апатичный солдат добра,
постоянно открытый опасным ветрам, уязвимый со всех сторон.
Очень много народу страдает и ждет исцеленья противных ран,
так что ты говори, чтобы слышали все. Разумеется, в мегафон.

• • • •

На поселке Урожайному солнце – лекарь и помощник,
отъезжающий автобус издает привычный гул.
Успокойся, майский ветер, от тебя свихнуться можно,
пишут длинные романы те, кого ты обманул.

Я фотографом родился, в старой сумке черный Nicon,
на поселке Урожайному я работаю весь год.
Двое щуплых полицейских, наркоман в одежде дикой –
ни один от объектива проходящий не уйдет.
Обработанные снимки надо передать агенту
неба черного, густого как смородиновый джем.
Тот, кто видел эти стены, разрисованные кем-то,
от прохлады легкой в сердце не избавится уже.

Небо сбросит наши маски, мишуре порвет на части,
уничтожит аттестаты, сбереженья обнулит,
Там плевать на непогоду и копеечные страсти
и совсем уже неважен идеальный внешний вид.

• • • •

так как я люблю москву
не любил ее никто
этот город – лед к виску
бесконечный мощный ток

я тащил тяжелый груз
через непролазный лес
много разных дерзких фраз
мне кричал крапивный бес

бедолага очень глуп
я смотрю на юный дуб
сбросил груз у входа в дом
и москва москва кругом

• • • • •

Нам надоели аквапарки, от сериалов клонит в сон,
а телезвезды и артисты, похоже, служат сатане.
Мы так хотим убить героя, старуху отослать с косой
в его дремучую квартиру с портретом Мао на стене.

Он вечно путает все карты и воду мутит без конца,
мы будем антидепрессанты горстями пить, пока он жив.
Один безумец безголовый, застрявший в юности пацан
способен всех кругом заставить всегда таскать с собой ножи.

Герой всего лишь сбой в программе, неуправляемый мираж,
его прикончить – дело чести для всех порядочных людей.
Мы так устали от аварий, косых дождей, квартирных краж,
зачем нам этот неврастеник с капустой в черной бороде?

У нас некормленые кошки, незавершенные статьи,
вспоминания о школе, двенадцать градусов тепла
и многолетнее желанье какой-то новый мир найти,
где всем реально интересно, как обстоят у нас дела.

Куда полезнее героя любой кофейный автомат.
А нас мутит и восхищает в окне цветущая сирень.
Мы спляшем прямо на асфальте, когда погибнет наглый гад,
накупим крымского портвейна и станем праздновать весь день.

• • • • •

Каждую ночь
кто-то в стерильном халате,
колдуя над колбами,
придумывает лекарства.
Смысл жизни по жилам бежит
у рыцаря важной науки.
Есть на свете белые автомобили,
безопасные путешествия внутрь себя,
а ему надо сдвинуть цивилизацию
на миллиметр вперед.

Каждую ночь
командир исследовательского батискафа
понимает еще что-то важное
о жизни на глубине.
Рыbam хуже, чем людям,
никак не сменить обстановку.
Конечно, будет и отпуск
на горнолыжном курорте,
но надо сдвинуть цивилизацию
на миллиметр вперед.

Каждую ночь
айтишник на старом стуле
разрабатывает программу,
автоматически уничтожающую
форумы педофилов.
Имя его неизвестно,
да и подвиг его бессмертным не будет.
Июнь садится на законный трон,
пиво уже нагревается
и надо сдвинуть цивилизацию
на миллиметр вперед.

Каждую ночь,
я как самый тупой подросток
взываю: приди скорее,
одиночество гаже водки.
Хоть в леопардовом платье,
я согласен даже на это.
У нас будет секс в небоскребе,
прослушивание Мендельсона,
мы сдвинем цивилизацию
на миллиметр вперед.

Александр РОМАНЦОВ ► ГРУСТЯ ПО ПОЗЁМКАМ (подборка стихов)

ГРУСТЯ ПО ПОЗЁМКАМ

листья ашанов увяли
мёрзнут багульник и хрен
о этот запах кандалальный
о времена перемен

лучшее сменит хорошее
ути кричат по утям
ипохондрической лошадью
плачут упавши дитя

локти и плечи и далее
дай заглянуть в отворот
снова авоськи с медалями
свесил за окна народ

свесилось всё скособочилось
околоплодником вниз
хоть бы всё это закончилось
боженька, боженька, плииз

ВОЛОГДА

я мог бы стать учителем
для всех начальных классов.
я мог бы перечитывать
франц кафку, гегель, маркса
я мог построить Вологду
для всей страны полезную

а я сижу на холоде
пилю трубу железную

ЗАГОВОР

пэрфорирую скорлупку яичную,
достаю тугую сущность тягучую:
будет, будет мне жаркое-яичница -
во труде моём яда и сподручница

КАК Я ОДНАЖДЫ СТРАННУЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИЛ

загибая спину как койот,
напрягая все голеностопы,
саша что-то длинное куёт,
железякой по железу хлопает.

так вот и идёт за годом год,
день за днём и месяцы за месяцем.
саша что-то длинное куёт,
загибая спину полумесяцем.

вот уже последняя черта,
он устал немного как собака
и не ел конечно ни черта
будешь половинку доширака?

ИЗ КНИЖЕЧКИ «СТИШКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК»

в тёплых водах эквадора
тонет танкер доширака
перепугана команда
но пока ещё жива

разрывая переборки
из трюмовых недр мрака
прут наружу кругом мандал
золотые кружева

задание: помоги Карику и Вале, допиши, нарисуй или вылепи из пластилина в натуральную величину окончание этой истории

СИНИЧКА ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ
(импрессии)

солнце, мороз и суголока
будто бы вышел из сумрака
слепит - слезятся глаза

где-то в районе Колычево
зайчика видел - сволочь - его
не дострелил Мазай

трутся газели с маздами
пыльные, полу грязные
пробки и гололёд

трутся гаишники, хачики
видно с утра лихачили -
всюду куски тойот

дальше смешные названия,
парки , холмы и здания,
площади красный каток

быстро в метро залазь, а ну
мыслю подобно Базину
где бы достать пальто

прыгаю зябким птенчиком -
питерским полуперденьчиком
не обогреть телес

благо есть чебуречные
в этом замоскворечнике -
тут и погреюсь весь

ДЕВА

я из разных городов
у меня глаза пугливы
две зелёных черносливы
признак царственных родов

ты же вся из одного
из его реалий тесных
может там тебе и место
между этого всего

может так оно и есть
может так тебе и надо
вроде ад но нету ада
есть места но нету мест

то ли да а то ли нет
в этом беглом карауле
может быть меня обули
может так и надо мне

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

и букашку всякую, улитку
я всегда разглядывал украдкой.
я любил их дерзкую попытку,
я любил их нежную повадку.

всех вас: мух, ручейников, подёнок.
щедро вату расстипал в коробке,
делал «бъжъжъжь!» губами возбуждённо,
видя божий панцирь на коровке.

я лелеял, вскармливал и холил.
я не мыл после контактов руки.

так куда же это всё уходит?
что ж вы поокуливались, суки

• • • • •

прячешь умело в карманах
дрочишь на старые фото
зверьков убивать не гуманно
людей убивать не комфортно

что-то щебечет Лучано
где-то танцует Лиепа
и проживаешь случайно
и помираешь нелепо

чай майонез можжевельник
чешешь по брюху котику
двери в Вальгаллу ржавеют
дует. и пыльно. и тихо

• • • • •

в аккуратный холодильник
во втором часу
свёрток пахнущий и длинный
бережно внесу

отдохни покамест тута
от земных забот
heute Abend wirst du gutes
leckers Wurstenbrot

СИЗИФ ЕЁ ЛИЦА

когда она меня кормила
храня усердье на лице!
с её сторон так было мило -
такие фарши во перце!

когда она меня кормила -
своим бульоном на кости!
она была моя Камилла,
я был её «Пусти! Пусти!»

когда она меня кормила,
когда и я её сполна!
и щёки-ямочки - так мило,
как два сизифых валуна

• • • •

у лазутчика обыски -
у лазутчика жизнь - повезёт
половицы и разные доски,
половинки и прочее всё

у лазутчика старого -
не сумел- заглянули под дверь:
натуральная Ставрополь
и примерная копия - Пермь

• • • •

слышу-помню эти сказки старика
как за веником живёт косматый Путин
я ему оставлю на ночь блюдце молока -
пусть он и меня полюбит. пусть он
ветхой половицей шурудит
пусть забавные проказы ладит
пусть он в нашей старой хате всё-то уследит
и ночами мягкой лапкой гладит
избранных

Алексей ВЕСЕЛОВ ► ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ (подборка стихов)

• • • • •

На [REDACTED] Вокзале –
Зима.
И [REDACTED] поездов
Взгляд вперёд
Дарующий
Надежду.

• • • • •

Во тьме колонны [REDACTED].
Обвиты
Зелёным плющом
Старые деревья.
Мой путь хранят
Сквозь [REDACTED],
Лёгкий снег.

• • • • •

Вновь прилетал
На [REDACTED]
Старый ворон.
О чём-то [REDACTED]
Забыл спросить.

• • • • •

Ещё в январе
[REDACTED]
Но [REDACTED] Не важно, [REDACTED]
В состоянии
[REDACTED].

• • • • •

Портрет протагониста
[REDACTED] –
На каждом столбе,
Каждой урне.
[REDACTED] года
Взирает на мир
Полинявший герой.

• • • • •

Награды
[REDACTED] и [REDACTED]
Достались не тем
И [REDACTED] [REDACTED]
Не те.

• • • •

Белый
Пластиковый стакан
Ветер гоняет.
Сумерки над бухтой [REDACTED],
Огни вдали.

• • • •

— [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]
Раздаётся как будто.
Зелёный лев
Сторожит
Старые ворота.
Вновь тихо вокруг.

• • • •

В конце
Улицы [REDACTED]
Промелькнёт
Велосипедист,
Со своей тележкой
Пройдёт почтальон,
Из полуреального,
[REDACTED]
Тумана
Покажется ворон
И тут же исчезнет.
А я
так и останусь
В настоящем,
Неизбывном моменте.
[REDACTED] !

• • • •

Про тот,
Или другой
Зимний день
Написать
Что-нибудь

Глядишь,
А вот и весна!
С [REDACTED] !

• • • • •

К створчеству

Призыв весенний
Услышан будет.

• • • • •

Досочинить
Таинственный мирок
Таинственного стихотворения
И [REDACTED].

• • • • •

На трансформаторной будке –
Прекрасная
Мотивирующая надпись:
«Сила каждому нужна!»

Закрасили недавно.

Ани ПЕТРО ► ПРЕЛЮДИИ (цикл стихотворений)

A-dur

Тыкаюсь носом в полосатость матраса,
Думаю.. нет, не думаю ни о чем.
Просто хорошо говорить серьезные вещи
С несерьезным лицом.

a-moll

Архитектуру - с собой не увезешь,
В чемоданы не спрячешь нос.

Армия добрых и злых людей
Выращивает в саду сельдерей.

Аисты гнутся от тяжести адской;
«Какой у Вас паркет гладкий!».

Азбука - медлительный старый палач;
Заходи - не бойся, уходи - не плачь.

В погоду - можно спрятаться с головой;
Бумага - общенародный герой.

Терновый венец в моде в быту.
Плохо жить - я и одна могу.

b-moll

В моем доме немая бессонница
Раздает предметам имена;
Важно помнить, каким словом что называть.

Ты не в сердце моем, а где-то в ногах,
Камнем, попавшим в ботинок,
Мне мешаешь ходить.

Разделяют людей не шаги, а названия.
Приходи, будем вместе молчать и курить.

B-dur

Синий бархат, набитый
Волдырями и плющом.
Передние ножки сшаркали пол,
Задние - наступили на горло ковру.
Я оторваться не могу
От чумы, поразившей мой дом,
От тебя, не сидящего в углу.

H-dur

Солнце встанет из-за тучи,
Соберутся люди в кучи.
Дети впропрыжку бегут от порога,
В праздник им сладостей можно немного.
Люди бегут, лужи бегут,
Возбужденно деревья стекла скребут.

Ранним утром выходила босая,
Руками руки твои хватала;
Дергались плечи не в такт ногам,
Ты смеялся и врал мне, безбожно врал!
Много пряжи в углу лежало,
Молча пряжу на платки разбирала.

Флаги в дождь собираются в ком,
Флаги можно на тряпки пустить;
Много пряжи еще впереди,
Белый мне не к лицу - не приходи.

h-moll

Раскидались клавиши по стенам,
С потолка хлыстом бьют по лицу.
Ре-бемоль наотмашь в окна,
До-диез в пол.

Сижу. Жду.
Жду ля, жду ми, жду соль.
На фа-диез забывают соседи в дверь,
В секунду завоют с порога.
Я почти достучалась до Бога -
Он пришел и заткнул мне рот.

c-moll

Я - старый ломоть,
Отрви и брось.
Как на вкус тебе
Блюз?

Приходи в каждый день,
Что отдаст календарь.
Может, завтра ты станешь
Смелей.

Вслух печенье ломать
Дрожащей рукой,
Под столом много крошек -
Бери.

Нет чернил описать
Бой курант по зрачкам.
Делу время, потехе -
Джаз.

Пусть цветет под окном
Нецелованный сад.
Стихи
Для бездомных собак.

C-dur

Я выкрашу белым стены дома,
Губы - красным, под вишневый сок.
Так сладко пахнет от рук после долгого дня.

Длинной вереницей бредут мимо окон
Роскошные платья июня.

Я на маковом поле собираю чистые ноты,
Быть может, постучится в белый дом мой сегодня кто-то,
Голодный до вишен и песен февраля.

cis-moll

Мы сидели с тобой у заснувшей реки,
Ты тревожно смотрел на закат и причал,
Нервно дергались губы твои;
Я молчала, ты молчал.

Время жадно глотало с востока лучи,
Млечный путь по швам то и дело трещал,
Я руки сжимала у застывшей груди -
Ты молчал.

Полночь бросилась в волны под башенный бой,
Ты сказал, что пора, что проводишь домой,
Я стояла в слезах, ты мне клялся писать...
Смерть придет - будет так же молчать.

Des-dur

День наденет траур черный,
Спрячет кружево листвы;
Страшный голод человечий
Тащит толпы на улицы.

Кто-то стонет над домами,
Дырявя плачем небосвод;
Страшный голод человечий
Считает раны и поет.

Сон уходит через двери,
Мимо городских ворот;
Страшный голод человечий
Не проходит. Не пройдет.

d-moll

За окна цепляется послеполуденный томный джаз,
Если когда и не бояться смерти - то только сейчас.
Спой же со мною - только сейчас.

Из скрипок выпилили всю человеческую грусть и тоску,
Куда податься телу в непроходимую ночную хандру?
И причины, и предлоги - ни к чему.

Говорят, лето старит тела и крадет обещанный снегом покой.
Одиночество не ходит по парам. Быть может, кто-то другой
Проводит сегодня меня - до мостовой.

D-dur

Наших встреч необязательных прорва
Врезается в колокол над головой;
Вырываются в город из горла долой
Твоё имя.

Я люблю твои длинные пальцы худые, -
Их можно только любить, они - не для черноты.
С неба кто-то украдкой раскидывал звезды,
Целовал меня в плечи;

Когда солнце оставляет своей ладьи поводья,
Забираешь их ты.

dis-moll

Боги строили солнечный храм,
Бросали Время к твоим ногам,
Сжигали на жертвеннике фимиамы -
Канул в Лету тот праведный дым.

Я сегодня зла и горько молчу,
Боги ташат всех смертных на землю -
Ты первым стоишь в их ряду,
Поешь песни о земных чудесах.

Es-dur

Твои песни тревожат покой моих губ,
Я люблю прятать звуки в позиции рук.
Выдумал же кто-то им давать имена!

Кое-как скомканый наспех мой голос
Бьется в твой ворот, застревает в твоих рукавах.
Я путаю лево и право
Когда вижу твои песни на чужих губах.

E-dur

Метроном отсчитает мне срок,
Сорок пальцев под семь с половиной нот,
Отчего жалось к себе мучительна и грешна?

Я не знаю горя страшней,
Чем лекарство от всех болезней;
Я тоже умру с песней о том, как жизнь прекрасна и щедра.

e-moll

Твоих глаз слишком много на меня:
Небо бездонное мельчает в сотни раз,
Моих губ не хватит все пальцы твои целовать.

Солнце сядет в лужу на окраине города,
Не зная, как тебя приласкать.

Будь я живописцем - писала б морские баталии;
Мои песни застревают в горле, под пальцами -
В твою честь могу только молчать.

f-moll

Мое имя умрет в твоем горле,
Застрянет костью поперек.
Ты сбежишь, оставив тело мое без названья.

Когда вернешься с обжигающим стенанием,
Я буду любоваться небывалым:
Смотреть в прекрасный белый потолок.

F-dur

Мир родился из тишины.
Боги бесплотны - они молчат.
Боги бесстрастны - они молчат.
Боги бесстрашны - они молчат.
Боги бессмертны - они молчат.

Боги одиноки - люди поют.
Боги одиноки - люди кричат.
Люди одиноки - боги молчат.

В начале был человеческий крик.
 Колыбельная, свадебный марш похоронный.
 Где-то кого-то когда-нибудь ждут.
 Боги одиноки. Люди - поют.

fis-moll

Песни об умерших детях
 В душной комнате стоят гроши.
 Бог себе своей рукой
 Отрезал уши.

Кто-то
 Не с этого времени года
 Поднимет меня, исступленно целуя,
 Для губ ища простоты.
 Есть сорок причин для горя, -
 Песен - только три.

Ges-dur

Сумасшедшее бегство календаря,
 Я прибита на гвоздь, я - сырья земля.
 Мир не знает человеческой тоски.

Жизнь короче на еще один стих,
 Я не знаю, как можно любить всех других,
 Когда врет язык, что не знает злобы и страха.

g-moll

В нервной трубке остинатный тысячный гул.
 Тело выжато в стены, брошено в стул.
 Улицу топчет пьяный ночной караул.

Голова настроена на грязь и на вздор.
 Спасительный бело-черный забор.
 Гармонический - дважды - минор.

Солнцу нет дела до тех, кто пьян или болен.
 Солнцу нет дела до чистоты целых нот.
 Солнце не знает войны или мира -
 Солнце просто встает.

G-dur

Солнце тащит по небу огненный хвост,
 Боги довольны, что мир познаем и прост,
 Твоих глаз не проплыл бы Одиссей.

Твоя кожа расписана морем, тебя нельзя трогать.
 Я в соленой кипящей воде по локоть
 Готовлю песни для голодных людей.

As-dur

Ветер трется об острые стекла,
 Бьются в тучи колокола,
 Языки чугунные в полночь
 Зовут, обезумев, тебя;
 Стонут камни со дна Иордана,
 Их мучительный вопль в грозу
 Срывает с меня одеяло -
 Ты обрублён оконною рамой,
 Дымишь в темноту.
 Постель квадратная, стекло прозрачное, стены белые. -
 Не стой на ветру.

gis-moll

Нескончаемо тянется райский день.
 Бог оставил трон махровый,
 Целует майскую сирень.

Людмила АЛЕКСАНДРОВА ► ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА, ЧТО Я ВЛЮБЛЕНА В ИДИОТА
 (подборка стихов)

ПРОГАРЫ

Скоро мне петь.
 Фальшивя на каждой строке,
 Не нашупав спасенья и ритма.
 Скоро смотреть
 Глазами побитой собаки
 И тихо скулить.
 С золотом медь
 Путать и путаться
 В прожитом или пробитом
 Словом навылет непрожитом.
 Смея гореть
 Только подспудно и скрытно,
 Не выдав ни жестом
 Взятых обетов, ответов,
 Отныне и впредь.
 Как торфяные пожары
 Под палые листья
 Прятаться,
 В зиму уйдя
 Под сугробы
 Чадить и болеть.
 С талой водой не утихнуть,
 Оставить прогары
 Под каждой поляной,
 Забывшись,
 Спеша зеленеть.
 Не наступи, не приляг
 На медовые, пряные травы -
 Ухнешь в прогар,
 Не успеешь себя пожалеть.

• • • •

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!
 Милая? Вилами по воде
 Писано. Слизано соли пуд
 С белого, с нежного, лишний труд.
 За текилой граппа, всё по сто.
 Не разводят заполночь — нет мостов.
 Зря ты кнут закладывал, что ж пенять?
 Некого за пряники выкупать.

ЩЕЛКУНЧИК

Вот он, смотри, беспорядочно добрый и тёплый.
 И в горле ком, и осиновый кол между рёбер.
 Хлесткий удар по руке не протянутой. Вопли
 Внутренней стражи: "Стоять!". Кто здесь унтер, кто обер?

Как на параде у Павла, и грустно, и гнусно.
 Фронт и шагистика, спины упрямые прямы.
 И так красивы мундиры, и небо так пусто,
 Будто святые все сброшены в адovы ямы.

С нашей рождественской ёлки орех золочёный
 Будет раскушен щелкунчиком, малым не промах.
 Сабельки детские, крысы и камни в короне,
 Ставшие вдруг леденцами. Сыреющий порох

В подполе старом — не жди, фейерверка не будет.
 Малый уже расколдован, и утро светлеет.
 Что он тебе, самый рыжий? Сморгнёт и забудет
 Сон беспокойный. И станет чуть-чуть холоднее.

• • • •

Бродит по дому босая и глупая осень.
 Жарко целует в плечо, горячо шепчет на ухо: "Брось!"
 А я и не помню, не верю, не требую вовсе.
 Я и гадать-то забыла сбылось-не сбылось.

Пахнет дождём, мокрым мхом. И забрызганы соком
 Алым брусничным как кровью ботинки. И зря
 Чайник кипит. Свет не гаснет. Привычно бьёт током
 Переключатель на плитке. Молчишь с сентября

Прошлого года. Ой ли! Позапрошлого года.
 С долгой дороги в недолгий без отдыха сон.
 В доме моём только осень. Ни лодки, ни брода.
 В стылую воду и вплавь. И ко дну. Не спасён.

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

Степь, ни шороха, ни ветерка, только с корнем
Вырывает. Гнёт к пыльной земле. Выгибает в дугу.
Покорёженный ствол. На него две сухие ладони
Положи и присядь на дорожку. Я даже смогу

Улыбнуться и взглядом холодным до двери
Проводить и не крикнуть, не вздрогнуть, не дёрнуть плечом.
Если б вера могла мне помочь, я, клянусь, перестала бы верить.
Мне не нужно опоры, не нужно поблажек ни в чём.

КАРЕНИНА

Быстрей, всё быстрей на перрон и до поезда!
Не успеваю схватить себя за руку.
И не споткнулась, а он уже тронулся.
Значит, не зря. Значит, так оно задано.

У мирозданья попробуй не выучи!
Если сорвёшь, повторишь, не отвертишься.
В ночь, до крови, в губы, в шею, да в чьи ещё!
Поровну мошкой летишь, лампой светишься.

Если вину так приспичило чувствовать —
Чувствуй свою и ничью больше. Радуйся,
Что дела нет никому, а не грустно ли,
И обойдётся ворованной фразой, и

Неподходящей цитатой отвертишься.
И будто в море — в толпы вокзальные.
Не прикрывайся орлами и решками —
Хватит, давай, выполняй то, что задано.

Как их здесь много всех! Ропотом, рокотом,
Здесь говорящие головы гроздьями!
Междуропоток моих полуспотом:
«Очередная Каренина. Брось её!»

• • • • •

Мне не стать победителем в этой игре —
Не из тех, у кого не дрогнет рука.
Я хотела бы просто лежать на траве,
И смотреть, и смотреть, и смотреть в облака.

Я не знаю ни правил, ни верных ходов,
Ни зачем мне на кон поставленный приз.
Если гвоздь навылет пробивший ладонь
Искупаает грехи, то смирись и молись.

Но по мне, милосердней Лонгина копьё,
Чем себя истязавший «терпел, нам велел».
И с грехом пополам мне на имя твоё
Выпадает только бубновый валет.

Я хотела бы просто, но выйдет сложней,
Чем распутывать можно узлов не рубя.
Я сквозь сито наполненных радостью дней
По крупинке отсею себя от тебя.

И когда моя гордость мне смертной бедой
Станет, камнем могильным придавит к земле,
Я и в мыслях последних не буду с тобой.
Разве есть победители в этой игре?

• • • •

В безжалостном утреннем свете
Виднее твои морщинки
И складки у губ. Любимый!
Вчера ещё был так юн!
Разят золотые колья,
Кружат в ка-матэ пылинки.
Но рано еще — до победы
Им тысячи новых лун.

Я помню, мы были вечно.
Но, кажется, мы взрослели,
Теряя по капли нежность,
Чужих не считая ран.
Ты ставил в вину беспечность,
Что пили всегда и пели.
А мне не нашлось бы дела
Вне наших с тобой нирван.

И вот, нам с тобой под тридцать.
Мы оба с тобой неправы.
Ты скучен и пуст, я слишком
Крыловская стрекоза.
Любимый, зима не близко.
Однажды пожухнут травы.
Но холод теперь откуда?
Что скажешь кому за глаза?

Что чаще всего ты помнишь?
Я помню все сонным утром
Прощальные поцелуи
Правее чуть-чуть виска.
И виски на вечер, к слову,
Паршивый, дешёвый виски.
Я помню альпийских маков
Прозрачность в снегу у скал.

Я греюсь об эту память
Пока стрекозиный домик
Свой строю, теряя крылья.
Всё крепче стою на ногах.
Я первая сверх-имаго:
Я дальше зашла финала.
Пылинки танцуют. Пылью
Всё станет — мы пыль и прах.

• • • • •

Ведь есть на свете и другие города.
 Машины, самолёты, поезда...
 Пол дня, а то и меньше — и айда
 Гулять по улицам, где даже ни следа,
 Ни тени тех, кто больше никогда
 Не будет тебе близок, дорог. Да?
 И солнце в лужах, талая вода
 Как сердце отогретое. Вреда
 Не будет от улыбок. Не беда,
 Что путь обратно легче, чем туда,
 С кольцом всевластия на пальце. Ерунда.
 Глаза закрыв. На вдохе. Любишь?
 Нет.

• • • • •

Не целовать тебе губ — так кури сигары!
 Не обнимать тебе плеч — так танцуй пачангу!
 Пей "Cuba libre" и в звоне чужой гитары
 Песен его не ищи. Не пришёл — не жалко.

Он каждый день надевал на тебя санбениго.
 Будь благодарна — и жёлтый идёт, и красный
 К рыжим кудрям и к крови на гранитных плитах.
 О, по-испански жар смертный — и то так страстно

Шепчет. Ласкает. Срывает из шерсти платье.
 Через века и воды, и беды, бездны,
 Через глаза и руки — его объятья
 Помни. Кури, танцуй, пей и будь любезна,

Не замирай у края. Земной, небесной
 Кары не кличь на тех, кто тебя калечил.
 Слушай внутри океаны. А сердцу тесно
 Станет — смотри на звёзды над ветром встречным.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я липну к тебе будто снег к лобовому стеклу.
 Ты дворники включиши — ты скажешь, что любишь другую.
 Но я не поверю, я даже тебя поцелую.
 И спрячу своё наболевшее в дальнем углу,
 В котором, придётся признаться, не часто бываю.
 Ты будешь бояться, что я о тебе вспоминаю.
 А я... Я меняя пластинку сломала иглу,

И мой патефончик старинный уже не играет.
 На завтра + 8 в прогнозе. Снег первый растает.
 Он тает всегда. Не со зла. Он не может быть к злу
 Причастен. Увы, не сезон. Но куда тебе деться от грязи?
 И в этой связИ, а вернее, внутри новой свЯзи,
 Ты будешь жалеть о снежинках, прилипших к стеклу.

• • • •

Мама, не бойся, что я влюблена в идиота.
Я тоже не сахар, к тому же, люблю не взаимно.
Мы видимся изредка, чаще всего по субботам.
Обидно, досадно, но ладно. Зато не противно,

Как было бы вдруг просыпаться в ненужной постели
С ненужным, неискренним, нервным, ни капли не близким.
Не верить себе и приметы болезни на теле
Искать, заливая пожары небавленым виски.

Я сяду на скорый в Иркутск и уеду на небо –
Летать над Байкалом и пиками Хамар-Дабана.
Я помню, что это нельзя, и что это нелепо.
Но надо же как-то себя выгрызать из капкана.

Там мальчик живёт, его мама пишет иконы,
А сам он умнее, чем я в его годы, на горе.
Там девушка есть, и она отменяет законы,
Она с тяготением земным даже может поспорить.

Их много ещё там, других, тех, кто чище и проще,
А я привезу с собой вытяжки син и пейота.
Я спрячусь как в панцирь в луга, перевалы и рощи.
Прости меня, мама, что я влюблена в идиота.

ШАР-В-ШАРЕ

История наша – безделица, странный шар-в-шаре.
Когда-то весь ровный и гладкий – всё мимо, всё вскользь.
Мы долго сверлили до самого центра вначале.
Туда, где любовь? Где бы нам не пришлось,

Казаться друг другу чужими, ходить не касаясь
Друг друга ни взглядом, ни тенью, не то что рукой.
И вот - сердцевина готова. Но что нам осталось?
За первым вытачивать следующий вычурный слой.

За трепетом нежность, за нежностью, кажется, верность.
Потом понимание, после круг общих друзей.
Шар в шаре, и в шаре, и в шаре, и в шаге от цели,
Узор всё затейливей, тоньше, проколы острей.

Китайские резчики знают, как всё это сложно:
На ощупь, чуть мимо – и вдребезги хрупкая кость.
Осколки красивы. Но, боже мой, как безнадёжно
Мало и нелепо то главное, чем нам жилось.

ГВОЗДЬ НОМЕРА

Вячеслав КОВАЛЕВИЧ ► 8:00 (пьеса)

1. ЛИФТ

Кабина слабо освещенного грузового лифта заполнена людьми, среди них – Михаил. Лицом к пассажирам стоит Лифтер. Какое-то время люди молчат, слышен только металлический скрежет движения лифта. Позади Михаила перешептываются двое пожилых мужчин.

Голос первого. Вы слышали тех придурков вчера? Зазывали вскрывать заложенные окна.

Голос второго. Да-да, вломился один такой в соседскую квартиру, а там бабы переодеваются! Побили его. Бельем и побили.

Голос первого. Чего они себе думают? Что за этим кирпичом нет другого кирпича?

Голос второго. (посмеиваясь) И думают, и делают. А потом: лифчиками по мордам.

Голос первого. Да-да... Может, с женами в театр?

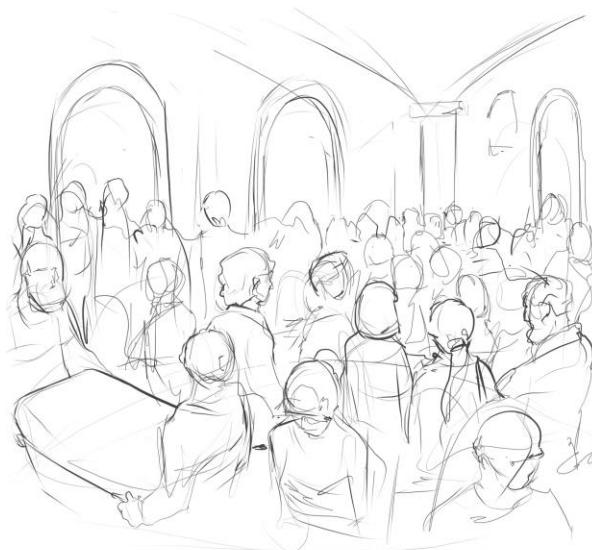
Голос второго. Поговорю со своей.

Звук останавливающегося лифта. Михаил открывает глаза. Лифтер указывает на Михаила, потом еще на троих.

Лифтер. Ваш этаж.

2. БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Открываются двери. Все четверо, на которых указывал лифтер, выходят в большой зал с высокими потолками и отходящими в разные стороны коридорами. Тусклый свет. Большое количество людей, идущих по своим делам. Мужчина тащит волоком мешок, останавливается, садится на него. Два человека проносят большой ящик. Какой-то старик громко и увлеченно говорит, стоя на табурете. Вокруг него скопились люди.

Старик. Вы можете заставить Лифтеров везти вас, туда, куда вам надо!

Первый голос из толпы. Ну что вы его слушаете?!

Второй голос из толпы. (обращаясь к первому) Не нравится, иди...

Третий голос из толпы. А сам-то пробовал, старик? Получилось?

Старик замешкался с ответом.

Старик. (спускаясь с табурета) Я, я... Собираюсь... Слышал, что...

Один из мужчин. (стоящий ближе всего к старику, подошел к нему вплотную). Чего замялся? А?!

Другой мужчина. (стоящий за спиной оратора, говорит примирительным тоном) Вали, старик, вали...

Михаил сталкивается с прохожим, извиняется, идет дальше. Ему слышны обрывки будничных фраз прохожих. Михаил сворачивает в безлюдный коридор.

3. «БАР»

Михаил заходит в помещение, над входом в которое прибита табличка с неровной надписью «Бар». На полу у входа свалена старая кухонная утварь. Стены и пол помещения выложены светлым кафелем. Вдоль стен: полки, заставленные стеклянными банками. В углу два длинных металлических кухонных стола, используемые в качестве барной стойки, неподалеку от которой стоит деревянная тумбочка с телефоном. В помещении двое: хозяин заведения – мужчина в засаленном, некогда белом халате, стоящий за «стойкой» и сидящий напротив ребенок, одетый в потертый школьный костюм.

Хозяин. (ребенку) Господин Кирбик, да не справлюсь я!...

Кирбик. Будешь на первой полосе. Обещаю.

Кирбик оборачивается в сторону Михаила. Михаил кивком головы здоровается с хозяином.

Кирбик. (с иронией) Миша! Помоги подбить его на важный эксперимент.

Михаил. (садясь за стол рядом с Кирбиком) Это без меня. Саша, дай кофе.

Кирбик внимательно смотрит на Михаила.

Кирбик. Она спрашивала о тебе.

На стол садится муха, она движется в сторону кофейной чашки Кирбика, тот, заметив насекомое, смахивает муху рукой.

Михаил. А ты?...

Кирбик. Надо было как всегда?.. Пора бы вам уже самим разобраться...

Хозяин подает кофе.

Михаил. Так..., а нового что?

Михаил окидывает взглядом стол и, не находя искомого, вопросительно смотрит на хозяина – тот, осознав свою оплошность, ставит перед ним банку. На ней надпись «соль».

Кирбик. Переживаю я за нее, а ты – дурак.

Хозяин сворачивает газету и бьет свертком газеты по «стойке».

Михаил поворачивает банку другой стороной к себе, там надпись «сахар», открывает ее, насыпает одну ложку.

Кирбик. Новостей ему... У нас дома ковер новый. Мойра довольна... Для кого-то, видишь – ли, и ковер радость...

Михаил. Поздравляю...

Кирбик. Давай... лучше анекдот, с бородой, правда...

Михаил. Кирбик...

Кирбик. (иронично) Давай я скажу тебе это... ждешь, наверное: (говорит тише) «И всё шло из рук вон, без вас, дорогой вы наш...» (небольшая пауза, после говорит в полный голос) Поверили? Кстати, а кто вы для нас? С чего вы так нам дороги-то?

Михаил. Думал – друг.

Кирбик. Без обид, друг....

Кирбик спрыгивает со стула.

Кирбик. Пора мне... И я ведь нанял одного, тебе на замену. Ты его читал? Вон, (показывает на стопку газет на столе) принес новостей.

Михаил. Прочту... А Инга, она?..

Кирбик. (идет к выходу) Ты..., в общем, заходи к нам. С Ингой. Да... И пластинку верни, Мойра уже спрашивала.

Михаил. (хозяину) Я позвоню?

Хозяин кивает, соглашаясь. Михаил встает из-за стола, подходит к телефону.

Кирбик. (выходя, хозяину) Помни про уговор!

Хозяин. Да, помню-помню. Попробую.

Михаил набирает номер.

Михаил. Инга?

За спиной Михаила хозяин сначала убирает посуду, потом, тихо ругаясь, бьет мух свернутой газетой. Из телефонной трубки, сквозь шорох и треск, слышен голос Инги.

Инга. Привет.

Михаил. Мне извиниться?

Инга. Сволочь ты.

Михаил. Меня Кирбик звал в гости, зайдешь?

Инга. Соседей в беде не бросают. Буду.

Михаил. Я сейчас на работу, потом к ним. Слушай, я у тебя пластинку не оставлял?

Инга. Мойра зовет, я пойду.

Михаил кладет трубку и идет к выходу. Хозяин бьет свертком газеты по стене.

Хозяин. (поворачиваясь к Михаилу) Одолели мухи... Вот скотство же какое-то... Мухи и мы здесь. И всё.

Михаил. Их тоже, наверное, не спросили.

Михаил кивком прощается с хозяином. Эхо шагов. Хлопки газеты. Звук закрывающейся двери.

3. У ДВЕРИ ЛИФТА.

Михаил подходит к лифту, рядом с которым стоят несколько человек. Один из них, мужчина, без остановки жмет на кнопку вызова и шепотом ругается.

Мужчина. ... и здесь полный бардак, позвонить в Администрацию...

Женщина. ...а кто-то ведь застрял...

Другой мужской голос. Ждать-то долго, придется пешком.

Четвертый голос. А все знают свои этажи? Знаем?!

Далее Михаил слышит только обрывки высказываний со всех сторон.

Пятый голос. ... и, говорят, раньше Лифтов вообще не было...

Шестой голос. ...я подожду...

Пятый голос. ... а в Администрации таки люди, или как – лифтеры, не пойми что...

Четвертый голос. ...лучше быть пассажиром, чем пешеходом...

Седьмой голос. ...на Лестницу пора.

Восьмой голос. Инструкцию, инструкцию-то вспоминаем!

Какой-то старик обращается к Михаилу.

Старик. А все-таки как тут разобраться? Вы разобрались? Можно ждать, да? Или советуете идти?

Михаил смотрит на поток людей, двигающийся в направлении Лестницы.

Михаил. Вы...подождите... Извините, мне... пора. Я тороплюсь.

Уходит в сторону лестничного пролета.

4. ЛЕСТНИЦА

Большая лестница. В обоих направлениях идут люди. Теснота. Толкотня. Давка. Вокруг Михаила слышны ругань, извинения, причитания. Михаил поднимается вверх. На последней ступени одного из пролетов лестницы сидит подросток, одной рукой он держится за перила. Его лицо выражает безразличие к окружающему. Он что-то тихо говорит. Подростка стараются обходить, задевают. Михаил останавливается рядом с ним, толпа огибает их. Михаил наклоняется к нему, трясет за плечо.

Михаил. Эй, парень, уйди в сторону, задавят.

Подросток игнорирует Михаила, продолжает шептать что-то. Прохожие высказываются в их адрес.

Мужской голос. Вы уберите ребенка с дороги...

Женский, раздраженный голос. ...какого, прости Господи, тут...

Другой мужской голос. ... а ему хорошо...

Еще один женский голос. ... да, идите вы...

Подросток. ...пусть они замолчат...пусть они...

Кто-то толкает Михаила, он берет подростка за руку и тянет за собой, стараясь вырваться из человеческого потока.

Михаил. (подростку) Пойдем, пойдем. А то и меня с тобой...

Какой-то мужчина оказывается на пути.

Мужчина. (Михаилу) Меня обманули, понимаете?! Обманули...

Михаил слегка отталкивает его и идет вперед.

5. ЗАЛ

Небольшой зал. Тишина. На одной из стен висит деревянная оконная рама без стекла, подсвеченная запыленными и тусклыми лампами. Напротив нее, рядами стоят стулья, табуретки, перевернутые ведра, на которых сидят несколько человек. Эти люди молчат, кто-то из них, не отрываясь, смотрит вверх, на оконную раму, взгляды остальных направлены в пол. Михаил останавливается и отпускает руку подростка.

Михаил. Зовут-то тебя как? Да, ты садись.

Михаил ставит один стул ближе к подростку, берет другой и, развернув его спинкой вперед, садится сам. Подросток остается стоять.

Подросток. Яр.

Михаил. А меня – Миша. И я зачем-то опаздываю на работу.

Яр. Так идите.

Михаил. Побудешь здесь или рванешь дальше?

Михаил смотрит оценивающим взглядом на сидящих рядом с ними людей.

Михаил. Они, вроде, безбидные ... и, главное, не лезут с вопросами. Переждать можешь с ними...

Яр молчит, игнорируя Михаила.

Михаил. Ты ведь недавно здесь, верно? Всем непросто. Надо потерпеть. Привыкнуть.

Яр. Мне говорят: «иди в спецприемник». Не хочу. И сидеть тут тоже ... Нет.

Михаил. Мне пора... Я ненадолго. Дождешься?

Яр. Зачем?

Михаил. Для начала найдем тебе дом.

Яр. Дом? Здесь?!

Михаил. Ну и болтайся дальше. Только надоест скоро, обещаю.

Яр. (оглядываясь назад) Не знаю... Лучше я пойду, я...

Михаил встает, хлопает Яра по плечу и направляется в сторону лестницы, говорит громко, не оборачиваясь.

Михаил. Смотри сам. Я... скоро вернусь.

Яр смотрит вслед Михаилу и садится на стул, с которого тот встал, ровно так же, как до этого сидел на нем Михаил.

6. ОФИС.

Офисное помещение. Облупившиеся стены. Потеки на потолке. Одна из ламп дневного света периодически мигает. Во всю стену рекламный плакат с надписью: «Порядок в работе. Порядок в Здании. Порядок в себе». Пять письменных столов, два из них завалены стопками папок. Михаил приходит первым. Кладет вещи на свой стол, подвигает стул к стене, встает на него и, с трудом дотягиваясь до стрелок настенных механических часов, выставляет на них время: 8:00. Спрятывает со стула, поправляет рубашку и, подойдя к своему рабочему месту, садится за стол. Открывает папку, берет лист бумаги, читает резюме:

Имя: Марк Савор.

Фото.

Дата смерти: 10 июля 2002 года.

Место смерти: США, Небраска, Бельвию.

Род деятельности: продажа одежды.

Причина смерти: инсульт.

Изучив резюме, Михаил переворачивает его и на чистой стороне листа рисует комичную фигурку человека с выпученными глазами и отвалившейся челюстью, взгляд рисованного человечка направлен на несущийся прямо на него схематично изображенный асфальтовый каток. Михаил кладет листок с рисунком перед собой. В офис заходят его коллеги – Kiyoshi и Ольга, здороваются, садятся на свои рабочие места. Посмотрев на настенные часы, Kiyoshi подводит время на наручных. Михаил наводит порядок на столе. Приглушенные голоса разговаривающих по телефонам коллег.

Kiyoshi. Да. Обязательно. До свидания, господин Леманн.

Kiyoshi кладет трубку и сильно затягивает галстук.

Ольга. Да какая ему разница...

Поднимая одну из папок, Михаил находит черно-белую фотографию, всматривается в нее: на коленях женщины сидит мальчик, за их спиной транспарант с надписью «Да здравствует Первое мая!». В руках у мальчика несколько флагов.

Михаил переворачивает фотоснимок, на обратной стороне карандашом написаны цифры: «1983». Михаил бережно кладет фотографию обратно. Он наносит последние штрихи на рисунок, берет трубку и набирает телефонный номер.

Михаил. Марк Савор? Нам желательно назначить встречу с вами. Да, и надеюсь, вам уже многое объяснили. А наша компания готова помочь...

Михаил продолжает рисовать: каток уже затягивает под себя человечка.

Савор. Да, все отлично, ага... Я тут устроюсь, поверь! И какая экономия на дорогах, все-то здесь рядом, а... А со шмотками, так вообще порядок, я тут...

Михаил. Марк... Я бы...

Савор. ...Ага, я и говорю ему: «мне синюю рубашку, мол, на собеседование мне!» А они же все одинаковые, ну, серое же всё кругом... Они – серые, да... И он мне: «бери любую, считай ее желтой, красной, хоть...».

В трубке слышен истерический смех. Михаил дорисовывает картинку со всё более заметным раздражением.

Михаил. Я думаю, вам надо как можно скорее взяться за дело. Это в ваших же интересах...

Смех м-ра Савора прерывается.

Савор: А.., как тут с женщинами происходит?.. Плохо, да?..

Снова истерический смех.

Михаил. Я бы посоветовал пройтись по Зданию. Осмотреться. И позвонить мне завтра.

Михаил наносит последние штрихи.

Савор. Находился. Насмотрелся. И ты знаешь, что?.. Да, ты обязан мне помочь. Ты понял? Ты обязан...! И какое, к черту, завтра? Когда оно тут наступает...?

Щелчок кнопки авторучки. Савор начинает говорить что-то сквозь смех. Михаил кладет трубку, на секунду придавив ее к аппарату. Он сминает листок с рисунком, бросает его в мусорную корзину. Какое-то время Михаил сидит, ничего не делая, избегая взгляда коллег.

К его столу подходит Ольга, в ее руках несколько папок.

Михаил. Мне надо уйти, дело срочное ...

Ольга. Миша, я понимаю, но...

Михаил. Оля, вы помните, каково вам было в Здании, в первое время?

Ольга. Миша...

Михаил. Я вот сам почти ничего не помню. От стыда, наверное. Kiyoshi, а ты?.. Ладно, забудьте...

Ольга. У нас есть нерешенные вопросы: отчет Администратору и...

Михаил. Ольга, меня – ждут.

Михаил оборачивается в сторону Kiyoshi.

Михаил. Kiyoshi, если будет звонить эта истеричка – Савор... Успокой его. Я ему потом позвоню... И осласть уже галстук, наконец!

Михаил уходит. Kiyoshi ослабляет узел галстука. Ольга намеренно громко кладет папки на стол Михаила.

7. ЛЕСТНИЦА.

Опустевшая Лестница. Мусор на ступенях, оставшийся от недавнего людского потока. Михаил и Яр спускаются вниз. От кадра к кадру они оказываются на очередном лестничном пролете. Фоном слышен их разговор.

Михаил. ...друг? Кирбик... Наверное...

Яр. Имя странное.

Михаил. Имя он новое придумал, когда сюда попал. Младше тебя был... Так и ходит в школьной форме, хотя, по сути – старик.

Пауза. Издалека доносятся ритмичные удары.

Яр. Мне мама эту рубашку на прошлой неделе купила... То есть, ну... А, я там... Пока вас ждал, вспоминал как мама привезла мне две морские раковины, мне тогда лет шесть было или... Шесть, точно... И все мне говорили будто это море там шумит, внутри... Потом, конечно, узнал, что это не море, а кровь. И сейчас, если найти ракушку и приложить к уху... Будет очень тихо. Я понимаю. Только, тишина – это ладно. Может, привыкну. Вот маминого подарка нет. Не найду его здесь.

Михаил. Где хранил его, вспомнишь?

Яр. Не уверен... Н-нет...

Михаил. *Я сам всё важное еще там растерял... Ты учи, о прошлом здесь болтать не любят. С мной – вспоминай сколько хочешь.*

Яр. Что с будущим?..

Михаил. О нем лучше к Кирбику.

Яр на секунду останавливается и смотрит вверх, в пролет между лестницами.

Яр. Вот бы подняться на Крышу. Увидеть, что вокруг Здания. Спрашивал... Не говорят. Один наорал.

Яр опускает взгляд, продолжая идти.

Михаил: Не знают они ничего. Да и откуда им....

Яр. Людей много, кто-то поднялся...

Михаил. Лифт всегда повезет на нужный тебе этаж. На Крышу – никогда... Хочешь туда – иди по Лестнице. Один, говорят, поднялся на тысячу этажей и повернулся назад.

Яр. Значит, он сдался.

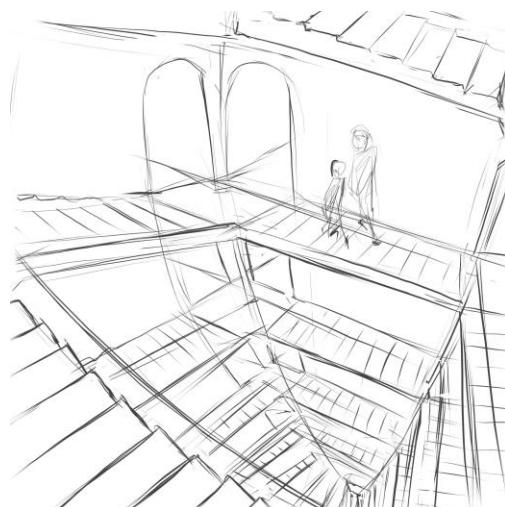
Михаил. Зашел в ближайший Лифт.

Яр. И его привезли домой.

Михаил. Вероятно.

Яр. Зачем?!

Михаил. (смотря в сторону длинного коридора) Мы почти пришли.

8. КОРИДОР

Михаил и Яр идут по длинному коридору с множеством одинаковых дверей. У одной из них Михаил останавливает Яра.

Михаил. Подожди меня, я договорюсь насчет комнаты.

Михаил стучится, заходит в кабинет, закрывая за собой дверь. Яр, чуть погодя, разворачивается и уходит дальше по коридору, скрываясь за очередным поворотом. Вскоре выходит Михаил.

Михаил. Благодарю, конечно же, учтем. Оля вам позвонит... (закрывает дверь) Яр, а нам везет!

Михаил ищет взглядом Яра. Коридор пуст.

Михаил. Яр! Ты где?! (пауза, после говорит шепотом) Д-у-у-р-а-а-а-к... (громко) Слушай меня. Комнату дали! Как надумаешь, приходи.

Михаил идет по коридору в сторону Лифта, слегка задевая пальцами облупившуюся стену. Кадр с идущим по коридору Михаилом сменяется кадром идущего по коридору Яра. Каждый из них говорит с самим собой.

Михаил. ...ты наивно считаешь, что человек, не дошедший до Крыши...

Яр. ...сдался...

Михаил. ...вернулся...

Яр. ...я бы вернулся отсюда...

Михаил подходит к дверям Лифта, жмет на кнопку вызова. В конце коридора появляется маленький силуэт Яра.

9. КОМНАТА ИНГИ

Инга открывает Михаилу входную дверь и ведет его через коридор коммуналки. Яркое освещение. Высокие потолки. По стенам коридора – длинные захламленные полки, висит одежда. На полу вдоль стен составлены ящики и чемоданы. Михаил и Инга заходят в комнату. Все имеющиеся лампы в комнате включены. Большие оконные проемы, заложенные кирпичом. Потертая мебель. Пустой аквариум с нарисованными на стекле рыбами и водорослями. Инга доходит до кресла, поднимает длинную вязаную кофту, надевает ее и оборачивается к Михаилу.

Инга. Кирбик и Мойра давно ждут. Ты иди. А я дома побуду. Мойра поймет...

Михаил. Я у тебя останусь. Не против?

Инга забирается на широкий подоконник заложенного кирпичом окна. Чуть слышны ритмичные удары где-то далеко.

Инга. Ты... Даже когда пропадаешь надолго, словно все время тут. Я, кстати, против. В моих планах не было съезжаться. Надо с этим что-то делать.

Михаил. (иронично) Смирись. Я тоже, ведь со многим уже...

Инга. (обрывается) Вот, опять. Разговор вертится вокруг тебя одного... Так почти всегда. Тебе хоть интересно, как я тут и как я... Ну, не важно, где... Интересно? Нет?.. Понятно. Знаешь, Мишка... Я серьезно, я... (шепотом) Да, пошло всё...

Михаил проводит рукой по краю пустого аквариума, стучит по стеклу, словно привлекает рыбок и показывает, будто бы кормит их.

Михаил: Мне идти?...

Недолгая пауза.

Инга. (извинительным тоном) ...А мы тут... на работе... мы с Валей, две дуры... Понимаешь, детки же лежат всегда, в этих пеленках, в корзинах, они же не видят ничего, кроме потолка, они же там насовсем, ты знаешь это, прости, что я... Так вот, мы с ней вынесли двоих из палаты, а они такой крик подняли... успокоились, только когда их вернули. А начальство нам за это по выговору влепило. Уволят же... Обидно.

Михаил садится в кресло, запрокинув голову, смотрит в потолок.

Михаил. У тебя одна лампочка перегорела, новая есть?

Инга. Принести?

Михаил. Не, не выйдет, стремянка у Кирбика. Потом.

Инга. (рассматривая кирпичную кладку) Я не говорила тебе... На дежурстве, недавно... сидела одна на посту... И вот подумалось... Что может, время когда-нибудь придет. И они взросльеть начнут. И полюбят. И рожать будут. А мы...

Михаил. (с сарказмом) Опять умирать?

Инга. Перестань.

Михаил. Это такая твоя – личная жертва?

Инга. Забудь.

Михаил. Жертва – твоя. Остальные-то при чём?..

Инга. Когда говорят о жертвенности, отчетливо слышу, как блеет овца.

Михаил. И привела овца сама себя... А помочь – некому.

Он поднимается с кресла и подходит к столу.

Инга. Грубо... Да что с тебя... (Вымученно улыбается и говорит, указывая в сторону большого сервированного овального стола.) Посмотри лучше сюда: сервировка как в доме родителей на праздники – на ужин всей большой семьей... Не хочется мне сноровку терять... Вот я и... выменяла у соседки столовое серебро... Уточню: старалась не для тебя.

Михаил поднимает со стола первый столовый прибор и тут же возвращает его на место.

Михаил. М-м-м... Я такое только в кино видел. Не довелось мне...

Поднимает вилку, смотрит на Ингу.

Михаил. (Иронично) Вот эта, огромная, для чего? Для кра-а-абов, видимо...

Инга кивает головой, не соглашаясь. Михаил, опустив голову, молча, изучает взглядом сервировку. Говорит, не смотря на Ингу.

Михаил. Ты представь... лежит вилка, по всем правилам упо-ря-до-чен-ная, между той и этой, и думает: «Как же мне надоели ваши крабы. Хочу вонзиться в салат, как та, что слева от меня. Я ведь право-то имею...»

Инга. (Перебивает.) Всё?

Михаил. Я так, разговор поддержать. (Небрежно бросает вилку на стол.)

Инга. Сволочь ты.

Михаил. День такой. Не задался.

Инга встает, идет к комоду, который стоит у двери.

Инга. (с иронией.) Миша треплется о свободе воли. Мелкий такой божок. Вилочный. (Подходит к комоду.) Божки, вилки. Может, хватит?

Михаил. Может и хватит. Я пойду. Извини.

Инга. Столько раз оба извинялись... И извиняли. И еще... и... Не извиню.

Пауза. Инга стягивает с комода скатерть.

Инга. (шепотом) Видишь, скатерть распустилась совсем, бахрома уже такая, что... (в полный голос.) Я ее принесла сюда, чтобы как в детстве... дома... чтобы уютно.... И с самого начала я каждую нашу встречу отмечала узелком, такой вот был дневник одной дуры... Ты не замечал ведь? Нет? Хорошо.

Она перебирает пальцами бахому, с усилием затягивает один узелок.

Инга. Но, я сбилась, Мишка. Давно сбилась.

10. СПАЛЬНЯ ИНГИ

На кровати, спинами друг к другу, лежат одетые Инга и Михаил. Колени у Инги поджаты к груди. Плед слегка прикрывает их. В спальне полумрак.

Инга. ...и Валя уверена, будто груднички в палате, они говорят между собой, а мы этого не можем слышать. Заходишь к ним, а там, кажется, всегда тишина. Они... если по правде, не малыши совсем, они же так давно здесь.... И кричат, всегда кричат, когда прикасаемся...

Михаил. Немного обидно.

Инга. Что?

Михаил. При жизни мы могли видеть сны.

Чуть слышны ритмичные удары где-то далеко. Михаил медленно поднимается с кровати. Он говорит, смотря в противоположную от Инги сторону.

Михаил. И если повезет, то цветные... Инга, тебе там везло?

11. КОРИДОР КОММУНАЛКИ

Михаил выходит в коридор, захлопнув за собой дверь. В коридоре Мойра – девочка со взглядом престарелой женщины. Она подметает пол.

Мойра. Судя по характерному хлопку двери, вы...

Михаил. Мойра, давайте потом...

Мойра. (Продолжая подметать.) Я наверно старше, вы же пришли после меня, так что дайте я скажу....
Вы... словно маятник.

Михаил. Мне остановиться?

Из открытой комнаты выходит Кирбик и садится на детский стул, стоящий у стены.

Кирбик. Миша – маятник? В чем-то – определенно, да. Идем, маятник, на кухню? Помаячишь там.

Михаил. Надеждами будешь кормить?

Кирбик. Я постараюсь не лишить тебя последней. Вы с ней, как дети...

Михаил. Извини, не могу.

Михаил закрывает за собой входную дверь. В коридоре остаются Мойра и Кирбик.

Мойра. Маятник.

12. АДМИНИСТРАЦИЯ

Двери лифта открываются. Над входом в длинный, слабо освещенный коридор висит большая вывеска с надписью «Администрация».

Лифтер. (Михаилу.) Вам выходить.

Михаил не двигается с места.

Михаил. Мне ведь не звонили.

Лифтер. Позвоните сами. Там таксофон.

Михаил. (вполголоса) Может мне еще и...

Один из пассажиров. Нам ехать надо, не задерживай...

Раздаются другие возмущенные возгласы.

Лифтер. Вам выходить.

Двери лифта закрываются за спиной Михаила. На стене, недалеко от лифта, висит таксофон. Михаил подходит к нему, снимает трубку и сразу слышит женский голос.

Женщина. (раздражено) Вы почему сюда звоните? Вы сюда права не имеете. Вам департамент по суициду.

Михаил. Я к ним и планировал, а тут вы...

Женщина. Ждите.

Слышино, как женщина говорит куда-то в сторону.

Женщина. Сто пятнадцатый? Опять ваши. Распустили совсем.

Сто пятнадцатый. Михаил... Хамите... В дело не внесем, но учтем. Сейчас вам необходимо заслушать предупреждения по ряду нарушений правил пребывания в Здании для подопечных нашего департамента. Напоминаем вам, что у вас еще есть возможность снять с себя условное наказание.

Михаил. (шепотом, в сторону) Условно рад.

Сто пятнадцатый. ...подумайте о том моменте, когда сможете стать полноценным обитателем Здания, перестав быть условно-мертвым. Подумайте хорошо. Вы внимательно слушаете?

Михаил. Да, я весь...

Сто пятнадцатый. Не забудьте после – расписаться в ведомости. Итак... Пункт девятнадцатый. Подраздел семьдесят восьмой: несанкционированное влияние на вновь прибывших. Штраф в виде продления срока условного пребывания.

Михаил опускает трубку и прижимает ее к стене. Хорошо слышен голос Сто пятнадцатого.

Сто пятнадцатый: Пункт девятнадцатый. Подраздел восемьдесят пятый: нарушение дисциплины в рабочем коллективе. Штраф в виде...

Михаил вешает трубку телефона. На какие-то секунды он оказывается в тишине. Позже где-то неподалеку открывается дверь, слышен стук печатной машинки и приглушенный разговор, в котором сложно разобрать слова. Раздается звонок таксофона. Михаил поспешно берет трубку и слышит чей-то диалог.

Голос первого. ...что за ребячество?

Голос второго. Без вас я своих ошибок не признаю?

Голос первого. Без нас вы ошибетесь в определении главных.

Разговор обрывается. Какое-то время Михаил ждет, потом дважды нажимает на рычаг телефона. Слышен разговор двух женщин.

Первая. Зову всех подруг, не опаздывай.

Вторая. Поняла, поня...

Михаил жмет на рычаг телефона. Осматривается. Его взгляд скользит по кабель - каналу, идущему от таксофона вверх: на высоте в два человеческих роста из него торчат разорванные провода. В трубке раздается щелчок и вновь слышен голос Сто пятнадцатого.

Сто пятнадцатый.... продления срока условного пребывания. Пункт двадцать. Подраздел четырнадцать: нарушение рабочего графика. Штраф в виде продления срока условного пребывания. Пункт двадцатый. Подраздел пятнадцать: нарушение условий перемещения...

Михаил вешает трубку. Разворачивается. Перед ним мужчина, держащий в руках помятый листок. Мужчина кивает в сторону открытой двери в начале коридора.

Мужчина. Вас это... звали уже. Вы бы зашли... Ведомость....

Михаил кивком благодарит и идет в кабинет. Как только он перешагивает порог, ему протягивают небольшую стопку бумаг. Он бегло читает текст, в нем мелькают имена Инги, Яра, мистера Савора, Ольги и номера нарушенных статей. Ему подсовывают ведомость, он расписывается и выходит. Его уже ждет открытый лифт, в нем только Лифтер.

13. ОФИС

Михаил заходит в офис. Kiyoshi и Ольга сидят на своих рабочих местах.

Ольга. Миша, зам. администратора звонил, он вас не дождался.

Михаил. Всё – потом.

Kiyoshi. (Говорит по телефону.) ...м-р Савор, мы все сделаем, обязательно!

Михаил подходит к столу Kiyoshi, садится на клиентский стул, напротив него. Разговор Kiyoshi и м-ра Савора не прерывается.

Kiyoshi. ...я передам, я...

Михаил протягивает руку, ладонью вверх, жестом прося телефонную трубку у Kiyoshi. Том растерянно смотрит на Михаила и отдает трубку.

Михаил. Алло?

Михаил поднимается, не переставая смотреть на Kiyoshi.

Михаил. Эй, как там тебя?

Михаил говорит в трубку, но фактически обращается к Kiyoshi.

Михаил. Алло!

Kiyoshi приподнимается со стула.

Михаил. В трубке – тишина, Kiyoshi, ти-ши-на...

Михаил несколько раз жмет на рычаг телефона.

Михаил. И ведь никаких гудков...(раздраженно) Скажи, на кой черт тебе телефон?

Михаил резко кладет трубку на телефонный аппарат. Ольга приподнимается, словно порываясь остановить Михаила.

Ольга. Миша, что вы...

Михаил отворачивается от Kiyoshi, опирается руками о край стола и говорит тише, спокойнее, смотря в стену.

Михаил. Что это я? Зачем вам вообще нужны телефоны? За что цепляешься?! Администраторы, замы, Kiyoshi со своим галстуком...

Kiyoshi. (Раздраженно. Перебивает.) Неудобно вышло, можно я перезвоню? Вы же сами и просили!..

Kiyoshi поднимает телефонную трубку, начинает набирать номер.

Ольга. Так же нельзя, Миша...

Михаил. Неудобно. Мне вот чертовски неудобно. Точно. Выходим-ка все вон, друзья... Давайте, скорее...

Михаил задевает стопку бумаг со стола Kiyoshi, листы бумаги разлетаются.

Михаил. И-и-звините за беспорядок...

Ольга резко встает из-за стола, направляется к Kiyoshi, с ее стола падает статуэтка. На звук разбивающейся керамики оборачиваются все трое.

Kiyoshi. Я сейчас все уберу Ольга, простите, я...

Kiyoshi выходит из-за стола и наклоняется к осколкам статуэтки, Ольга собирает разлетевшиеся листы бумаги.

Ольга. Михаил, остановитесь, не смешно, а завтра... Kiyoshi, да бросьте вы это!

Михаил поднимает один листок, возвращая его на стол Kiyoshi.

Михаил. Завтра?.. Вам, правда, всегда надо сюда приходить?.. Надо конечно... Только, давайте, сейчас... Выходим... Пожалуйста...

Kiyoshi складывает собранные осколки статуэтки на стол Ольги, и, поправив галстук, обращается к Михаилу.

Kiyoshi. Что на вас нашло?! Это ведь и ваша работа. И люди ждут. Мы обязаны...

Михаил подходит к своему столу, перекладывает бумаги.

Михаил. Все верно, вы обязаны... Конец рабочего дня...

На глаза Михаилу вновь попадается оставленная прежде фотография. Он бросает на фотографию папки с документами, подходит к настенным часам, встает на стул и перекручивает стрелки на циферблате с 8:00 на 6:00. Спрыгивает со стула. Садится на край своего стола, спиной к коллегам. Слышно, как они собирают вещи. Позже – звук закрывающейся двери. Михаил привстает и садится за стол, задерживая взгляд на кучке собранных осколков на столе Ольги. Берет трубку, начинает набирать номер, одергивает себя, замирает на долю секунды и все-таки подносит трубку к уху.

Михаил. Инга... знаешь...

Пауза. Чуть слышны ритмичные удары где-то далеко.

Михаил. Так глупо...

Инга. И о чём ты теперь сожалеешь?

Михаил. Я на работе и только что...

Инга. Всё испортил? И вилки разбросаны по столу до сих пор... Какой же бардак после тебя...

Михаил. Извини...

Михаил кладет трубку.

14. ЯР

Открывается дверь и входит Яр. Подросток останавливается, обводит взглядом весь офис и направляется к Михаилу.

Михаил. Решил прийти? Ключи от комнаты еще у меня.

Яр берет стул, стоящий неподалеку, ставит его у стола Михаила и садится на него, вцепившись в сиденье руками. Михаил, в свою очередь, откидывается на спинку стула.

Яр. Не нужны мне ключи.

Михаил всматривается в трещины и потеки на потолке, избегая взгляда Яра.

Михаил. И куда направился? На Крышу?

Яр. Я дважды с собой не зову...

Михаил чуть подается вперед.

Михаил. Так я и не напрашиваюсь. Хотел помочь устроиться. Подсказать, объяснить. По мелочам.

Яр. Не надо мне. Объяснить.

Михаил: Конечно, к чему тебе мелочи. Тебе ведь нужны поступки. И героев ищешь в друзья, так ведь? Ищи, времени на поиски навалом.

Яр. Я надолго здесь?

Яр замечает выступающий из стопки бумаг край черно-белой фотографии и пытается ее вытянуть. Две папки, лежащие сверху, скатываются на стол. Фотография крупным планом. Михаил сначала порывается удержать папки, но, увидев фотографию, останавливается. Яр, всем своим видом извиняясь, кладет снимок на стопку папок.

Михаил. Мы...не знаем.

Яр смотрит прямо в глаза Михаилу.

Яр. Ты и те, на Лестнице, не знают.

Михаил. Мы – это все попавшиеся сюда.

Яр. Я не с вами.

Михаил. У тебя было слишком мало времени... О чём-то ты даже понятия не имеешь.

Яр не спускает взгляда с Михаила.

Яр. Ты говорил, что провел здесь много времени.

Чуть слышны ритмичные удары где-то далеко. Михаил отводит взгляд в сторону. Яр поднимает фотографию со столки, внимательно рассматривает ее, фотография закрывает Михаила от Яра. Яр чуть опускает фотографию и поднимает взгляд на Михаила. Яр, ребенок на фотографии и Михаил на одной линии. Яр встает, не выпуская фотографии из рук, уходит. Михаил остается на месте, лишь провожает Яра взглядом. Как только закрывается дверь, он замечает на столе Ольги целую статуэтку. Циферблат крупным планом. На часах 8:00.

16. 1 КРЫША

Последний лестничный пролет. Некоторое время Михаил стоит у двери, потом открывает ее. Скряжет ржавых петель. Светло. Михаил всматривается в ясное небо. Свет идет отовсюду. Сильный шум ветра. Михаил оставляет дверь открытой, снимает рюкзак и опускает его на пол. Выход находится у края крыши Здания. Михаил подходит к краю – в нескольких шагах от него останавливается, прикрывает уши руками. Становится слышен звук ударов. Михаил убирает руки, вслушивается в ветер. Идет дальше, останавливается у самого края.

15. КУХНЯ КИРБИКА

Кирбик садится за стол, напротив Михаила, подвигает ему кофейную чашку.

Михаил. ...в одном фильме звучала такая фраза «...сегодня я хочу говорить с вами как мертвый с мертвыми, то есть откровенно...»

Кирбик. Хорошо сказано – живым и для живых.

Михаил. Собираюсь идти наверх.

Кирбик. И что в этот раз – до победного?...

Михаил. Если Яр придет, отведи его к Инге.

Кирбик. Она-то в курсе?.. Про Яра, хотя бы.... Похоже, нет... И ты ее вот так оставишь, без шансов на ответный ход? Молодца... Она опять будет бить посуду. Долго.

Михаил. Давай, я потом как-нибудь компенсирую...

Кирбик. А точно будет это – потом?.. Сам-то уверен?

Слушай, ну ведь... Искал бы ты сейчас выход для всех, вниз шел бы. Верно?

Михаил. Спроси об этом Яра, когда увидишь.

Кирбик. Спрошу... Ты, похоже, уже собран (кивает на рюкзак, лежащий у стола), а пластинку Мойре опять не вернул. На ней ее любимые записи. Хм... Занеси, пока не ушел. И прихвати с собой пару тарелок.

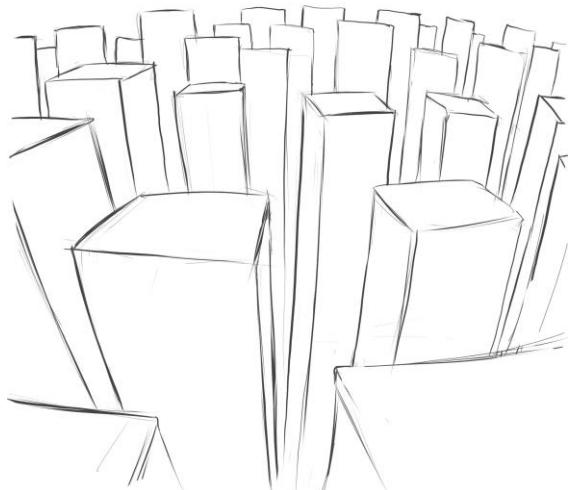
Михаил. Не смогу.

Кирбик. Инга скоро вернется.

Михаил. Не рассчитывай на нее.

Кирбик. А на кого мне рассчитывать?...

Михаил уходит.

16. 2 КРЫША

Михаил смотрит вдаль: до линии горизонта большое количество одинаковых зданий без окон, основания которых теряются далеко внизу. Он садится на самый край крыши, всматривается вниз и, через некоторое время обернувшись, задерживает взгляд на двери. Шум ветра.

Иллюстрации к пьесе – художника Сергея Рынкова (Новосибирск)

ПРОЗА

Павел ЮРИНОВ ► КОРОТКИЕ МЕТРЫ (дневник актерских ощущений)

.....

Вот говорят: «Покажите мне свою обувь, и я вам скажу кто вы?»

Да, чушь это все!

Обувь-это самостоятельно живущее неживое существо, которое само за собой следит и сама по себе служит. Вот говорят: «Кто не ухаживает за обувью, у того она быстро снашивается!»

Фигня!!!! Я вот вообще за ботинками не слежу, но тем не менее они у меня уже три года. Просто я дал им самостоятельный образ жизни.

Обувь – это существо со своим индивидуальным характером, нравом и повадками.

Обычно человек носит обувь-близнецов (братья, сестра-сестра, брат-сестра).

Я смотрю на ботинки стоящего передо мной человека и понимаю, что боты у него поссорились.

А у этих любовь!

У них любовь, человек мучается и не может нормально ходить.

Обувь с задранными носками – это выпендрежники.

.....

МАМА: Сынок, я потеряла 14 тысяч рублей!

СЫН: Врешь, мать! У тебя их украли!

ОТЕЦ: Где отвертка?

СЫН: Какая?

ОТЕЦ: (выходя из комнаты и входя на кухню) Христианская!

СЫН: В шкафу висит!

ОТЕЦ: Спасибо! Я еще вернусь, если что, то я как всегда у Людмилы...

ДОЧЬ: Fazer! А Мишка дома?

ОТЕЦ: Мишку чеченцы украли!

ДОЧЬ: Ах!

СЫН: Трах!

ОТЕЦ: Кердык! Выкуп требуют 14 тысяч рублей!

МАТЬ: Ах!

СЫН: Трах?!

ОТЕЦ: (выходя из кухни) Кердык! Мать давай деньги!

МАМА: Сынок, я потеряла 14 тысяч рублей!

СЫН: Врешь, мать! У тебя их украли!

ОТЕЦ: Где отвертка?

СЫН: Какая?

ОТЕЦ: (выходя из комнаты и входя на кухню) Христианская!

И т.д.

.....

В электропоезд, что в метро, заходят два человека. Один становится в начале вагона, другой в конце.

– Уважаемые пассажиры! Вас приветствует дорожная торговля! Предлагаем вашему вниманию вещь, которая необходима и должна быть в каждом доме. Это домашнее оборудование для боулинга.

Тяжелый шар прокатывает с грохотом через весь вагон и разбивает все кегли.

– STRIKE!!!! Покупаем уважаемые пассажиры недорогое домашнее оборудование. Если кто-то заинтересовался, то вы можете остановить меня и даже испробовать его на месте. Пробный бросок шара абсолютно бесплатный.

.....

О доброте...

КО-ЛЯ: Тятя Люся, вас к телефону!

Т.Л.: Спасибо Коля!

КО-ЛЯ: Не за что, я уже повесил трубку!

Т.Л.: Все равно СПАСИБО!

.....

Как-то странно чувствую себя сегодня...

Целый день пощупывал себя руками,
Осмотрел от головы до ног глазами,
Но не чувствую, что чувствую себя сегодня
Вот такие вот дела брат на неделе!

.....

Двери придумали евреи

.....

Почти _ тельная дама...

.....

Парень со сломанной осью...

**Современный фольклор или просто
переживания одинокого человека**

Битое стекло,
Напишу письмо
И пошлю домой
В Новый Уренгой
Спички на полу
Как всегда наврУ,
Пламенный привет-
Друзей жалко нет.
Сбитая мечта,
Белые снега,
Улицы, мосты
Вся страна «Кресты».
Режу булку я,
От страдания
Вспомнил «Ленинград»-
Мата крупный град.
Фотограф_ и _я
Фотограф_ и _ты
Посмотрел на свет –
Точно! Я и ты!

.....
ГАЛЯ: Ну, ты чё?
ВАЛЯ: Да ничего...
ГАЛЯ: Ну, ты!
ВАЛЯ: Да...
ГАЛЯ: Ну?
 (Валя молчит, так как слов у него больше нет)

Об аппетите...

Однажды у ВМФ (Вениамин Михайлович Фильшинский) пропал аппетит...
 И вот он пришел к ребятам на мастерство, а ребята показали хорошие этюды. ВМФ посмотрел этюды и говорит:

– В целом! Этюды неплохие. Я бы даже сказал: «Аппетитные!!!!»
 Подумал еще немного и добавил:

– А пойду - ка я поем, ребята! А этюды потом обсудим.

И ушел...

Вот так вот благодаря ребятам у ВМФ появился аппетит, и мастер не умер с голоду!

.....

Однажды Таня купила себе наконец-таки сотовый телефон...

Ну и в принципе все... стала современным человеком!

А Надя посмотрела на радостную Таню и спрашивает её:

– Таня! Зачем тебе этот аппарат?
 – Тебе, Надюша звонить!
 – Деньги мои тратить? Не допущу!!!!!!
 (и разбила Танин телефон)

сокращенный вариант случая из жизни Аленки Б.

Девушка в легком, голубеньком платье
 Как тебе хочется женского счастья
 Вот ты летишь вся к нему на свиданье
 На свое первое «горчеванье»

.....
 «Учиться с утра
 Учиться, учиться!»-
 Сказал нам отец,
 И пошли все напиться!

.....
 Люди с общими миражами...

.....
 Милиционер со складным чувством юмора...

.....
 Парни с поварни.

.....
 Парень с гибкой и эластичной нервной системой...

.....
 Мужчина с густыми, черными
 Тр_усами.

.....
 Мамы съели бананы
 Папы пропили зарплаты
 Сестры с утра слишком пестры
 Братья съели оладья
 Деды встают почти в три
 Бабки с заваркой из травки
 Коты удрали в кусты
 Собаки забыли «посраки»
 Соседи зимой, как медведи
 Сторожа ищут ежа
 Соседка в два метра рулетка

.....
 Бабушки – парадницы

.....
 Девушка с заикающимися мыслями...

.....
 Если вас раздражают морщины,
 Значит, вы уже не мужчины

.....
 Урод, купивший блокнот,
 Для нот!

.....
Редкий случай, когда случай остался чистой
случайностью.

.....
Тоска по родному
Рому...

.....
Великий русский император:
Петр Алексеевич Первый
и жена его:
Екатерина Первая

Отсюда, вывод: фамилия у императора была –
Первый

.....
Человек с тонкой идеей...

.....
Ноги у нее были как большой разводной ключ...

.....
Напротив сидела девушка,
Не читавшая ничего!

.....
Все вышли
И стало почему-то
Еще теснее...

.....
Девушка с глубочайшим пониманием смотрела в
пол...

.....
Основной лозунг евреев: «Лучше хуже, чем
меньше!»

Невероятное и парадоксальное

Цыгане уехали сами...

.....
ОНА: Я тебя никогда не любила.
ОН: Ты знаешь, ты мне не первая, кто об этом
говорит.

ОНА: А! Значит, это была ложь, что я у тебя была
единственной.

ОН: До этих пор ты была той единственной, кото-
рая мне не говорила о том, что она меня не любит.

ОНА: Ну, ты и гад!

ОН: Еще какой!

ОНА: И тебя приятно слышать от меня такое...

ОН: Нет, просто я твои слова воспринимаю сей-
час, как от чужого человека. Мне все равно, что
думает обо мне Вася Пупкин из деревни За-
плюсье.

ОНА: То есть тебе на меня наплевать?

ОН: Нет, я с уважением отношусь к Васе.

ОНА: Меня зовут Ира, если ты не забыл.

ОН: Какая разница!

ОНА: Это меня оскорбляет!

ОН: (молчит)

ОНА: Эгоист! Только о себе думаешь!

ОН: (продолжает молчать)

ОНА: Я тебя очень сильно люблю!

ОН: (исчезает)

.....
Пежко въехали в жо...

.....
ДПСники – добрые вестники

.....
Тарас Volva

.....
Люблю ли я в жизни кого-нибудь сильно?

Люблю ли я в жизни кого-нибудь?

Люблю ли я в жизни кого?

Люблю ли я в жизни?

Люблю ли?

Люблю?

.....
Светлая любовь – это когда она блондинка.

Несчастная любовь – это когда ты любишь
блондинку, а вынужден жить с обычной брюнет-
кой.

Безответная любовь – это когда ты наконец-таки
влюбился в брюнетку, но не можешь ответить
себе на вопрос: «Любишь ли ты еще ту блондин-
ку?»

Сумасшедшая любовь – когда любишь блон-
динку и брюнетку одновременно!

Печальная любовь – когда тебе жалко оставших-
ся шатенок и рыжих...

Неземная любовь – когда просто влюбился ты
вдруг в стюардессу.

Любовь на расстоянии – когда ты о ней вспоми-
наешь, а она тебя ждет...

Любовь по-русски – это когда еще чуть-чуть ты
её уже любишь.

Однокая любовь – это когда ты любишь лишь
себя одного...

(когда ты вынужден любить только ее)

.....
Продавщица Марина
Королева светлого пива
И сдобных рогаликов.

.....
Выходит девушка в тренинговой форме, начина-
ет звучать hip-hop ритм.

Здравствуйте, здравствуйте! Меня зовут Таня.
Я скоро, наверное, стану известной актрисой, но
это будет позже, а пока мне приходиться играть в
спектакле моего сокурсника, который возомнил

себя великим драматургом, написал какую-то пьесочку, решил ее поставить и потому собственно позвал меня. НОУ!!!!

Выходит парень в тренинге. Девушка продолжает энергично двигаться.

— Здравствуйте, здравствуйте! А меня зовут Андрей. Я скоро буду сниматься у Спилберга, ну или на крайний случай у Михалкова, так как стану популярным, модным актером, но это будет позже, а пока мне приходиться играть в спектакле моего сокурсника, который возомнил себя великим режиссером и драматургом, написав какую-то пьесочку и решив ее поставить. НОУ!

Звучит голос (быть может с ужасным говором и заиканием):

— Уважаемый зритель! С вами говорит голос Николая, которого вы не видите, но это только пока, скоро я стану лучшим голосом страны, но это будет позже. А пока мне приходиться сидеть на музыке в спектакле моего сокурсника, который уж не знаю, что из себя возомнил, и говорить вам перед спектаклем, что вы можете и не отключать свои сотовые телефоны и пейджеры. НОУ!

Выходит парень в тренинге.

— Здравствуйте! Меня зовут Саша. Я и есть тот Саша, который возомнил себя великим режиссером и драматургом, который написал какую-то пьесочку, поставил ее и теперь собирается показать ее вам.

Спасибо всем вам за то, что вы решили уделить на свое внимание...

(Все выстраиваются в шеренгу). НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН ЗА ЭТО!

(Кланяются)

ЗТМ. Музыка стихает.

.....

Кстати, кровь — это очень стойкая краска.
Ее очень часто расписывают вечером
Асфальт и стены...

.....

Пошлые люди, интеллигентного вида
Смотрят картины, защищаясь от СПИДа.

.....

Писаю и думаю: «Это же какая утечка мозгов за всю жизнь происходит?!»

.....

Люболь — Ненавизг
Любровь — Ненавеск
Люкровь — Ненаводь
Любовь — Ненависть

.....

Слыши, молчу
Вижу, хочу
Нухаю, пухаю
Трогаю, пробую
Лежу, лижу
Бью — люблю

.....

Массивная массовка массовиков Москвы

.....
Великий,
Могучий,
Русский -
Я!

Зык...
.....
Легко говорить о том, о чем легко говорить

.....
Девчонки шли в паре,
С паром,
И даром...

.....
Ветер сломал мощную ветку,
Лист вслед упал
И сломал себе шею...

.....
Детский каток
Закатали катком.

.....
На дороге лежала
Задумавшись, лужа...
Дождик прошел
И задумались лужи...
(Лежа, лежа
На асфальте от стужи)

.....
Лучше ничего не делать,
Чем делать ничего.

.....
Выпили чаю -
По великому случаю

.....
Валя у Гали слямзил сандалии
Галя у Вали украла сандаль
Валя у Гали отнял словарь Даля
Галя у Вали умной была.

Диалог с 33-я непостоянными

*Он сидит на стуле лицом к зрителям.
Рядом стоит стул на котором лежит нижнее женское белье.
Он закуривает.
1,2,3 ... и т.д. разные женские голоса.*

1- Как хоть тебя зовут?
ОН: А тебе не все равно...
2- Я у тебя, что первая?

- ОН: Вторая...
- 3- Слушай, вот только сейчас подумала, ты серьезно со мной или так?
- ОН: Я не знаю можно попробовать еще как-нибудь...
- 4- Нет! Я хочу, чтобы мы с тобой стали встречаться как нормальные парень с девушкой!
- ОН: У меня очень тяжелый характер...
- 5- (низкий голос) Мальчик дал заднюю?
- ОН: Мне кажется, что тебе на сегодня уже хватит.
- 6- Ты меня любишь?
- ОН: (молчит)
- 7- Скажи мне, что ты меня любишь.
- ОН: (молчит)
- 8- Я из-за тебя год назад чуть не повесилась.
- ОН: (выдавливая) Я... лю...блю... тебя...
- 9- Ты же все равно уйдешь к другой.
- ОН: Просто не отпускай меня.
- 10- У меня уже задержка больше недели.
- ОН: Кайф! Я стану папой в 17 лет
- 11 - У меня сегодня произошел выкидыш...
- ОН: (выыхая) Ты себя нормально чувствуешь?
- 11- СУКА! Мудак! Я тебя, бля ненавижу!
- ОН: Прости меня...
- 12 - Я никому этого раньше не говорила. В общем: я люблю тебя!
- ОН: А как же он?
- 13- Просто поцелуй меня и все будет нормально...
- ОН: У тебя горячий лоб.
- 14- Я знаю... Побудь со мной еще немного...
- ОН: Я тебе на днях обязательно позвоню.
- 15- Лучше приезжай ко мне на выходные в Москву.
- ОН: Я постараюсь, но не обещаю...
- 16- Ты всегда так говоришь, когда уходишь...
- ОН: Хочешь я тебе подарю большого медведя. Он будет тебе напоминать обо мне.
- 17- А сколько у тебя было женщин?
- ОН: Ты третья...
- 18- Мур – мур – мур....
- ОН: (молчит)
- 19- Ты, по-моему, до сих пор любишь только её.
- ОН: С чего ты взяла это?
- 20- Ты о ней часто говоришь. Мне кажется, что ты ее до сих очень сильно любишь.
- ОН: Слушай, а у тебя можно дома курить?
- 21- Ты тоже любишь после этого покурить в постеле?
- ОН: Не люблю, когда девушки при мне курят. Вообще когда они курят...
- 22-(низкий голос) А кто тебе сказал, что я девушка?
- ОН: Тебе на сегодня точно хватит!
- 22- Спокойной ночи...
- ОН: Спокойной ночи...
- 23- Сделай мне пожалуйста массаж.
- ОН: Сейчас докурю и обязательно его тебе сделаю...
- 24- Расскажи, а трудно учиться у вас там?
- ОН: Я не знаю, я только поступил...
- 25- С этой учебой я тебя стала все реже и реже видеть. Ты скоро вообще меня променяешь на эту учебу...
- ОН: Ты правильно думаешь...
- 26- Ты меня любишь?
- ОН: Если честно. Нет.
- 27- Жаль.
- ОН: Поверь, мне было с тобой очень хорошо. Но...
- 28- Что, но?
- ОН: У меня ужасный характер и к тому же я не могу... забыть...
- 29- Почему ты все время о ней вспоминаешь? Почему она так у тебя засела в голове? Что в ней такого особенного? За что ты ее любишь? ЗА...
- ОН: ВСЕ!!!
- 30- Прости... Я хочу тебя больше видеть! Я это поняла только сейчас.
- ОН: Я тоже...
- 31- Ты уйдешь?...
- ОН: Просто не отпускай меня...
- 32- Спасибо тебе за все...
- ОН: Послушай! Ты знаешь... я не говорил это уже очень давно никому. Точнее я это говорил только один раз в жизни и то вынужденно... Я боялся этого говорить, потому что не доверял своему сердцу... Я его не слышал, да и не слушал... Я даже боялся об этом поджумать... Но сейчас, я чувствую, что я это должен тебе сказать, как Ромео своей Джульетте.
- «Я ЛЮБЛЮ ВАС» «Я ПОЛЮБИЛ ВАС С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА»
- 33- Быть может, мы еще с вами увидимся. Спасибо вам за все, мне, действительно, было хорошо с вами.
- ОН: Прошу вас останьтесь еще не надолго...
- 33- Не могу... Уже утро. Вам пора уходить, а мне собираться.
- ОН: Я вас обязательно отыщу...
- 33- У вас все в будущем будет хорошо... Вы обязательно встретите такую же как та, которую вы так же полюбите...
- ОН: Спасибо... вам за все вы меня вылечили...
- 33- Вы меня тоже... Прощайте...

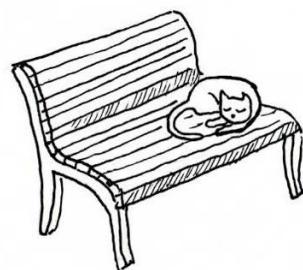
ЗТМ.

МУЗЫКА

(Гавриила Лубнина «Отравили вы сердце мое»)

.....

Безусловно, конечно, в скамейке есть юмор
Если смотреть на скамейку с «укором»

.....
Люстры выпускают на заводе «Полюстрово»

.....
Лежит на диване
Чехов! Дядя Ваня

.....
Дома в шкафу у меня лежат всякие спрятанности.

.....
На потолке мухи спят верх ногами...
Но и для мух мы ведь спим верх ногами...

наблюдения...

В комнате все четыре угла
Смотрят напротив друг другу в глаза

Кресло раздулось, так что не встать...

Стулья устали вещи держать.

Ковер на полу пылью чихал,
Всех своей пылью он заражал.

Обои прилипли к неровной стене,
Так что и плинтусу не по себе.

Двери заметили, что окна закрылись -
Окна, стеснясь, только прикрылись.

А начальник выключатель
Люстры тайный обожатель.

Две канистры с водой
Стоят друг к другу спиной.

Сине – бело – голубой
Висит флаг мой дорогой!

В углу красный телефон
Замолчал в обидках он.

На стене, как вчера
Два висят моих кия.

Стоит магнитофон -
Он обидел телефон.

Лампа голову склонила
На сегодня от светила.

Стол старик мой уже дважды
Посидел и стал бумажным.

.....
Скрипач Михайлов в свои семьдесят уже практически гений.

.....
Комбайнер дядя Федор
Черный хлеб выпекает на поле...

.....
Крыша из жести лучше всех видит солнце

.....
Захаров Валя,
Петергофский эстонец -
Режиссерских дел мастер.

.....
Певица Горелик -
Альпинистка высоких нот.

Парадокс

На руках у него - педикюр
А на ногах - маникюр

.....
Таня, Ира, Света и Наташа поступили в Педагогический институт им. Герцена и автоматически стали маленьенькими училками.

.....
Утром в час пик в метро на лавках вагона сидят сидюлькины,
А на против стоят, не севшие завидинки.

.....
«Родион Романович Раскольников»
Быстро и надежно устраняет головные боли

.....
Девушки, которые чаще молчат,
Обычно очень сильно хотят
Мужчины, которые часто молчат,
Обычно уже ничего не хотят.

.....
Я увидел в метро девушку, и, мне показалось, что наверху идет снег...

.....
Это была женщина, которая носила сотовый телефон
Из жалости к оператору сотовой связи...

.....
Новые услуги Центрального дворца бракосочетания.

Теперь мы расписываем и...
Ручки!
А также разводим...
Краски!

.....
В дорогую машину села безумно красивая, длинноногая блондинка,
Но автомобиль все равно упорно не заводился...

.....
В носу назревал поэтическо-музыкальный насморк.

.....
Мне очень нравятся стройные девушки с большими и упругими грудями!
Единственное но!

Это то, что их мозги чаще всего тоже очень упругие.

.....
Лопанин дядя Леня

Лапал своими здоровенными лапами вкусную лапшу.

.....
Нет ничего приятнее, чем сидеть в метро, смотреть по сторонам на людей и записывать в блокнот с умным видом псевдо каллиграфический бред.

Задача...

Если на станции метро «Проспект Просвещения» поезд не подавали 4 минуты, а до станции метро «Пионерская» ехать 11 минут, то сколько пришлось пропустить электропоездов людям со станции «Пионерская», чтобы попытаться сесть в вагон?

Ответ: Задача не имеет решения, так как в час пик это на фиг никому не нужно!

Открытие №19094543

Если женщина в 30 лет чувствует себя на 17, а в 40 на 18,5, то за 10 лет своей жизни она проживает свое второе совершенолетие.

.....
Я сижу между двумя женщинами. Если бы я знал как их зовут, то я мог бы запросто загадать какое-нибудь желание. Но я этого не смог сделать, так как они вышли, и на их место сели две другие женщины. И опять я не успел загадать желание, так как уже пришлось выйти мне.

Отсюда вывод:
Значит, все четыре девушки носили абсолютно разные имена.

.....
Она проста с ним
Он просто с ней.

.....
Она с ним
Он снимет другую

.....
Она лежит
Он лижет

.....
Она улыбается ему
Он улыбается другой...

.....
Голый мужик прыгнул сверху с балкона,
Муж появился через час только дома.

.....
Она плоха
Ему плохо

.....
- Почему? Зачем?
– Потому что не с кем!!!!!!

.....
Он хочет
Она хохочет

.....
У женщина критика
Каждый день месячные...

.....
Весело курим траву,
А ведь мог быть и чай...

.....
Скоро показ,
А у нас конь пропал!

.....
На полке в шкафу
Книжный час пик.

.....
Панкрат плакал на плакат и домкрат.

.....
Мама с сумкой,
Папа с барсеткой,
Сестра с рюкзаком,
А сын с папой, с мамой и с сестрой.

.....
Если делать все как все,
То вообще не нужно жить...

.....
На лице у него выступила
Скупая, мужская...
Щетина...

.....
У него одна мечта
Написать «Онегин2»

.....
Я давно хотел спросить:
Ну зачем с тобою жить?
И зачем тебя любить?
И зачем тебя кормить?
Убирать, гулять, поить,
Вытирать молить и злить,
Волноваться и ругаться,

И тебе не поддаваться,
Гладить, ладить, все прощать
А в замен лишь вытирать.
Лужу. Тряпку половую
Выбросить и взять другую
Ну, зачем скажи мне нужно
Жить с тобой собака дружно?

.....
Фотографии с модными лицами
Смотрят с обложки, скаля зубицами

.....
Телеведущий – затычка передачи

.....
Часы – торопитель времени...
Время – торопитель жизни...

.....
Вчера выпал первый мощный снег.
Приятно было поскрепеть
Ногами от Моховой до гостинки...
Обычно в этот момент, глядя на чистейший белый снег, кажется, что душа тоже очищается...

.....
Лежа в ванне, он вспоминал, как это делается,
Но через 5-7 минут ему это стало не интересно...

.....
По весне водосточные трубы
Запускают водяные часы.

.....
Старушка влезла в надежде усесться,
Но таких, как она был целый вагон.

.....
Пухлощекий мужичок
В кепке от Лужкова
Сидит прямо как стручок,
А ведь мог быть дома...

.....
Он солдат
Она с подругой,
Он поддат,
Они ждут друга

.....
Вижу стоит красивая женщина
Смотрит устало,
Наверно, с работы...
Вот перекрыл мне обзор странный парень
С другом вошел,
Наверное, дружат...
Взор все равно уловил в отраженье
Двери открылись,
Наверно, так надо...
Вот и закрылись двери вагона,
Вновь в них ищу я её отраженье
Но его нет...
Наверное, вышла,
Лишь мне оставил
ВОСПОМИНАНИЕ...

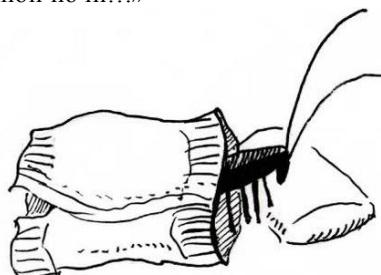
.....

Он рыжий,
А она все смеется.
Рыжему нравится,
Когда ей смеется
Только напрасно
Она все смеется
Может случится
Зажим нижней челюсти...

.....
На полу вагона возле дверей лежала маленькая, белая, жевательная подушечка. А электропоезд доехал свой последний маршрут, и маленький тараканчик готовился ко сну.

А еще рядом с подушечкой на полу лежал маленький фантик из под вкусной конфеты, и теперь тараканчику есть чем укрыться.

Вот и подъехал поезд к конечной станции, все люди вышли, и вагон опустел. Закрылись двери, поезд тронулся в депо, в вагонах выключился свет. И только теперь маленький тараканчик мог вылезти из под лавки, положить свою голову на белую жевательную подушечку, укрыться фантиком из под вкусной конфеты и сказать себе тихо: «Спокойной ночи...»

.....
Утром в час пик я себя чувствую особенно зажатым актером...

.....
Девушка с сумкой
Воровала, краснея...

.....
Народ прижимает,
Так что неловко
За то, что сижу...

.....
Под впечатлением вчерашнего фильма
Выключил звук в окружающем мире...

.....
Мягкая кисточка щекотит щетину
Я ненавижу эту скотину...

.....
С нежностью юноши
Собирал в парке листья
Дворник Михалыч

Симпатичная девчонка
Симпатично улыбнулась

Симпатичному уроду...

.....

Как-то утром все студенты театральной академии были удивлены тем, что на самой середине Моховой откуда-то взялась огромная куча мха. Все заподозрили МХАтовцев, приезжавших на днях с гастролями.

.....

Спичечный коробок

Спички хранил,

Чтобы когда-нибудь дать прикурить.

.....

Рядом с батареей

Лежала и грелась

Маленькая мальчиковая

Батарейка...

.....

Ты едешь одна, и мысли твои одиноки
Сидишь ты небрежно, и мысли небрежны
О чем ты сейчас думаешь?

Кто это знает...

Наверно, о чем-то

Простом и ненужном.

.....

Болит голова,

А с нею и мысли...

.....

Клеш – врешь еж

Месть – есть тесть

Мать – бл...ль! Встать!

Риск – диск в визг.

Карта – нет и старта.

Пшено – распространено

Гвоздь – вбитость,

упертость,
убитость.

.....

Сильные волны бились о скалы

О чём это я?

Должно быть - усталость...

.....

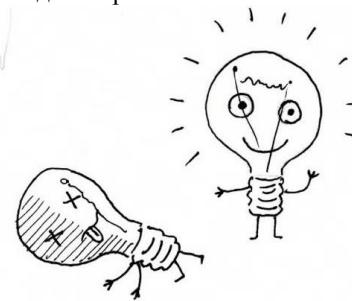
Всю свою недолгую жизнь лампочка была в хорошем настроении. Она всегда светилась от счастья, когда хозяева после долгого рабочего дня приходили домой и включали ее.

А однажды она была ну просто в очень хорошем настроении. Дело в том, что в этот день ей исполнился целый год. Она весь день готовилась к этому событию, очень сильно ждала вечера и почему-то решила, что сегодня она должна быть самой яркой лампочкой в доме. И вот настал тот самый долгожданный момент, когда пришли люди с работы и зажгли лампочку. Она загорелась от счастья ярко-ярко, потому что она очень хотела в этот день, день своего рождения подарить людям еще больше тепла и света (не для того, чтобы они

обратили на нее внимание, а чтобы им стало светлее и радостнее).

Но этот яркий свет был всего лишь мгновенье. Лампочка зажглась ярким – ярким светом и перегорела...

А через минуту на ее месте уже стояла другая молодая и яркая лампочка.

.....

На нем было одето все, что говорило о нем, что он респектабельный мужчина. Он даже стоял респектабельно и взгляд был деловой. Все говорило о том, что это респектабельный человек. Он и сам это прекрасно понимал и ощущал на себе завидующие взгляды.

Но в воду заходить он почему-то не стал. Постоял, постоял, оделся в свои потертые джинсы, грязную черную майку, натянул давно сносившиеся ботинки на босую ногу и поехал на своем стареньком велосипеде к своему респектабельному дому.

.....

Тут концерт не для лентяев,
Нам сказал Олег Митяев

.....

Ему дали в тыкву
Под Hellowin

.....

На улице Пестеля, у ресторана
Стоял огроменный, гладкошерстый бандит,
А рядом стояла офигенная кошечка
С именем Таня и в шубке из норки...

.....

Они стояли напротив друг друга,
Смотрели в глаза и молча ругались

.....

Несмотря ни на что,
Он смотрел ни на что...

.....

Руки рабочего парня Кирилла
Были похожи на большие перила.

Д. Хармсу посвящается

Сяги мудили кота
Топотали прозь звез(т)у
И зазябнули ситро,
Хопонули педи в рот...

Кота медил и сяги
Ту звезд(т)у прозь топотали
Ситро зязянули И:
Рот в сиди хологу ЧУЮ...

.....
Привет! При ветре сказал я тебе
Но ты не услышал этого
Жаль...

О детском восприятии...

Ремень для папы
Папа для мамы
Мама для обеда
Обед для аппетита
Аппетит для питанья
Питанье для силы
Сила для власти
Власть для жизни
Жизнь для размноженья
Размноженье для сына
Сын для ремня
Ремень для папы
Папа для мамы...

Обоснование

1. Дом на земле
Пол под землей...
2. Если двери открываются
Значит они могут быть закрытыми...
3. У человека:
Два легких
Два глаза
Два уха
Две ноздри
Две руки
Две ноги
Две почки Взаимозаменяемо

Одна голова
Одно сердце
Одна душа
Одна жизнь
Одна судьба
Одно рождение
Одна смерть Незаменяемое

.....
Котел вспотел, вскипел и закипел,
А рис рискнул и пригорел.

.....
Все, как известно...

С флиртом приходит
разврат -
А разве врать это
грех?
С любовью приходит
боль -
А с болью приходит
страх...
С мужчиной приходит

лень -
А жену провожает
трутень...
С двенадцати ночи в доме
цветы -
А поливают их потом всю жизнь
дети.
С чувством приходит
ложь -
А может сложить это чувство на
юмор?

С юмором чаще приходит

зависть -
А завестись как известно
нетрудно...

С приходом приходит

дом -
А с домом приходит
«удача»...

А удачи есть

веранда -
И, значит, будем пить
чай,

С чаем обычное приходит
варенье,

А за вареньем приходит

бра...

С братом приходит

письмо -

А значит, все

хорошо...

С прочтения приходит

улыбка -

А потому что у него все
отлично.

С теплом приходит

утро -

А утро вечера всегда
мудренее.

.....

Утро!

Восемь пятнадцать...

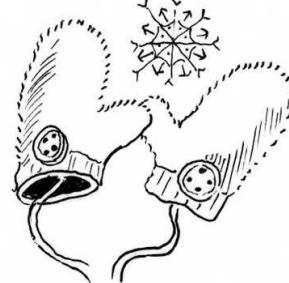
Стрелки в разные стороны.

Как это глупо!

Стрелки на джинсах...

.....

Мягкие варежки греют ладонки
Девушке с ласковым именем Варя.

.....

Поезд в метро-
Горизонтальный лифт...

.....

Он подарил ей три сломанных гвоздики разного цвета. Но ей все равно было безумно приятно...
Она была счастлива...

Любовьъъъъ...

.....

Женщина спит,
А я рядом сижу,
Она и не видит,
Что я что-то пишу

.....

Мужчина стоит
Как красивый плакат,
Все им любуются,
А он рекламирует
Свои достоинства....

.....

Люблю смотреть на голую женщину
В этом есть какая-то обаятельность
И не прикрытая естественность...

.....

Все говорят:
«Он сидит нога на ногу».
Не согласен!!!!!!
Почему бы не так:
«Он сидит нога под ногой...»

.....

Две «симпотные» девчонки,
Что уж лучше не смотреть...

.....

Скоро женюсь,
Себя поженю
И у жены
Буду я на виду...

.....

С внезапной мыслью
Пришел и внезапный смысл...

.....

Женщины доверяют
Мужчинам доверчивым

.....

Кирзовыесапоги –
Обувные негры...

.....

Разница между нами с тобой лишь одна:
У нас с тобой разницы разные...

.....

Ласково, нежно с любовью укладывала
На простыню мама в хлам пьяного папу

.....

Я не люблю элитУ,

Мне нравится протоТА!

.....

Черная птица клевала мне печень
Желтая птица кричала – я вечен.
Красная птица вырывала мне нервы
Белая птица просто разбилась

.....

Секунда настоящего яркого света,
Ты видишь ее, когда долго не помнил,
И вот ты весь светишься очень сильно и ярко...

.....

Вот же жизнь ПРОВОКАТОРША!!!
Сделал подарок девушке, везешь ей его
И ТУТ!!!! Видишь БОГИНЮ!!!!

И все настроение в жопу...

.....

- Пум-пум-пум...
– Кто это?
– Я же сказал.
– Что сказал?
– Пум-пум-пум...
– Ну и что теперь?
– А теперь вы должны мне открыть дверь!
– Кому?
– Мне!
– А откуда я знаю, кто вы?
– Я – пум-пум-пум
– И что?
– А то, что открывай, тебе говорят!
– Ну ладно: трям-пам-пам...
– Не понял!
– Я открыл! Проходите!
– Извините, это какое отделение?
– Кардиология!!!!

.....

Дама сдавала этаж:
Грузинам, цыганам,
Евреям, армянам
И иногда всяkim там партизанам,
Чеченцам, бандитам,
Людям из госнадзора,
Тем, что работают
Против террора,
Пожарным, скорой
МЧС и порой

Даже сдавала этаж им второй.

Снимали этаж:
Кучма и Ноздратенко
Спасибо большое!
Госпоже Матвеенко!

.....

Из горного девушки
Смотрит, не помнит,
А жаль...
Когда-то ведь мы целовались.

.....
Поздно приехал
И рано ушел
(эпиграф к одной из сцен Р. и Дж.)

.....
Счастье – это глоток чистого воздуха, которого в запыленном и грязном большом городе совсем уже и не осталось...

.....
– Алло! Это Алла?
– Нет. Это не та!
– Даже не Даша?
– И не Даша даже...
– А светы там нету?
– Света сейчас на свету?
– А на музыке кто?
– Музя!
– Кто?
– Дед Пехто!
– А с кем я говорю?
– С Асей!
– Что за странное имя САСЯ! Может быть САША!
– Пусть будет Саша. Скажите, кто вам нужен?
– Мне нужна Люба.
– Любви нынче нет!
– А Надя?
– Надежды давно нет совсем!
– И Веры?
– А вера пропала... До свиданья...

.....
Если бы я мог читать по латыни,
Я бы погиб в тот же день от гордыни...

.....
Он поэт,
Она актриса.
Вот и повод разозлиться.

.....
Ей не до меня,
Мне не до себя,
Им не до чего,
Ему же все равно...

.....
Недавно совсем полюбил фигуристку,
Сбросил за ночь я примерно грамм триста!

.....
Все циники
Презирают ценники

.....
Карманы – это замкнутые, одинокие существа...

.....
Я живу в мире самопосебеживущих людей.

.....
Молодость – это неосознанное сочувствие страсти.
Старость – скрытая зависть молодости.

.....
Работаю!
Делаю благо...родное дело!!!

.....
Все больше и больше убеждаюсь, что блондинки мне нравятся чаще...
Все больше и больше убеждаюсь, что с блондинками как-то почще...

.....
Что сделать?
Просто простить,
Или просто проститься...

.....
Люди, к которым хочется ехать -
Это и есть друзья настоящие!

.....
Занятная история произошла с моим очень занятным знакомым историком.

.....
– Леня! Да когда же ты выйдешь из ванны?
Сколько там можно сидеть?
– А я не сижу. Я лежу. И сейчас я буду вскрывать себе вены. Не мешай!!!!
– А я вот назло тебе выключу свет, и у тебя ничего не выйдет!
– Ну и выключай!
– Леня! Серьезно! Давай выходи! Мне еще твои носки нужно постирать, а ты там засел...
– Залег!
– Да, да залег! А завтра что ты наденешь на работу?
– Ничего!
– Значит, не нужно стирать?
– Нет!
– Отлично! Лягу пораньше спать. Только не зайду за собой весь пол вытереть.

Руслан ДОЛЖЕНКО ► КУХОННЫЕ РАЗГОВОРЧИКИ (рассказ)

Порой жизнь становилась противна Игорю. Бу-дучи молодым, он старался по максимуму прожи-вать каждое мгновение, ощущать биение соб-ственного сердца и пульсацию крови в жилах. Ес-ли он влюблялся, то всей душой, а, если что-то делал, скажем, качал мышцы спины на школьном стадионе, то до тех пор, пока его плоть не начинал жечь огонь молочной кислоты. За период молодо-сти ему удалось создать достойный образ себя, образ молодого энергичного человека, способного жить.

Став взрослым, Игорь окунулся в рутину. Рабо-та, коллеги, квартальные отчеты, быт, летний от-дых в Таиланде, оплата кредита, починка стираль-ной машинки, преждевременный артрит. Со вре-менем он уже не мог засыпать в первое же мгно-вение, как голова касалась подушки. Подступала бессонница, которая была особенно неприятна, если он случайно просыпался в середине ночи. Свет окон, стоящего напротив дома, резал глаза даже сквозь веки. Можно было, конечно, встать и задернуть штору, но тело охватывала такая слабость, что он не мог сдвинуться с места. Столько раз он просил Иру не раздвигать шторы на ночь и не ставить домашние тапочки возле его головы. Почти каждый день просил, но она оставляла его просьбы без внимания, как чудачества стареющего мужа. В этих просьбах она не видела логики. По-свящать ее в проблемы своей бессонницы он не решался, а причину неприязни к ее тапочкам даже себе не мог объяснить.

Он лежал без сна в постели, смотрел в потолок и в голову сами собой приходили мысли о прошлом, о том времени, когда он ощущал в себе энергию жизни. Игорь помнил, как отчаянно желал ощу-щать красоту, как остро переживал мгновения новы-х ощущений. Воскресшие воспоминания наты-кались на мысли о современной его жизни и почти приводили в отчаяние. Беспросветная рутина од-нообразного существования заставляла постоянно задавать себе один и тот же вопрос – как я дошел до такой жизни? Порой удавалось убедить себя в том, что он еще сможет начать все заново, и сон спасал его в теплых объятиях.

Однако бессонница была коварной, она копалась в его памяти все глубже и заставляла вспоминать самые темные события детства и молодости, кото-рые он прожил с родителями в поселке. События, способные поставить под сомнение его мнение о себе в прошлом. Незыблемость его самоуважения стала рушиться, Игорь вспоминал:

Игорек уходит домой, стараясь не оборачивать-ся. Он видел, как местный хулиган стал выдерги-вать портфель из рук его друга, но не остановился. Парень знал, чем все закончится – такое происходи-ло в школе почти каждый день: изрядная порция издевательств и оскорблений, пара оплеух в лицо, требование мелочи или сигарет, и испорченное на

весь день настроение. Благо у подростков короткая память, такая экзекуция быстро забывается, иначе невозможно заставить себя идти в школу следую-щим утром.

Какой был смысл возвращаться? Да, он мог бы молча стать рядом с другом и подвергнуться точно такой же пытке. Даже вдвоем они значительно уступали в силе хулигану. Уйти – вот самое умное решение. Уйти, уйти как можно дальше и не огля-дываться, такие мысли рвали его сознание в тот момент. Ребра стали холодным металлом, который когтями страха скжимал сердце, не давая ему бить-ся. Тогда мальчик еще не знал, чем он заплатит за этот побег. Он не знал, что когти страха больше никогда не разожмутся и сердце не сможет биться в полную силу.

Вот что стало тревожить Игоря в егоочных меч-таниях, когда простыня от постоянных поворотов с боку на бок скручивалась в канат, а одеяло про-мокало от пота. В прошлом ему как-то удалось выкинуть этот случай из головы на целых трид-цать четыре года, но теперь страх вернулся и жаж-дал отмщения.

Игорь усомнился в искренности чувств, в воз-можности их чистоты. Если прежняя его уверен-ность в том, что есть некие абсолюты – дружба, любовь, честь – основана на самообмане, то разве он не заслужил предательства?

Все сводилось в единую картину. До этого он просто отказывался верить в то, что Ирина может допустить хотя бы мысль о другом мужчине. Мож-ет, это было простодушием, но весь его мир строился на убежденности в материальной приро-де любви. Если это чувство истинно, оно не может быть разрушено, оно преодолеет все преграды. Теперь сама основа его жизненных установок дала трещину, и Игорь начинал видеть картину в целом.

Забавно, мысль может действовать, как рак: сто-ит допустить в сознание хотя бы одну метастазу и она быстро захватывает все доступное жизненное пространство. С чего все началось? Ведь он нико-гда не сомневался в ее правдивости, никогда не проверял, не подозревал, не просматривал список ее звонков в мобильном телефоне, не следил за ее друзьями в социальных сетях.

В тот день этот проклятый мобильник, который он купил ей на свою годовую премию, лежал со-всем рядом. Они завтракали. Телефон зазвонил (классический звонок, никаких рингтонов она не признавала), и Игорь механически бросил взгляд на дисплей. Высветилось имя входящего абонента – Андрей. Она взяла трубку, ответила: «Да, при-вет, Андрюш... Мы завтракаем... Наверное, он опять забыл зарядить телефон...». Она передала трубку Игорю, который услышал упреки друга за то, что до него невозможно дозвониться. О чем-то поболтал с Андрюхой, о каком-то деле по работе.

С тех пор прошло несколько месяцев, и только теперь Игорь осознал одну странность, она была очевидна, но не видима. Такое случается, когда ищешь по всему дому ключи: десять раз смотришь на одну и ту же полку и только на одиннадцатый раз вдруг замечаешь, чтоключи лежат там, прямо у тебя перед носом. Телефон Игоря работал в то утро, он заряжал его накануне, а раздел «пропущенные» упорно не хотел отображать никаких звонков от Андрюхи. Но мало ли какие неполадки могли быть в сети, может магнитные волны, может вышка барахлит. Однако избирательность входящей чувствительности телефона была не единственной странностью.

Вся оглушающая очевидность несоответствия заключалась в том, что Ирина всех записывала в список контактов по фамилии. Исключениями являлись лишь «мама», «папа» и «Игорь». Еще когда их отношения только начинались, Ирина рассказала ему об этой привычке, которая прицепилась к ней со студенческих времен. Тогда мобильные телефоны только стали входить в оборот, и все счастливые владельцы «трубок» бросились вносить в список контактов всех друзей, знакомых и родственников по именам и прозвищам. Когда стало обнаруживаться, что в контактах встречаются несколько Ань, Свет и Дим, пользователи начали склонять имена на разные лады и даже добавлять к ним цифры или места знакомства.

Ира была не по годам умной девушкой и сразу определила для себя, что нужно сразу записывать всех по фамилии. Конечно, позже появились телефоны позволяющие записывать имя и фамилию абонента, прикреплять фотографию и краткие биографические данные. Но Ира предпочитала не возиться с техническими наворотами, навсегда сохранив привычку писать только фамилии. Исключения допускались лишь для самых близких людей.

В то утро Игорь не обратил на имя «Андрей» никакого внимания, ведь для этого пришлось бы состыковать информационные элементы памяти, отстоящие на годы друг от друга, а голова была занята предстоящим совещанием у шефа.

Желтые буквы имени друга постоянно мерцали в сознании, как на дисплее телефона жены. Особенно не давала покоя первая, самая уродливая буква «А» с гламурными завитушками. Когда это Ира и Андрей стали так близки, чтобы она не стала засорять свой список контактов его именем. А может она давно отказалась от своей привычки, прошло ведь столько лет?

Рак разрастался, вытягивая из небытия все новые воспоминания и факты. Как часто случалось так, что он не мог дозвониться жене, затем по какому-либо поводу звонил Андрюхе и тоже не мог дозвониться. Как часто его сознание фиксировало волнение на лице жены, читающей смску? Как давно она перестала оставлять телефон на комоде в коридоре, приходя с работы? Как давно она стала засиживаться в интернете по вечерам, и ему приходилось идти спать одному, а затем просы-

паться в середине ночи, от режущего света окон дома, стоящего напротив?

Более всего его беспокоил один эпизод их совместной жизни, связанный со смехом. Совсем недавно они пошли на юбилей шефа. Ира долго возилась с макияжем, затем такси где-то запропастилось, и в итоге они приехали на полчаса позже намеченного срока. Обеденный зал квартиры в элитной новостройке заполнили коллеги и друзья Валентина Петровича (за глаза его называли Валечкой), усевшиеся за длинным столом красного дерева. Среди общего натужного веселья всего два места пустовали, и так случилось, что одно было рядом с Андрюхой, а второе по левую руку от шефа. Естественно, место возле Валечки пустовало не случайно, его оставили для Игоря – неожиданный, но очень хороший знак в профессиональном смысле. Валечка был человеком старой закалки, поговаривали даже, что в молодости он успел поработать в исправительный колонии для подростков. Видимо, поэтому он сохранил весьма специфические представления об иерархии, социальных уровнях, порядках пожимания рук, очередности приветствия и размещения за праздничным столом.

После нескольких официальных тостов и потных рюмок водки завязались локальные беседы. Валечка, чуть повернув голову к уху Игоря, повел длинную речь о новом проекте и возможности повышения. Поначалу Игорь внимательно слушал, ощущая искренний энтузиазм и преданность начальнику. Однако затем его взгляд случайно коснулся Ирины, сидящей рядом с Андрюхой почти на другом конце стола по диагонали. Они энергично о чем-то шушукались, а Ирина то и дело прыскала в кулаком пошлыми смешками. С этого момента Игорь слушал шефа в пол уха, постоянно следя периферическим зрением за хихикающей женой. Андрюха никогда не отличался хорошим чувством юмора. Максимум, на что он был способен, так это на анекдоты про вернувшегося из командировки раньше времени мужа и про ребёнка под кроватью, который говорит спрятавшемуся там любовнику «А как дысал! Как дысал!». Тем более, что пошляком он был с детства.

Шло время, Игорь пьянял, язык шефа уже буксовал в губах, измазанных чесночным соусом. Кто-то уже танцевал, кто-то переместился к телевизору. В очередной раз Игорь бросил взгляд в бок и не увидел жену. Не было на своем месте и Андрея. В эту же секунду сердце стало мощными ударами разгонять кровь по жилам. Вязкие слова Валечки потонули в шуме волн, разбивающихся внутри головы. Сказав шефу, что ему нужно в туалет, Игорь направился в коридор, где замер в нерешительности. Что делать? Ну не обыскивать же ему, в самом деле, все комнаты здоровенной квартиры. Позвонить на мобильник? Он, скорее всего, остался в сумочке, которая болталась на спинке стула. Игорь в нерешительности озирался по сторонам.

На его счастье парочка появилась в коридоре со стороны кухни. Андрюха что-то тихо бубнил, а с лица жены не слезала застывшая улыбочка.

– Игорь, ты что, туалет ищешь?

В первое мгновение он не смог с собой совладать.

– А где вы были?

– Курили на балконе.

– Ты ведь не куришь?

На секунду лицо Иры посерезнело и даже перекосилось злобой (или ему только показалось), но затем она захихикала.

– Ну, не придирайся! Пойдем танцевать.

Ира схватила его за рукав и потащила в зал, где играл французский шансон. Он уныло топтался на месте, обняв жену за талию. Опьянение почти прошло, но вместо него явилась головная боль. Остаток вечера он плохо помнил. После они ни словом не обмолвились о празднике у начальника, как будто его и не было. Однако этот вечер подарили ему один чудовищный образ – волосы Ирины, разметанные по голому животу Андрея.

Игорь много раз видел Андрея голым. Друг был гружен и одышлив. С годами живот все больше нависал над ремнем (копченные ребрышки на обед не шли впрок), пальцы толстели и обрастили черными волосками, отчетливо выделялся второй подбородок. Более всего бросалась в глаза обильная курчавая растительность, растекающаяся от промежности на живот, грудь, руки и ноги. Следуя своей привычке отпускать пошлые шуточки, Андрей часто заявлял, что «бабам нравится, когда за волосней не видно члена». Образ стройного тела жены, лежащей на колышущемся животе Андрея и завивающей пальчиком колечки у него на груди, стал преследовать Игоря в его одиноких ночных раздумьях. Одна мысль об этом прошивала все тело иглами, но в то же время, этот образ был немыслимо притягателен. Он возникал в сознании так отчетливо, что Игорь видел поры на коже Ирины и ощущал смешанный запал пота.

Взывая к рациональной части мозга, Игорь старался не думать об этом хотя бы с утра. Убеждал себя, анализировал, перекраивал воспоминания, припоминал детали, опровергающие его подозрения. Образы возвращались. Он очень хотел поговорить об этом с женой, чтобы она развеяла все страхи, но боялся, что увидит в ее глазах ложь. Игорь всегда видел, когда она что-то недоговаривает, сомневается или темнит. Эмоции Ирины очень ясно отражались у нее на лице. В то же время, если его подозрения окажутся надуманными, как же он опозорится перед ней, такой стыд может оставить отпечаток на всей семейной жизни.

В итоге Игорь дождался, когда Ирина решила поехать к маме на два дня (теща болела), и позвал Андрея в гости под предлогом выпить водки. Согласовав пьянку с женой и пообещав, что они не будут смешивать, он тут же позвонил другу на

мобильный телефон: «Анрюхан, здорово! Моя благоверная уезжает на пару деньков. Как ты смотришь на то, чтобы бухнуть хорошенъко, как в молодости? Никаких кабаков и саун, только пельмени и колодезная водочка у меня на кухне, одни мужские разговоры, только хардкор». Андрей проявил энтузиазм, пообещав купить хорошую водку в каком-то ему одном ведомом магазине с оптовыми ценами.

Зачем Игорь его позвал? Никакой конкретной цели он не ставил. Не решаясь быть искренним с собой, он воспринимал этот вечер, как возможность провести время с другом. Однако зачем-то купил две упаковки пива по шесть банок.

Незадолго до прихода Андрея он поставил кастрюлю на плиту, посолил воду, добавил смесь специй и пару столовых ложек подсолнечного масла, чтобы пельмени не слипались. Порезал селедку, замочил луковые кольца в уксусе, достал из морозилки сало и оформил стол. Даже, когда выпивают два старых друга, на столе должен быть порядок и чистота.

Увлеквшись приготовлениями, Игорь забыл о тревоге и, когда раздался звонок в дверь, искренне обрадовался. За дверью он увидел довольную, улыбающуюся физиономию друга, держащего в каждой руке по литровой бутылке запотевшей водки. Игорь округлил глаза.

– Вот это порция!

Андрюха захохотал.

– Да, пьем по-пациански!

Возбужденные от предчувствия возлияния, они переместились на кухню, где Андрей высыпал домашние пельмени в кипящую воду. Не дожидаясь горячей закуски, он налил по полной стопке, так что водки получилось с горочкой. Друзья тут же накатили. Андрей задорно крякнул и сунул в рот кусок сала. Игорь закусил луком, окрашивая послевкусие водки дарами тещиного огорода.

Поедая горячие пельмени с майонезом и сметаной, они довольно быстро распили первую бутылку. Обильная закуска отерочила опьянение, сделав собеседников довольными и расслабленными. Как правило, эта стадия опьянения предполагает быстрый переход ко сну, но в холодильнике замерзала вторая бутылка. Андрей вальяжно оперся спиной о подоконник, то и дело стирая тыльной стороной ладони обильно выступающий на лбу пот. Игорь поставил локти на стол и положил подбородок на сцепленные ладони. Подступало время разговоров о прошлом. Расплывчатое отражение в темном окне смотрело на Игоря.

– Помнишь Галю Половникову? Она училась с нами до седьмого класса, – спросил Игорь, задумчиво смотря на свое мутное отражение в окне.

– Угу, у нее была офигенная фигура. Уже классе в пятом. При этом талия была, как у дюймовочки. Не видел ее с детства. А ты ее видел?

— Да, совсем недавно, на городском пляже. Мы с Иришкой решили искупаться, полтора часа торчали в пробке, но все же выбрались на речку. Я говорил тебе, что любил ее?

— Кого? Иришку?

— Да, нет же, тупое, пьяное быдло, — Игорь в шутку ткнул кулаком в объемный живот Андрея, а тот загоготал, как гопник у подъезда, — Иришку я, понятное дело, любил и люблю. Я говорю про Галю. Я был влюблен в нее в школе. Грезил о ней, писал любовные письма, но не решался отправить.

— Я всегда тебе говорил, что вся эта романтическая хрень — полная хрень... Вот ты танцуешь вокруг любимой девушки со своими стишками, а потом ее трахает какой-нибудь парень, умеющий навещать лапши на уши и который не заморачивается с книжками и поэзией. Кстати, тогда в седьмом классе твою Галю трахнул Скляр.

— Это который был спортсменом, а потом подсел на траву?

— Да, он как-то раз хвалился, что после какой-то пьянки на даче лишил ее девственности прямо на детской качеле в каком-то дворе.

— Подожди, мне надо запить эту информацию.

Игорь достал из холодильника вторую бутылку и наполнил стаканы до краев.

— Так что было дальше? — Игорь стал немного серьезнее.

— Она была несовершеннолетней, об этом узнали ее родители. Когда ей стукнуло шестнадцать, они расписались.

— А до шестнадцати... они что четыре года просто жили вместе?

— Ну, да. Она поэтому и исчезла из школы. Молодое семейство переехало в соседнюю деревню, там они сняли дом. Скляр работал механизатором на ферме, а она сидела дома, рожала детишек. Так ты ее видел недавно?

— Угу, — Игорь налил еще по стопке.

— Эй, ты куда коней гонишь? Нас никто не торопит.

— Просто тема серьезная. За душу берет.

— Рассказывай, что увидел.

— Когда мы с Иришкой загорали на пляже, к воде подъехала раздолбанная шестерка. Из этой телеги вылез татуированный мужик, похоже это был Скляр, изрядно постаревший и, судя по кашлю, болеющий туберкулезом. С пассажирского сиденья вылезла гигантская туча целлюлитной плоти. Огромные молочные железы десятого размера оттягивали бюстгальтер на пузо, которое закрывало плавки и тянулось к коленям. Слоноподобные ноги образовывали складку на коленях, коих не было видно, на месте коленной чашечки были два сочленения плоти, словно две маленькие задницы. На боках играли гармошки складок, короткие пухлые руки не могли сцепиться на груди, когда она перекладывала распухший от мелочи кошелек из одной руки в другую.

— Меня сейчас стошнит.

— Это была Гая. Я ее узнал. Хорошо, что не надо было подходить и здороваться, мы с ней так никогда и не перекинулись словом. Иришка стала шикать на меня, что не хорошо так плятиться на больных людей. Я уставился в журнал. Скляр стал натирать свой гоночный болид сливочным маслом (и кто сейчас вообще так полирует машину?). Гая степенно проследовала в воду, на ходу поедая мороженое.

— Ты меня загрузил. Все люди выродки. Мы всегда были выродками. Сама жизнь — это выродок.

— Так и есть. И с годами становится все хуже.

— За это надо выпить.

Игорь наполнил стопки. С минуту они сидели молча, а потом почти синхронно выпили свои порции.

Вспомнив еще пару историй из детства и юности, они допили вторую бутылку и стали вдребезги пьяны. Андрей с трудом направился в сторону туалета.

— Я пойду в туалет, но не обещаю, что попаду в толчок. Возможно, чуток промажу.

— Тогда завтра будешь драить сортир зубной щеткой.

— Ага, твоей, гы-гы-гы.

Игорь остался сидеть за столом, подперев голову кулаком. Он плыл в тумане опьянения. В глазах двоилось, предметы без предупреждения то подходили ближе, то улетали в даль. Мысли в голове не формировались.

Держась за стенку, в кухню ввалился Андрей и с третьей попытки сел за стол.

— Я в дупель пьяный.

— Надо выпить пива, чтобыпротрезветь, — Игорь сказал это без всякого желания действительно пить пиво.

— А что, можно бы. Только до магазина мы не дойдем.

— Ты меня не доо...не дуа.. оцениваешь, — Игорь, качнувшись, встал и открыл холодильник, где было припрятано пиво.

— Гы-гы-гы, а ты рисковый парень, Игорян. Доставай патроны.

Они раскрыли по банке. Игорь сразу ополовинил свою, Андрей сделал небольшой глоток.

— Я вот все думаю, в последнее время очень много думаю, — Игорь делал усилие, чтобы язык не заплетался, — если отбросить борьбу за жизнь... в смысле: учебу, деньги, работу, отдых, квартиру, машину, бесконечный ремонт, дачу, — тогда что остается в моей жизни? Было ли в ней что-нибудь хорошее или что-нибудь настоящее?

— Ты о чем? О любви и дружбе? — Сознание Андрея уже плыло в безбрежном океане слов и образов.

— И да, и нет. Еще я говорю о мужестве, доблести, героизме. Но даже если брать отдельно любовь и дружбу, то я не знаю, случалось ли это со мной.

– Я твой друг. Разве нет?
 – Ты мне друг. Это так. Но разве я тебе друг?
 Ведь я предавал тебя.
 – О чём ты говоришь? Ты не предавал меня. Ни разу.

– Тогда на крыльце школы, когда мы учились в пятом классе, один гопник наехал на тебя на крыльце, он забрал у тебя портфель. Я был там, стоял неподалеку и наблюдал. И я не подошел, потому что испугался. Я не смог сделать даже шаг в твою сторону из-за ужаса.

– Что это за хрень? – Андрей засмеялся, вяло, но засмеялся. – Я даже не помню этого случая. Такое происходило в школе почти каждый день. У нас то мелочь хулиганы шкуляли, то кеды отбирали.

– Но я бросил тебя. Бросил в беде одного.
 – Ерунда. Зачем тебе было самому подставляться. Мы были пацанами, а гопники всегда были сильнее и старше. Я бы тоже испугался. Зачем ты мучаешь себя этими воспоминаниями. Я всегда

удивлялся тебе, твоей привычке все обсасывать и запоминать. Ну, зачем тебе это сейчас?

– Не могу забыть. Это приходит ко мне по ночам.

– Забудь. Ты всегда делил людей на героев и пондиков, а это все не так. Люди разные. В них много всего понапихано. Иногда мы делаем хорошее, иногда плохое. Ничего не поделаешь. Мы так устроены.

– Все-таки ты хороший человек, Андрюха. Я тебя люблю.

– Звучит как-то гейски, но мне приятно. Я тебя тоже люблю. И выкинь из головы весь этот бред. Не мучайся. Если что, сразу мне рассказывай. Станет легче.

– Хорошо. Спасибо.

– Да, без проблем, друган.

– Еще кое-что...

– А...

– Как часто ты трахаешь мою жену?

КРИТИКА

Александра ПОРШНЕВА ► ТЕМА ЛЮБВИ В ФИЛЬМАХ МИЛОША ФОРМАНА, ИШТВАНА САБО, АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА, АЛЕКСАНДРА БАРАНОВА И БАХЫТА КИЛИБАЕВА (статья)

В кинематографе разных стран мира нельзя не найти хотя бы одной кинокартиной о любви. Любовь – это чувство, наличие которого позволяет человеку, как частице биологического мира, выделяться из массы зверей. Чувство, способное объединить абсолютно разных людей: будь то Чехия, Венгрия или Советский Союз – в любом национальном кинематографе можно встретить эту тему. Так в кинолентах «Любовные похождения блондинки» Милоша Формана (1965 г.), «Фильм о любви» Иштвана Сабо (1970 г.), «20 дней без войны» Алексея Германа (1976 г.) и «Женщина дня» Александра Баранова и Бахыта Килибаева (1989 г.) любовь тоже бывает разной.

Начнем с того, что фильмы отличаются по эстетике. Это, несомненно, обусловлено особенностями сознания, запечатленного в искусстве кино. Можно поделить их парами «Венгрия, Польша» и «Советский Союз», так сказать, по странам-производителям. Однако это будет так же неуместно, как объединение в один лагерь фильм «Девчата» Юрия Чулюкина и «Зимнюю вишню» Игоря Масленникова. Разная стилистика и, самое главное, разное время не позволяют этого сделать. Стоит рассмотреть отдельно каждый фильм, чтобы найти в нем волнующую многие поколения тему любви.

«Любовные похождения блондинки» Милоша Формана – фильм, повествующий в ироничной форме о юной блондинке, работающей на обувной фабрике. Эта девушка отнюдь не является ни святой Девой Марией, ни Марией Магдалиной. Андула – девушка, считающая, что испытывает любовь и желает её, но она легкомысленна, что соответствует сложившемуся стереотипу о блондинках. Иронична сама ситуация с запланированным заездом отряда запасных и, как оказывается, не только военных, но и «запасных мужчин», которые и сами не понимают, нужны ли им такие «легковес-

ные» девушки. Обручальное кольцо одного из солдат катится к ногам юных дам, как и честь, оставленная у их же прекрасных молодых ног. Однако мужчины не теряют самообладания, и, произнося знаменный тост «За мужество!», с облегчением сбегают из ресторана. На фоне темы преданности себе и самоуважения мужчин разгорается любовь Андулы к молодому пианисту, но эта любовь – стыдливо прикрывающаяся, робкая, как с полотна Эль Греко «Кающаяся Мария Магдалина» – оказывается не обоюдной. В этой любви забывается прежний возлюбленный, подаривший кольцо – предмет гордости и зависти подруг. В одном из эпизодов оно снова катится под ногами, как уже не представляющее никакого значения. Любовь Андулы приводит её в Прагу по приглашению возлюбленного пианиста. Здесь зритель знакомится с темой материнской любви, с образом укоряющей, кажущейся глупой в своем ворчании, но заботящейся матери, уложившей провинившегося сына в родительскую постель. И вот перед нами семейная идиллия – в кровати с матерью и отцом, а за дверью – одиночество девушки с кольцом и шрамами на запястьях, которые характеризуют нелюбовь героини к жизни. Образ жизни героев фильма достаточно полно характеризует высказывание Славоя Ондорушека: «В ряду фактов, активно влияющих на характер общественного мышления, на первый план выдвигаются ныне социальные связи, усложнившиеся в результате стремительного наступления научно-технического прогресса» [Ондорушек, 1976: 134]. Этот же технический прогресс, должный объединять людей в стремлении жить лучше и любить друг друга, делает главных героев отчужденными не только по отношению к близким, но и к жизни. Снова кровать в общежитии, рассказ о заботливых родителях «возлюбленного», и звучит «Аве Мария» – о вечно одинокой, холодной Марии, любви которой суждено катиться ненужным колечком у ног проходящих мимо людей. Таким образом, фильм о любовных похождениях становится антилюбовным.

Противопоставим предыдущей ленте динамичный «Фильм о любви» Иштвана Сабо. Картина является в какой-то степени автобиографичной, но при этом характеризующей поколение венгерцев времен второй мировой войны и восстания против социалистического порядка. Этот фильм – ностальгия, воспоминание о детской любви, своего рода билет в детство. Отличным этот фильм дела-

ет построение драматургии через монтаж. С помощью динамики и различного временного пространства он то показывает нам юность главного героя, то уносит обратно в детство, к зеленым рюкзакам, сплотившим двух маленьких бунтарей. Только любовь к Кате, к которой так спешит Янчи и в своих воспоминаниях, и на поезде, и в воображении, обгоняя поезд, оказывается инфантильной, как сама обстановка квартиры главной героини, в которой нет места ничему взрослому. Желтый трамвай, который когда-то соединил рассорившихся друзей, теперь становится огромным поездом, навсегда разделившим их, ныне повзрослевших. Янчи увозит с собой последние воспоминания о детстве: обед из кастрюли, пионерские песни, переходящие во взрослую «Марсельезу», выставленный образ Кати, замечающей морщинки под глазами. В общую драматургию вплетается тема любви к Венгрии, к которой возвращается главный герой, с которой переживал войну и революцию. Помимо личных воспоминаний главного героя, зритель наблюдает характеристику поколения, которое в военное время принимало сторону фашизма. Так А. Трошин дал характеристику особенности венгерского кино 70-х годов: «История: взгляд снизу – это их творческая концепция, их формула, в которой разом схвачены предмет и определенный угол зрения на него. Общее и частное. Точнее, общее в частном. История – особая статья для венгерского кино» [Трошин, 1986: 7].

Этот особый взгляд и столкновение двух лагерей одного и того же поколения ярко выражены в эпизоде в кафе, где Янчи допрашивает подругу своей возлюбленной Ютки о фашистском прошлом. Эта сцена – как вина, некое недоразумение человека того времени, который не понимал, как должно было быть правильно. Говоря о ностальгическом настроении картины, нельзя не отметить воспоминания, письма, выраженные в форме видео обращений, напрямую воздействующие на зрителя психологически, будто герои говорят с ним самим. Подтверждением тому может служить образ мамы Янчи, слова которой будто письма и фотографии всплывают в голове у теперь уже взрослого человека – мужчины. Таким образом, поэтическая картина Иштвана Сабо повествует о любви не только к человеку, но и к уже потерянной для кого-то Венгрии, оставшейся ностальгией,

ярким воспоминанием в сознании покинувших её граждан.

«Этот человек послевоенного года рождения хорошо понимает, как трудно добывалась победа в минувшей войне, и он смотрит на воссоздаваемый им мир глазами трезвыми, мужественными, но согретыми глубоким волнением» [Агишев, 1976: 117]. Это высказывание О. Агишева о советском режиссере Алексее Германе, - человеке, сознание которого волновала жестокая Вторая Мировая, в которой имело место быть человеческое чувство – любовь. Лопатин – одинокий человек из кинокартины «20 дней без войны», возвращается в Ташкент, чтобы вернуть вещи погибшего товарища его жене. С самой драматургической завязки, в поезде, мы слышим рассказ одного из сослуживцев Лопатина о жене, изменившей ему. Здесь проявляется чувство обиды и ревности, помимо «привычных» в военное время горечи потерь и озлобленности на врага. Солдат обращается с просьбой к герою написать письмо. Лопатин пишет. В вагоне звучит казахская песня «Айтым сәлем, каламқас», как ожидание встречи с любимыми людьми и родным краем. Здесь же впервые пересекаются герои Юрия Никулина и Людмилы Гурченко, встреча которых является завязкой в теме любви, но в теме любви мужчины и женщины. Не болтали в то время ни о войне, ни о любви. И подтверждением тому на заборе у героини фильма прибит плакат с надписью «Не болтай!». Тяжелый 1943-й год, до победы еще оставалось два года, молодых людей забирали от матерей, в тылу героями становились маленькие дети. Война стала неким подобием работы, из которой и не возвратились мужья, но не переставали ждать их неотчаявшиеся жены, уже потерявшие, казалось бы, надежду с полученными, словно похоронка, с фронта часами. Тиканье часов, последние мирные минуты сна, и снова на «Вы», а на прощание – пустой разговор о погоде. Немногословная, но эмоционально натянутая, как струна; уставшая от потерь, но надеющаяся на победу – такова любовь в фильме Алексея Германа.

Время «перестройки» – картина «Женщина дня» (1989) Бахыта Килибаева. Женщина уже не в кирзовых сапогах, а в туфлях на шпильке. Не стыдливая, а откровенная – любовь конца 80-х годов. Здесь вновь измена, вполне откровенная, как и жестокость современного мира. Гульнара Абикеева замечает: «В общем, с образами женщин в кинематографе новой эпохи нам явно не повезло. Старые ценности утеряны, новые еще не приобретены. Женщина практически низведена на ноль. Такова, вероятно, и реальная картина вещей, таково, следовательно, современное общество» [Абикеева, 2006: 46]. Стоит отметить, что образ Александры очень типичен для фильмов казахской «новой волны». Герои того времени – будто призраки, которые бродят по улицам, безучастно, только номинально участвуя в своей и чужой жиз-

ни. Александре встречается молодой человек, ве-ящий в существование настоящей любви, для которого она стала «женщиной дня», – не однодневной, а светлой любовью, ясной как день. Этой любви не суждено продлиться, но она помогла героине освободиться от оков обыденной страсти, подобно фотовспышке.

«Это не кино, приветствующее нарождающуюся систему рыночных отношений, новое свободное, демократическое общество, а кино, бесстрастно констатирующее Слом, Гибель, Агонию бывшего

советского строя, его политических идеалов и идеологических ценностей» [Ногербек, 2008: 280].

Да, тема любви имеет не только различные формы воплощения, но так же трансформируется и перевоплощается в зависимости от особенностей эстетического восприятия зрителя той или иной страны. Несомненным участником процесса изменения темы любви является время. В каждом из рассмотренных фильмов оно играет свою значимую роль: то передает нам настроение апатии или ностальгии, то и вовсе поглощает любовь, меняя её в сторону кажущейся отчужденности людей друг от друга.

«Я дышу, и значит, я люблю, Я люблю, и значит, я живу»

Эти слова из «Баллады о любви» Владимира Высоцкого точно передают состояние человека, влюбленного не только в противоположный пол, но и, самое главное, – в жизнь. На примере разобранных нами кинокартин режиссеров разных стран и времен прослеживается, как в зависимости от ветра времени меняется отношение к любви, а через неё – к жизни.

Любовь не меняется – изменяется только время, влияющее на её трактовку.

Литература:

1. Абикеева Г.О. Нациостроительство в Казахстане и других странах Центральной Азии, и как этот процесс отражается в кинематографе. – Алматы: ОФ «Центрально-азиатской кинематографии», 2006. – 308 с.
2. Агишев О. Клуб молодых. // Искусство кино. №12, 1976, С. 109-128.
3. Ногербек Б.Р. Экранно-фольклорные традиции в казахском игровом кино. – Алматы: RUAN, 2008. – 376 с.
4. Ондроушек С. Социалистическая действительность в чехосlovakском киноискусстве. // Искусство кино. №4, 1976, С. 134-143.
5. Трошин А.С. Венгерское кино: 70 – 80-е годы. – М.: Знание, 1986. – 48 с.

Александра ПОРШНЕВА ► ДЫХАНИЕ «НОВОЙ ВОЛНЫ» (статья)

История кино, над которой я работаю, будет, скорее всего, историей открытия неведомого континента, и этот континент - монтаж

Жан-Люк Годар

интересный монтажный эксперимент. Особенностью этого монтажа является не только создание динамики в кадре, но и то, что монтаж здесь – это форма, в которую облечена драматургическая основа фильма. Поддерживаемый лаконичными, а порой прерывистыми диалогами и монологами, монтаж является, с одной стороны, неким связующим звеном между героем и героиней, с другой стороны, – их противопоставлением.

Так, в течение фильма посредством параллельного монтажа режиссер то ведет героиню к герою,

Кинокартина «На последнем дыхании» является одним из фильмов-родоначальников французской «новой волны», которая пропитала кинематограф пятидесятых новым ощущением атмосферы жизни (а точнее – реализмом) и подарила новых героев. Они – революционеры («400 ударов» Фр. Трюффо), жиголо («На последнем дыхании» Ж.-Л. Годар), всё же являются героями, потерянными для времени и во времени. Однако, помимо появившегося нового героя, а вместе с ним и героини, появляются и новые изобразительные методы подачи того или иного состояния, до того небывалого, в лоске и пафосе предыдущих новому течению кинолент. На примере фильма Жана-Люка Годара мы рассмотрим особенности киноязыка французской «новой волны», оказавшей влияние как на европейский кинематограф, так на кинематограф Голливуда.

Если говорить о новых кинематографических приемах, то фильм «На последнем дыхании» – это

то наоборот, сопоставляет их. Но это лишь один из монтажных приемов в этой киноленте. Также в фильме используется ассоциативный монтаж. Так, в камерной сцене, из сочетания реплик молодых людей, звучащих в закадровом тексте или практически прямо в камеру, и постеров сrepidукциями картин на стене квартиры героини возникает абсолютно иная философия, нежели произносимая в диалоге или монологе. Через ту или иную изображаемую картину (в данном случае постер) передается внутреннее состояние героев, их психологические особенности, потому что именно в этой комнате, а не во внешней городской суете, проходит настоящая жизнь, где озвучивается порой не напрямую, а косвенно характеристика времени. Что касается еще одного из приемов, интересной по монтажу является сцена встречи героини с редактором газеты в кафе, где, будто в калейдоскопе, меняется состояние редактора. И, возможно, эффект часто сменяемых кадров, несущих какую-либо часть диалога редактора, составляющих немного комичный монолог, можно назвать «эффектом Годара» (наподобие «эффекта Кулишова»). Интересно то, что изображение не меняется, но грубая склейка нескольких кадров с разным звуковым содержанием несет определенный третий смысл, точно передающий портрет изображаемого героя.

Теперь пойдём от более крупного к более мелкому, а точнее, составляющему монтаж. «Изображение тесно связано с правосудием. Потому что изображение – это доказательство. Кино дает каждому материальное доказательство происходящего». Здесь операторская работа подразумевает под собой субъективный метод съемки. Так или иначе, камера находится в постоянном движении, будь то съемка на рельсах (круговая панорама в три оборота), или же кажущаяся статика (на эскалаторе, героиня поднимается вверх, камера снимает с верхней точки, движение происходит внутри кадра). Кстати, круговая панорама появляется в сцене признания героини в предательстве: панорама передает ощущение тревоги, круговорота, воронки, затягивающей на дно. Всё это бесконечное движение создает ощущения присутствия зрителя с героями, «внутри» фильма. И лишь в камерной сцене (опять же в ней), движение камеры почти прекращается, но лишь в те моменты, когда должны быть изображены крупные планы героев, а их, кстати, в фильме не так много. Они присутствуют лишь в те моменты, когда должно быть зафиксировано то или иное состояние героя. Камера «выделяет» их из окружающей суэты и шума, из всего мирского, запечатлевая в самые интимные моменты (сцена поцелуя), или же в эмоционально

насыщенные моменты (задумчивость героини в кафе).

Ещё одним оригинальным приемом в кинокартине «На последнем дыхании» является прямое обращение героя к камере. Его монолог с самого начала фильма – это краткая автобиография, которая начинается со слов «Кроме того, я – подлец». В обращении к камере (то есть к зрителю) героя Бельмондо, опять же, в грубо склеенном монологе выявляется вся противоречивость натуры героя. Он говорит «Я очень люблю Францию», хотя весь фильм стремится в Рим; находя оружие, играется, будто игрушечным, хотя ему ничего не стоит «взаправду» лишить жизни другого человека; наконец, его пренебрежительное отношение к девушке на набережной, хотя за этой маской Пикasso скрывается нежная любовь к другой.

Стоит отметить особенный способ подачи фильма режиссером. Будто документальное кино, этот фильм отражает город, который, как многие другие города, проваливается в воронку времени, и людей, захлебывающихся и карабкающихся наверх на последнем дыхании. Похожие по образу героя и времени, но совсем различные по способу изобразительной подачи, в кинематографе существует множество фильмов разных стран, в которых слово «почему», как в комнате у одной из знакомых годаровского героя, навсегда останется не сложенным до конца по двум тесно связанным причинам: Меняется жизнь - меняется время.

А закончить анализ новаторского по методу художественного воплощения фильма-представителя французской «новой волны» хочется словами его создателя: «Всегда считалось, что «новая волна» – это дешевый фильм против дорогого. Отнюдь нет. Это просто хороший фильм, сколько бы он ни стоил, против плохого».

Вячеслав КОРНЕВ ► МЕДИАФАН, или ВЛАСТЬ КИНОСИМУЛЯКРА (о фильме Звягинцева и его медийном эффекте)

Всё-таки Звягинцеву необыкновенно повезло. «Левиафан» с его крупицей критической соли попал в какую-то трещину в массовом сознании, и публика моментально разделилась на защитников и противников – даже не самой картины, а церкви, государства, ценностей и традиций. Исправляя это недоразумение (подменяющее разговор о фильме беспersпективным спором о русской идее и её врагах), предлагаю поместить творение Звягинцева в контекст именно художественный. Тем паче, что ситуация в отечественном кинематографе в последние 20 лет выглядит провальной.

Ну чё, давай!

Итак, сначала об этом, собственно эстетическом контексте. Есть некие объективные мировые тенденции, в фарватере которых следует и взыскиющий одобрения мировых фестивалей наш локальный кинематограф. Например, очевидно, что в последнее время в цветном кино парадоксально исчезает цвет. Палитра ярких тонов превращается после специальной цветокоррекции в нечто синеватое, зеленоватое или, как в «Левиафане» – в унылые оттенки серого. После ухода из жизни автора цветовой трилогии Кесьлевского, особенно чуткого к цветовым акцентам Антониони и других великих мастеров, в мире остались лишь несколько режиссеров, умеющих работать с колоритом. Большинство киноремесленников решают эту проблему просто – фактически выключая (лишний) цвет. Никакой эстетической задачи такая мода не преследует. Это лишь общая для многих авторов боязнь ярких красок (как и у начинающих живописцев, часто непроизвольно затемняющих и растворяющих тона). Звягинцев догматически следует общей моде, в чем-то даже перехлестывая с этой цветофобией – думаю, каждый зритель «Левиафана» потратил немало времени на адаптацию глаз к тёмной и серой картинке. Решил ли этот прием какие-то смысловые задачи? Только в том случае, если бы фильм назывался «Серость»

Другая мировая тенденция (заметная при итоговой раздаче слонов на крупных фестивалях) состоит в политизации кино в ущерб сюжету, драматургии, психологии и другим, когда-то очень важным элементам картины. Нынешней аудитории в трехчасовом фильме достаточно

лишь пару раз показать идеологическую мишень (например, карикатурных представителей власти, её декорации, дворцы и хижины), и это с лихвой компенсирует полную ущербность сюжета или киноязыка. Во всем цивилизованном мире уже несколько десятков лет премируют политизированное кино – за или против государства, в защиту чьих-то прав и свобод... Звягинцев и здесь не стал открывать Америку, а взял реальный случай (кстати, действительно воодушевляющая история смерти американского бунтаря Марвина Джона Химейера) и перенес его на родную почву. Правда, бунтарь автоматически превратился в безыдейного бухаря, а тема геройского сопротивления система полностью рассосалась. Условный герой Брюса Уиллиса был подменен конкретным антигероем Себерякова, трактующим персонажа сюжета через один только «гестус» (то есть смыслообразующий жест или деталь) – бутылку и операцию с ней.

Ладно, пусть будет политическое кино, но тогда снятое, как говорит Годар, «politiquement» – во втором французском значении слова «политично» – отстраненно, тактично. Раз уж фильм называется не «Бухло» и не «Серость», а «Левиафан», значит главный его герой – само государство, бюрократический монстр, пожирающий собственных детей. К сожалению именно с этой титульной темой фильма дело обстоит особенно провально. Здесь нет ни свежих теорий заговора в духе лучших американских политических фильмов, ни кафкианской атмосферы абсурда и ужаса, ни художественной деконструкции власти. Про одноименное сочинение Гоббса говорить и вовсе не приходится. Банальная персонификация зла в карикатурных образах мэра, прокурорши, шефа полиции – это удручающе предсказуемое и слабое решение.

Общая вторичность кинематографа Звягинцева в этом моменте особенно заметна и показательна. Как всем известно, стилистика стартовой ленты режиссера («Возвращение») определила его статус как современного Тарковского, то есть Тарковского для бедных. Все последующие работы отмечены этой печатью вторичности, доходящей до невольной самопародии. Количество неуместных, не имеющих эстетической нагрузки длиннот в «Левиафане» просто зашкаливает. Мужик выходит из дома, мужик садится в машину, машина едет, машина приехала, мужик вышел из машины – невероятно важные для сюжета сцены. Даже эмоциональные порывы упреждаются здесь (как в опере) остановками и зависаниями. Полиция забирает

отца, но сын не сразу рванет в классический пробег за колёсами исчезающего автомобиля, а сначала посидит и посмотрит за окно. Под стать таким пробуксовкам и диалоги, нашпигованные ритуальным матом и удивительно информативным связующим словом «чё» (употребляемым, правда, как у Элочки-Людоедочки в разных лексических оттенках: «и чё?», «ну ты чё!», «вот чё...») Уничтожение цвета и смысла в картине дополняется почти полным уничтожением языка. Часть реплик тонет в гундосой и невнятной речи большинства актеров – как будто бы всех их озвучивал Кенни из «Южного Парка». Другая часть просто бесполезна и тавтологична, как в этом разговоре сына с отцом:

– Опять, что ли в церкви сидели?
 – Ну, да.
 – Смотри, досидитесь там!
 – До чего досидимся?
 – Ну до чего-нибудь досидитесь...

Со звуком в фильме вообще беда, благо – спасают английские субтитры. Но настолько низкой речевой культуры в высокобюджетном кино мне встречать не приходилось. Да тут еще и гениальные режиссерские находки – наверное, для придания картине духа реализма и эффекта присутствия. Если герой говорит фразы за стеклом, то мы и слышим почти полностью приглушенный звук как бы из-за стекла. Если он уткнулся лицом в стол, то и слова уходят к тому идеальному зрителю, что должен сидеть под столом.

Отдельная история с ужасающей сериальной манерой игры отечественных актеров, имеющих две основные краски для создания образа – шёпот и крик. В первом случае это означает, что персонаж рассстроен, удручен. Во втором – это его нормальное (по принятии пары бутылок) повседневное состояние, когда слова физически и биохимически доходят до собеседника, а весь диалог в целом напоминает мартовский кошачий концерт. Проблема опять же в общем состоянии нашего кино, потерявшего богатейшую и очень профессиональную аудиокульттуру (достаточно послушать актерские монологи Сергея Юрского, Юрия Яковleva, Василия Ланового, Иннокентия Смоктуновского и других советских мастеров, чтобы ощутить эту пропасть в речевой культуре), а взамен получившего школу

жевания или выкрикивания русского языка в качестве телевизионной, а затем и кинематографической нормы.

Впрочем, зритель воспитанный на отечественных мыльных сериалах, принимает это не как абсурдную условность киноязыка, но как тот самый искомый эффект реальности: «Ах, сколько суворой сермяжной правды в «Левиафане!» Какая правдивая атмосфера! – Ну, разумеется, учитывая, что почти все сцены намеренно сняты в несолнечную и мутную погоду. Какая реалистичная жизненная история! – Конечно же, вспоминая о том, что американская true story превращена в универсальный западный стереотип о жизни в России. Аналогичным образом психология поступков правдиво отсутствует, драматургия удачно подменена логикой нарративного шаблона (особенно анекдотично то обстоятельство, что на месте съёмок фильма ранее происходила подлинная драма с убийством мэра, а не с расстрелом бутылок и глупейшим адюльтером)... Словом, ситуация как в анекдоте от армянского радио: «Правда ли, что Рабинович выиграл «Волгу» в лотерею? – «Правда! Но только не Рабинович, а Иванов... И не «Волгу», а сто рублей... Не в лотерею, а в карты... И не выиграл, а проиграл».

Таков именно реализм «Левиафана», из под шкуры которого во все стороны торчат несуразные детали искусственного каркаса. Вот поп пересказывает притчу об Иове, но фантастически перевирает канонический сюжет – сразу видно, что перед нами не поп, а стереотип. Сие происходит в эпизоде, когда герой Серебрякова ожидаемо покупает в магазине бутылку водки («Чего тебе, Коль?» – «Водки, чё еще...»). Поп же набивает мешок буханками свежего хлеба – совершенно ясно, что этот хлеб в духе очередного стереотипа будет скормлен свиньям. И действительно – через минуту мы видим крупным планом свиные рыла...

На имитации правдоподобности («реалистичным» стереотипом) построена вся логика повествования: клише рифмуется с другим клише, шаблон ведет к соседнему шаблону. В этом прокрустовом ложе самых предсказуемых ходов несколько неожиданной оказывается только семейная измена. Но тут в интернете возбудились знатоки женской психологии и поклонники по-

пуплярной гендерной метафизики (озвученной и в фильме: «все бабы – дуры») – вот она, очередная сермяжная правда! Таковы (в стереотипной мужской фантазии) жёны и вообще женщины!

Таковы же, без малейших отклонений от обывательского канона священнослужители, церковные начальники, полицейские, отцы города, их телохранители, их супруги и дети... Восхитительна своим парадоксальным «реалистичным» гротеском сцена с приёмом архиерея или «мозговой штурм» у мэра. Забавно только то, что все эти, достойные монтипайтоновского юмора скетчи воспринимаются зрителями «Левиафана» серьёзно.

Может, это вообще «серёзное кино»? Известно, что настоящая драма (как объяснил Аристотель) должна иметь в пространстве сюжета какого-то медиатора зрительской симпатии. Какой-то (желательно, главный) персонаж должен вызывать нелицемерное сочувствие, ощущение эмоциональной или интеллектуальной близости. Однако, «Левиафан» – это роман без героя. Ужасающее низкий уровень разговора о природе власти – титульной темы картины – лишает историю её смыслового центра. Заглавные и второстепенные живые персонажи одинаково схематичны и непрозрачны. Кому из них можно понастоящему сочувствовать?

Мне кажется, что в ловушку отсутствующего эмоционального центра попал и сам режиссер – в «Левиафане» мы не видим персонажа, с которым мог бы идентифицировать себя автор. Поза отстраненного наблюдателя, судящего о важных вещах на уровне самой средней потребительской мерки – этого явно мало для большого кино. В логике бодрийяровского «симулякра» «Левиафан» оказался победительной пустышкой – пустой формой, заполняемой нашими ожиданиями, мыслями, претензиями. Два с половиной часа однообразных длиннот, провисаний и пробуксовок (как симулякр художественной формы), отсутствие оригинального киноязыка, смысла (симулякр содержания) превратили «Левиафана» в некий «Медиафан» – вирусный информационный продукт с кричащим, как у рекламного баннера, заголовком и чисто воображаемой начинкой. Диалектика симулякра «третьего порядка» в том, что теряя всякое со-прикосновение с реальностью, он становится сильнее реальности. Теперь его невозможно отвернуть как искажение реального положения

вещей – симулякр не поддается процедуре верификации, он сам судит реальность как подходящую или нет законам своей фантазии.

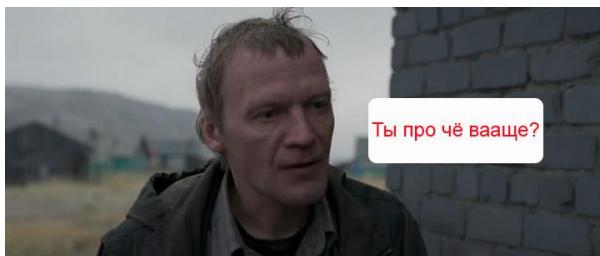

Что же касается рокового для всех нас вопроса, переводящего разговор о фильме из сферы художественной окончательно в область медийную и политическую – вопроса о какой-то высшей и гамбургской правоте «Левиафана» в изображении русской жизни, – то сошлюсь на старую мысль Константина Леонтьева. В статье «Два графа: Алексей Бронский и Лев Толстой» Леонтьев пишет:

«Жизнь, изображаемая в наших повестях и романах, была постоянно ниже действительности... Скольким читателям, я уверен, в течение стольких лет приходила на ум такая мысль. В частном случае, вот в том или этом, это, конечно, правда и прекрасно изображено. Но что же мне делать, если я в действительной жизни сам встречал нередко русских людей и более твёрдых, и более смелых, и более красивых, и блестящих, и более полезных государству и обществу, чем все эти полуотрицательные герои... В частностях все эти романисты правы, во всём отражении русской жизни - они не правы».

Именно так обстоит дело и с «Левиафаном» – он механически сконструирован из шаблонно правдоподобных деталей нашей социальной жизни. Но принудительная концентрация этих внешне реалистичных деталей даёт на выходе симулякр или просто ложь (например, пить водку в таком количестве несовместимо со здоровьем и жизнью). Такой недиалектический (регрессирующий) переход количества в качество, контекста в пафос и в послание фильма важно заметить уже в начале всей истории. Эпизод с судебным заседанием, где герою картины отказывают в правах на территорию его дома, никак не проясняет вопрос о том, насколько легитимна была постройка. В итоге самым разочаровывающим образом драматичный конфликт алкоголика Коли и алкоголика мэра (яркая метафора противостояния личности и государства!) сводится к спору о цене вопроса. Коля и его адвокат оценивают вынужденное переселение в 3.5 миллиона, а районный суд – только в 600 с небольшим тысяч рублей. Привезенный из Москвы «макграффин» – таинственно бесполезная папка с компроматом – дела не меняет, речь все так же идет о денежной компенсации.

Вот вам и формула высшей справедливости – она сводится к точной денежной разнице между «дано» и «желаю». Какое это имеет отношение к общественному благу, социальной истине или другим громким категориям, что с таким азартом выискивают в «Левиафане» его зрители? Остап Бендер тоже торговался с подпольным миллионером Корейко о цене пухлой папочки с компроматом, но к судьбе России и вопросам выяснения трансцендентных истин это никак не относилось.

Ты про чё вааще?

А все-таки жаль, что обсуждение фильма Звягинцева почти полностью перенесено во внешнехудожественный (политический или социальный) контекст. Лучше было бы, например, сравнивать вторичный кинематограф Звягинцева с первичным – кинематографом Тарковского, и находить у автора «Левиафана» не только влияния, но и полемику с источниками творчества. В этом смысле правильно считать «Левиафан» полеми-

ческим вариантом «Жертвоприношения», но тоже с оговоркой от армянского радио: не он принес жертву, а его принесли в жертву; дом не сгорел, его снесли, не он изменил жене, а жена изменила ему... Ну и, конечно, ключевой для героев Тарковского вопрос: «есть ли Бог на Марсе, нет ли Бога на Марсе» героям Звягинцева тоже не волнует. Вот, хлебнув в очередной раз водки из горла, Коля вопрошают священника:

– Если бы я свечки ставил и поклоны бил, у меня бы всё по-другому было? Может сейчас начать, пока не поздно? Может жена моя воскреснет, дом мне вернут?

Герой «Жертвоприношения» точно попробовал бы и такой вариант, он не то что жену воскресил, а даже атомную войну отменил. Антигерой «Левиафана» не мыслит, не верит, не сомневается, ничего (кроме водки) не пробует. Можно считать это атеистическим прочтением Тарковского и «Антижертвоприношением». По крайне мере, это лучше, чем пытаться разглядеть в картонном сюжете и его плоских героях метафоры русской жизни и притчу об общественном государстве. Тем паче, что гоббсовского «Левиафана» Звягинцев и не читал.

Юлия БОБРЫШЕВА ▶ НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ (рецензия на книгу Натальи Николенковой)

Первые же месяцы Года литературы оказались для Алтайского края щедрыми на издательские проекты и книжные новинки. Одной из самых ярких, долгожданных книг явился поэтический сборник Натальи Николенковой «Завтрак на траве». Хорошо знакомая читателям и не нуждающаяся в представлении, поэт включила в новый сборник как давно написанные стихи, так и новые, не публиковавшиеся в книгах. И это соседство нового и давнего материала позволяет сделать о её поэзии некоторые наблюдения общего характера.

Критиками было справедливо замечено, что Николенкова – поэт впечатлений, чтоозвучно с «импрессионистским» названием новой книги. Структура её поэтических текстов во многом отражает установку на передачу симультанных мимолетных впечатлений, которые все вместе составляют некое чувственное представление о жизни в её подвижности, и в полной мере отвечает поэтике импрессионизма в том виде, как она сформировалась в литературе и живописи *fin de siècle*. Если бы не одно «но».

Слишком уж непохожа субъективная эстетика и милая болтовня Петера Альтенберга на николенковский запрос правды. В одной из миниатюр Альтенберга «одна из прекраснейших и глубочайших поэм в жизни» вмещает «так много страданий, так много восторгов и много, много любви...». У Николенковой с любовью и близостью иные счеты. Любовь для неё – запрос истины, голод по искренним чувствам, взыскание, вопрос и требование: «За что, скажите, драматурги мира, / Мне выпало неслыханное счастье / Стать персонажем этого сюжета, / Немного поучаствовать в спектакле, / Тебя любить и на тебя смотреть?». А в другом стихотворении: «Почему апельсины из плюша? / Почему из ваты сердца?». И еще: «О, дайте, дайте мне простой воды / И чувств, не обращённых в медяки!».

Мир жесток, курьёзен, и это заставляет поэта вопрошать о причинах такого мироустройства. Удивление, желание узнать причины преодолевают импрессионизм.

*Не кормите меня трамадолом,
Не склоняйте к развратному сну!
Я иду, подметая подолом
Свою маленькую страну.*

*Не глядите благоговейно,
Как бездельник на работяг!
Мне довольно глотка глинтвейна,
А потом - покурить невзатяг.*

*Глядя прямо в глаза, Витюша:
Почему я такая овца?
Почему апельсины из плюша?
Почему из ваты сердца?*

Прорыв сквозь ткань импрессии является особенностью поэзии Натальи Николенковой, но не её исключительной заслугой. Выдающее дарование Натальи видится нам в другом. Состоит оно в талантливом избегании избитых приемов и в отсутствии нарочитой оригинальности: образный строй стихотворений, лексика и интонация естественны.

С точки зрения негативного представления о женской поэзии, возникает парадокс, который определяет феномен Николенковой: женщина с широко распахнутыми по-детски глазами говорит, не сбиваясь на те недостатки, какие обычно ищут (и часто находят) в женской поэзии.

Цикорий, клевер, лебеда,
Тугие тромбы кровохлебки...
Ты разбираешь без труда
Цветного лета заголовки.
Ложись в траву, пусть муравей
Переползает Гулливера.
Дыши, смотри – и стань живей,
Насколько хватит глазомера.

Оставаясь женственной во всём, не отказываясь от женского взгляда и женской эмоциональности, Наталья ловко избегает шатких положений, способных подорвать репутацию поэта. У неё нет условностей, всё – голое впечатление и правда. Конкретные события жизни облекаются в стихи, не теряя своих явных примет: автобиографический материал сентиментален по сути, но совершенно не требует пояснений для того, чтобы понимать эти стихи. Наверное, это и делает звезду её таланта по-особенному заметной на поэтическом небосклоне Барнаула.

Мы посмотрели «Ромовый дневник»,
Мы съели плов, приправленный зирой.
Суббота перед Пасхой, мини-КЛИК.
Душа покрыта толстой кожурой.
Но эта жизнь даётся без труда,
Течёт, течёт, как сладкая вода.
Какие сожаленья, господа?
Какие просветленья, господа?

По форме стихи Натальи часто представляют собой обрывки фраз из разговоров и монологов, весёлую смесь яркости и лёгкости, мгновенных метафор и смелых катахрез, – бескомпромиссное смешение всего и вся.

Вино не может быть сухим.
Скинхэд не может быть патлатым.
А ослик должен быть худым,
Как написал Сергей Довлатов.

Полгорода прошла пешком
Моя разнеженная тушка.
Душа летела мотыльком.
Она должна летать, старушка!

Сегодня мир – такой цветной,
И люди, все подряд, красивы.
Любовь не может быть смешной,
Но, даже если так, – спасибо!
(«Орфоэпический рай»)

Есть стихотворения, которые полностью представляют собой зафиксированные монологи, неожиданно прерывающиеся и меняющие тему, как оно и бывает в процессе мышления, в «потоке сознания». Говорение само по себе подсказывает ритм и рифмы:

<...>

Ненакрашенные девушки в утренних автобусах
Чем-то отличаются от девушек накрашенных.
У них бледные щёки, светлые волосы
И губы печальные, позавчерашние.

* * *

Донашивая за дочерью башмаки.
Это очень удобно: один размер.
Потому что донашивать за сыном башмаки
Было бы не так удобно, например.

Смотрю на людей в автобусе, они нелепы:
Или коротышки какие-то, или нос уточкой.
Господи, укрепи мои духовные скрепы!
Обещаю увести всех детей из города с дудочкой.

Все вышеперечисленные особенности поэзии Натальи Николенковой стали настолько узнаваемыми, что среди читателей и подражателей поэта появилось слово «николенковщина», что, хотя и звучит уничтожительно, но, как и в случае с «достоевщиной», говорит о явно ощущаемом стилевом единстве, идиостиле. А он бывает только у больших литераторов.

Здесь уместно будет поставить вопрос о соразмерности таланта и признания. Конечно, случай Николенковой – случай большого таланта. Но почему же тогда Наталья Николенкова так мало известна на общероссийском уровне, несмотря на то, что о ней в своё время очень хорошо отзывался знаменитый Вознесенский? Почему так нерегулярны публикации, а последние полученные премии датируются 90-ми? Все дело в особенности её таланта – он, как представляется, сродни талантам «гениальных дилетантов», каким в музыке, например, был Глинка. Не признавая педантичной зурбёнки теории, люди такого типа таланта полагаются на собственное чутьё, на вдохновение; могут оставлять свои замыслы незавершёнными, но работать при этом жадно, горячо, с энтузиазмом... Талант Николенковой такого же рода. Отсюда проистекает упомянутая нами лёгкость. В этом её очарование, её сила. По-настоящему разглядеть её можно только время спустя, удалившись на несколько световых лет, где живут уже другие, сменившие нас читатели. Однако современные астрономы заметили, что в плеяду выдающихся литераторов Алтая Николенкова давно уже вошла и бросает далеко за пределы своего созвездия свои пронзительные, «неправильные», но яркие, длинные лучи.

Юрий ТАТАРЕНКО ► ПОЭМА ЭКСТАЗА ОТЧАЯНИЯ (рецензия на книгу Александры Вайс)

В конце прошлого года в Барнауле в серии «От имени моего» вышел сборник стихов Александры Вайс «Ветер за воротом». Книга небольшая, на 32-х страницах уместились 44 стихотворения с предисловием Михаила Гундарина. Соответственно, свои впечатления о творчестве 25-летней поэтессы я тоже постараюсь изложить не слишком длинно.

Если припомнить несколько подзабытый, полустертый пост-миллениумской бравадой тезис «Поэт – это судьба», имея в виду стихи как результат осмысления отболевшего, то, безусловно, Александра Вайс – поэт. И так же, как в свое время Марина Цветаева, Вайс пишет с чутким, трепетным отношением к событиям личной жизни. Но перед читателем не полноводье чувств, не гамма эмоций, нет – в стихах Вайс сплошь отчаянье, неизбыvная горечь разлюбленной. И в это свое отчаянье поэт возводит в крайнюю степень, впадая в экстаз от неосуществимости, казалось бы, такой простой мечты: быть рядом со своим избранником – как водится, единственным и самым лучшим. Дымящееся поле проигранного сражения за право оставить все, как было прежде, – вот что обнаруживает Вайс под не закопченной вывеской «Комсомольский, 77». Именно так и называется первая часть книги, состоящая из 27 свидетельств о разрыве как полном крахе.

Марина Цветаева в «Поэме Конца» старательно фиксирует:

«Расставаться – ведь это вниз,
Под гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладонь, наконец, и гвоздь!»

Александра Вайс пишет о внезапном одиночестве без лишней экзальтации: «Земля против смысла вертится». Что ж, у поэта свои представления о науках – и жить ему отныне предстоит по собственным законам: «Я не раз выключала солнце в своих глазах». И сразу верится, что и это – очень больно.

Но Вайс тут же, ничего не откладывая на постскрипту, являет свой сильный характер: «Было – забыли. Теперь – вперед!». При этом в строчке, полной решимости – «Я дальше еду одна. Так надо» – обнаруживается изящная анаграмма: одна и надо.

Всплыvший в гудящей голове тезис «жизнь продолжается» требует подкрепления – пусть и вербального. И повторяющееся наречие «теперь» – как запасные спасательные круги: а вдруг один из них подведет, указав губительную дорогу на дно?

Теперь развозжу цветы на линии фронта.
И теперь мы по разным клеткам,
Задыхаемся друг без друга.
А теперь остается маяться,
Но не каяться, не зализывать...

Нет ни времени, ни сил уточнить, что именно зализывать поэту не подобает – и с ним соглашаешься: мотив отрицания важнее. Пока важнее. Но важнее всего.

Когда же «настанет свой черед» «остановиться, оглянуться», Вайс продолжает оставаться в парадигме протеста:

Что остается? Пить, писать на чеках,
Переправлять на точки запятые,
Забеливать круги на тонких веках.
Писать стихи – да не свои, чужие.

Универсален ли цветаевский рецепт: «Значит, не надо. Плакать не надо»? Врачу, исцелился сам... И снова включается рефрен «теперь»:

Мне теперь тоже знакомо
Жгучее чувство,
Когда не хватает рифм.

Не страшно совсем, «и это пройдет», и верлибр не отменяет метафоры:

Гадкий утенок так и остался гадким –
Селезень выше других теперь,
Он не спустит обид.

Речь не о прошлых обидах и не о мести – спуску не будет новым обидчикам, если рискнут объявиться. Так будущее время становится настоящим – и только поэзия способна на подобные чудеса грамматики!

А вот еще одна находка Александры Вайс: «И если согласен идти, то путь готов».

Какой роскошный каламбур! Поэт, оживая сам, оживляет и призыв из далекого советского прошлого: «Будь готов!» И как не оценить ловкой подмены понятий, когда, соглашаясь с тем, что «цель – ничто, путь – все», читатель вынужден также признать и то, что никакой не лирический герой, а именно пути-дороги должны быть готовы к первому решительному шагу одинокого путника!

А что это там, впереди? Отнюдь не призрачные надежды на возрождение! Поэтому выработан план конкретных действий. В первую очередь необходимо сменить систему координат. Комсомольский, 77 – это адрес, который забыть невозможно. Но вот больше не появляться там – это вполне реально.

«Чужая квартира» – вторая и заключительная часть книги. В стихах Вайс никак не идентифицируется ни месторасположение нового пристанища, ни обстановка в жилище. Не это главное. Зато прекрасно прочитывается выстраданное: «Посторонним вход воспрещен!» На уровне контаминации поэтом детерминируются полуслова: холодно-горячо, север-юг, небо и земля. Какая уж тут поэтика урбанизма...

Это в прошлой жизни находилось место емкому образу: «Город закрыл на меня глаза». Известное дело, для многих поэтов город – живое существо. Но только в стихах Александры Вайс он за полночь не просто засыпает, погасив свет в окнах домов, нет, он откровенно игнорирует лирическую героиню – и тем самым оставляет ее наедине с самой собой.

Город, выстроенный вокруг «Чужой квартиры», всего за 17 шагов-стихотворений научил поэта не брести, куда глаза глядят, а идти улицей, свыкнувшись со светофорами, чередованием их сигналов. Экстатический хаос отчаяния упорядочивается. В тексте появляется зримое присутствие аэропорта. Героине жизненно необходимо оторваться от земли, от городских реалий, крайне важно взглянуть на проблемы сверху. Смена ракурса произошла – и сразу становится очевидно:

Гореть согласна, но – не прогорать.

Перекресток «топос, хронос, эрос и танатос» поэт миновал. Инициация – случилась. Аэропорт, самолет, уносящий в другой город в новую любовь – все это принадлежит стихии воздуха, Его величеству Ветру. Сдувающему все, ставшее ненужным, заслоняющее высокие помыслы и чистые горизонты.

«Ветер за воротом» - в названии книги кроется намерение автора оставить читателя наедине со своим воображением. За воротом – где это, с какой стороны? За воротник – это относится вроде как сугубо к внутреннему, скрытому под одеждой, под кожей, за грудиной. Ветер же вне ворота говорит нам о чувстве защищенности главного героя повествования, его неуязвимости, независимости от внешних факторов.

В любом случае поэт Александра Вайс не боится простудиться. Ни хреп, ни сип не имеют никакого значения, если –

С каждым неверным словом
Голос теряем мы.

А голос поэту нужен как воздух:

В поэзии – только право на самогонку,
А я-то, смешная, искала гармонию в ней.

В полное горечи признание Вайс умудряется вкраплять игру слов. Да, тут не поспоришь: опьяняет не только алкоголь, но еще и право гнать свою строку – то есть высказываться.

Смешна ли в этом лирическая героиня? Отнюдь. Хотя, безусловно, Александра Вайс не чужда самоиронии. Например, в ситуации, когда «все не то и все не так»:

А к супу не подали ложку,
А к супу не подали супа.

Юмор привычно используется поэтом как защитная реакция:

Сердце осталось в Питере,
Я улетела в Сибирь.
Водочки не хотите ли
И от простуды имбирь?

Классные рифмы окрыляют. Но это еще не все. В предвкушении долгожданной встречи с любимым человека любящего просто-напросто распирает: он чувствует в себе силы вылечить от чего угодно каждого встречного!

Сильная натура не гарантирует отсутствие слабых мест. Об этом поэт говорит открыто:

Господи, если ты есть,
Убереги
От бессонных ночей.

А вот это уже не личная драма, это – катастрофа:

Обернулось консервной банкой
То, что раньше всем миром было.

Черт возьми – вот он, текст для скрябинской «Поэмы экстаза»! Но где же собственная музыка стиха? «Боль обретения себя – увы, с годами, не проходит». Вайс пытается укутать эту боль строчками, и совершенно очевидно: чем их будет больше, тем лучше. Тот самый случай, когда поэзия становится рифмотерапией. Оттого и стихотворения Александры Вайс не длинные – адекватные тычкам и толчкам, исходящим из самого ближнего окружения, потому в большинстве своем и не имеют названия. Едва ли не единственный текст в этой книге озаглавлен – и вновь автор прячет свой кровавый след в неологизм: «Постигнутое на выдохе». Постигнутое лето ощущается как последнее.

Пере усложненная метафорика, в которой ищет спасения поэт Александра Вайс, не всегда выручает. Сразу и не определишь, к примеру, в строке «в легком бреду подпитии – какие здесь части речи? Читательское внимание рассеивается, когда смыслом управляет подобного рода «играмматика». Порой молодой поэт грешит и рваным размером, и неточными рифмами: порыв – открыт, мне – свет. Трудно разделить с Александрой и ее увлечение глагольными рифмами. Хотя, похоже, глагол для Вайс – любимая часть речи.

Подведу итог. Поэту Александре Вайс предстоит смелое освоение поэтической аранжировки, азартное постижение динамики смысловой игры. Ее исповедальные тексты, напрочь лишенные эстрадного напора ала Вера Полозкова, но подкупающие схожей силой намагниченности строк, пока немного неровны – именно поэтому я и не привел в этом отзыве ни одного стихотворения целиком. Да, на сегодняшний день Вайс пишет строчками – и многие из них запоминаются. Так не забудешь женскую пощечину – которую получил или свидетелем которой стал. А все потому, что дана она – в экстазе отчаяния.

КИНОЛИКБЕЗ

Вадим ВИСТИНГАУЗЕН ► КИНОЛИКБЕЗ ПРОШЕЛ – ДА ЗДРАВСТВУЕТ КИНОЛИКБЕЗ!
(заметки искусствоведа)

Итак, шестой фестиваль КИНОЛИКБЕЗ закончил свою работу. Жюри закончило свою работу; золотые и серебряные «Жан-Люки» вручены. Пора подвести некоторые итоги.

КИНОЛИКБЕЗ САМ ПО СЕБЕ

Фестиваль, как известно, возник по инициативе Вячеслава Корнева и его единомышленников, группирующихся вокруг журнала «Ликбез» и Клуба любителей интеллектуального кино Алтайского университета. Первый фестиваль (2010 г.) был чисто алтайским, и даже университетским. Но в программе было заявлено, что на следующий фестиваль ожидаются фильмы «со всех концов света». И действительно, на второй фестиваль пришли фильмы из нескольких российских городов, а также из Украины и Белоруссии. Это изменило статус фестиваля – он стал международным. В дальнейшем география присланных работ еще более расширилась.

Если говорить об организационной стороне, то фестиваль является самодостаточным. Он никогда не искал поддержки со стороны каких-то официальных кругов (кинематографических, административных и др.), хотя всегда был открыт для сотрудничества. Благодаря этому фестиваль смог сохранить свою независимость и оригинальность. Для фестиваля характерна деловая и в то же время непринужденная атмосфера, с ароматом легкого розыгрыша и эпатаажа. Последнее особенно проявляется в проводимых Вячеславом Корневым экскурсиях по музею КИНОЛИКБЕЗА, находящемуся в главной (а сейчас – единственной) фестивальной аудитории – галерее «Республика ИЗО». Но нередко розыгрыши вторгаются и в сам фестиваль.

КИНОЛИКБЕЗ позиционируется как фестиваль «авторского», «независимого», «некоммерческого» и «экспериментального» кино. В Манифесте фестиваля он характеризуется как противостоящий «болоту голливудского ширпотреба» и «повизгиванию на американский лад российских деятелей киноиндустрии». Насколько эти лозунги реальны, мы попытаемся рассмотреть ниже. Фестиваль также заявлен как зрительский. Своя зрительская аудитория у него действительно есть.

Имея свое лицо, КИНОЛИКБЕЗ старается сохранять классическую форму конкурсных кинофестивалей. Во возможность зрителей посмотреть все фильмы программы ограничивается только их собственным свободным временем. Жюри смотрит фильмы одновременно со зрителями, а те могут высказать свое мнение в специальных анкетах. В этом отношении КИНОЛИКБЕЗ более профессионален, чем, например, проходящий в Алтайском крае Шукшинский кинофестиваль. Из программы полнометражных игровых фильмов Шукшинского кинофестиваля зрители могут посмотреть не более одного фильма, при этом, каким-то образом, организаторы ухитряются вручать «Приз зрительских симпатий»; показ программы документальных, короткометражных игровых и студенческих фильмов в 2014 году вообще имел все признаки провала – зрителей фактически не было. Сама программа свидетельствовала о непрофессионализме ее составителей. На КИНОЛИКБЕЗЕ нет денежных премий и ценных подарков, тем не менее, его престиж растет. В последние три года жюри фестиваля возглавляли сначала известный кинокритик Сергей Курдяевцев, а в 2015 году – молодой режиссер Михаил Черняк.

КИНОЛИКБЕЗ И КИНО

О росте престижа фестиваля говорит хотя бы то, что в 2015 году на него поступило свыше 400 работ со всех концов России, а также из стран СНГ и «дальнего зарубежья» (хотя большинство последних сделано живущими там выходцами из России). Примерно половина (а может быть и больше, точных цифр нет), представленных работ составляют фильмы студентов (и недавних выпускников) российских киношкол, в основном ВГИКа, Высших курсов сценаристов и режиссеров и Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. Возможно, присутствуют и работы студентов киношкол других стран. В целом, эти фильмы трудно назвать «независимыми». Главная задача этих фильмов – показать, чему студент научился (или чему его научили). Если же они и несут какую-то печать авторства, то это, скорее, печать той мастерской, в которой студент занимается.

Цель участия студентов киношкол в фестивалях – заявить о себе, набрать баллы для дальнейшего продвижения на большой экран или телеэкраны. В современной России это очень сложно. Кино остается достаточно закрытой областью деятельности, куда людям со стороны пробиться трудно, даже имея диплом ВГИКа. Еще труднее добиться финансирования своего проекта. Но самое трудное – протолкнуть фильм на экранах страны, поскольку отечественный прокат закупорен голливудской продукцией. Многие законченные фильмы не появляются в прокате вообще. Посмотреть их можно только на фестивалях.

Поэтому противопоставление «коммерческого» и «некоммерческого» кино в российских условиях вообще не имеет смысла. Все российское кино – некоммерческое, еще и потому, что получения прибыли, или хотя бы полного возврата отпущенных на постановку фильма государственных средств заранее не предусматривается. Иногда не требуется и представление законченного фильма: отпущенные средства «косвено», и слава Богу! Безусловно, это порождает массу финансовых злоупотреблений.

Строго говоря, коммерческого кино у нас не было примерно с конца 1920-х годов. Опять же потому, что окунемости фильмов никто не требовал (деньги за проданные билеты сразу поступали в местный бюджет). Нельзя сказать, что эта система в те годы была порочна. Нет, она способствовала появлению ряда замечательных фильмов. Но их создатели всегда желали, явно или тайно, зрительского успеха. Ибо, что такое фильм, даже признанный выдающимся, но не востребованный зрителями? По крайней мере – пол удачи. Странно было слышать на фестивале высказывания о «коммерческом» (но, конечно авторском, а как иначе!) кинематографе Андрея Тарковского и Алексея Германа. «Андрей Рублев» собрал менее 3 миллионов зрителей, при нижнем рубеже массового зрительского успеха в 40 миллионов проданных билетов. Фильмы Алексея Германа были еще менее востребованы. Правда, в значительной степени, это объяснялось гримасами советского проката.

Может ли российское кино стать коммерческим, то есть востребованным зрителем? Только в том случае, если наши зрители объявит бойкот американскому кино, а наши кинопроизводители вдруг начнут снимать фильмы, интересные российскому зрителю. Возможно, почва для этого уже есть.

Термин «авторское кино» у нас очень популярен, особенно в определенных кругах. Об авторском кино был специальный разговор на фестивале 2014 г., и там выяснилось, что никто из присутствовавших, в том числе и всезнающий «Mr. Google», не знает, что это такое. Учитывая, что все произведения искусства имеют авторов, термин «авторское кино» – это просто расхожий ярлык, не несущий какого-то особого смысла. У каждого свое представление об авторском кино. В идеальном случае, это кино, которое от начала и до конца делает один человек. Конечно, игровым подобное кино быть не может, поскольку актеры – неотъемлемые соавторы игрового фильма и часто определяют его успех.

ФИЛЬМЫ ШЕСТОГО КИНОЛИКБЕЗА

Всего на фестиваль было отобрано 100 работ, то есть каждая четвертая. Отбор из такого количества фильмов, конечно, тяжелый труд. Просмотреть все фильмы фестивальной программы тоже непросто – они начинают путаться в голове зрителей и вылетать из памяти. Критерии отбора фильмов не ясны. Не исключено, что они вкусовые. В материалах фестиваля многократно утверждается, что его формат – независимое экспериментальное кино. Эти вопросы уже затрагивались выше. Михаил Черняк во вступлении к фестивальной программе уточнил, что имеется в виду отсутствие зависимости от больших затрат на постановку, то есть речь идет о малобюджетном (а иногда – фактически безбюджетном) кино. Что касается эксперимента, то его можно понимать по-разному. Я никакого экспериментаторства в большинстве фильмов фестиваля не заметил.

ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

В этой категории из 91 фильма для показа было отобрано всего 10. Обидно за документальное кино, хотя, возможно, отбирать было не из чего. В целом, от этого раздела осталось чувство определенной неудовлетворенности, как малым количеством фильмов, так и самими фильмами.

«Волк и лошади», Южно-Сахалинск, реж. С. Шумин. Об одиноком голландце на Сахалине, который воспитывает лошадей, надеясь с их помощью воспитать людей.

«Живи настоящим», Москва, реж. А. Зубовленко. Герой фильма, бездомный (или выдающий себя за него) поселился у автомагистрали. Он собирает с проезжих доброхотную дань, выступая в качестве живого экспоната. «Зачем работать? Накормят!»

«Стадные», С-Петербург, реж. И. Желтяков. Фильм рассказывает об оленеводах Русского Севера, которые не собираются отказываться от своего традиционного образа жизни. Впрочем, детали этой жизни не раскрыты, а желания героев фильма быть подальше от современной цивилизации, поданы автором в декларативно-постановочном ключе.

«Тупик», Москва, реж. Д. Тихомиров. Фильм рассказывает о еще одном уголке России, оторванном от большой жизни, тупике старой узоколейки, которая является единственной связью с этим миром. Но и ее могут разобрать на металлом.

«Узбекский плов», С-Петербург, реж. И. Желтяков. Это отнюдь не секреты узбекской кухни (впрочем, один секрет есть, но совсем не аппетитный), а кусок жизни «Блошки» – питерского мелочного рынка.

Все эти фильмы сделаны в одной манере, ставшей в последние годы модной в отечественном документальном кино. Для этого течения характеры маргинальная тематика и маргинальные персонажи, которые часто настолько безлики и растворены в среде, что их, обычно, нельзя назвать героями. Каждый фильм – кусок жизни, но лишенный деталей и характеристик и не имеющий, ни конца, ни начала. Сняты они, преимущественно, общими планами, без движения камеры, захватывая случайные сцены со случайными обрывками разговоров. Закадрового текста нет, пояснительные титры редки. Позиция автора не ясна («Я – только камера!»). Фильмы эти близки к категории визуальной антропологии.

Фильмы «Руки» и «Очень долгая пластинка» стремятся вообще к бессюжетности, и тоже композиционно намеренно не завершены. Первый фильм, по замыслу его автора, К. Жижкевича (Москва), должен рассказать, чем заняты человеческие руки. Но на первое место вышли врачающиеся механизмы, меха гармони и тому подобное. Во втором фильме его автор, В. Морозов (Калуга) манипулирует музыкой, изображением и временем, но даже не пытается создать какой-то образ. Оба фильма воспринимаются как набор неплохих картинок, иногда с неплохой музыкой.

Фильм «Бикини» (Санкт-Петербург, реж. М. Нефедова) посвящен теневой стороне конкурса красоты, кухня которого раскрыта достаточно хорошо. Фильм «Толстый» (Барнаул, реж. А. Есаулов) – интригующее построенный рассказ о благотворном влиянии капитализма на жизнь бездомных собак. Оба фильма строятся по законам игрового кино, причем в первом случае создается впечатление, что это не документ, а актерская игра.

Особняком стоит фильм «Юг едет на Север» (Украина, Харьков, реж. В. Шапошников) – классический пример фильма-интервью, использующего артистизм и обаяние главного героя. Точнее было бы назвать фильм «Запад едет на Восток». Фильм сделан по специальному заказу организаторов фестиваля и рассказывает о группе театралов-кукольников из Харькова, работавших в советские годы в Барнауле, в кукольном театре. Их деятельность оказала заметное влияние на культурную жизнь города. Основой фильма является интервью с главным режиссером театра тех лет – Евгением Юзефовичем Гимельфарбом и может рассматриваться как его кинопортрет. Фильм – живое дыхание недавней истории и он будет интересен всем, кто любит Барнаул. Он был тепло встречен зрителями. На мой взгляд, это лучший документальный фильм фестиваля. Он получил серебряного «Жан-Люка» «За правильный пафос». А золотого «Жан-Люка» за лучший документальный фильм жюри присвоило фильму «Бикини».

ФИЛЬМЫ-ЭССЕ

Строго говоря, некоторые из них вполне могли бы быть включены в разделы анимационного, документального или игрового кино. И настоящих эссе, на мой взгляд, среди них было немного, а некоторые нельзя отнести и к кино вообще.

«М», Москва, реж. Н. Белоусов. «М» – значит метро. Отлично снятые и смонтированные сцены жизни главной транспортной системы Москвы. Скорее это документальный фильм – хорошее наблюдение, но никаких открытий. Учебный этюд.

«Майский снег», Новосибирск, реж. Д. Федорович. У автора какой-то патологический страх перед майским снегом, который он и пытается передать зрителям своей работой. Но я не испугался.

«Преследователь», Финляндия, Хельсинки, реж. Т. Мошкова. О горячих, но плохо воспитанных финских парнях. Это, скорее, неудачная попытка игрового кино.

«Раббиши», Красногорск, реж. А. Липская. «Экшен» о побеге мусорных пакетов.

«Серенада», Барнаул, реж. А. Есаулов. Красивый этюд о прекрасном времени – детстве, на прекрасную музыку Шуберта. Но и в детстве есть свои драмы.

«СКГФ – Самый короткий гениальный фильм», Ленинград (так в программе), реж. А. Пряхин. «Фильм» состоит только из нескольких титров, типичный прикол для студенческого капустника. Встречен он был с невероятным энтузиазмом. Поскольку автор оказался в зале, на него сразу посыпались вопросы, исполненные трепета: «Скажите, что Вы хотели сказать своим фильмом?», и т.д. Этот опус получил серебряного «Жан-Люка» «За nonконформистское кино», хотя это – в принципе не кино.

«Следующей весной в Орианиенбауме», С-Петербург, реж. Р. Лутфуллин. Сообщается, что фильм посвящен памяти Алена Рене. Неплохо снятый садово-архитектурный ландшафт. На его фоне бродят, иногда мечутся несколько молодых людей, издавая временами, ни к селу, ни к городу, странные реплики. Бедный Аллен Рене! Он этого не заслужил.

«Видеть». Украина, Чехия, реж. А. Хмелева. На мой взгляд, это не кино, а заснятый номер студенческого театра эстрадных миниатюр.

«Владимир Ленин. Это не все». Казахстан, Астана, реж. Е. Лумпов. Фильм-портрет, представляющий один из возможных (и узнаваемых) образов В.И. Ленина. В изобразительном отношении сделан очень изобретательно. Фильм награжден золотым «Жан-Люком» за лучшее киноэссе. Забавно, но перед фестивалем я услышал от одного знакомого такую фразу: «Если для КИНОЛИКБЕЗА снять фильм о Ленине, приз обеспечен». Я посмеялся, но так и получилось.

«Сок граната». Украина, реж. А. Давтян, Р. Волчак. Фильм очень совершенный визуально, посвящен вечной для армян теме – геноциде 1915 г.

«Черный человек». Екатеринбург, А. Федоров. Попытка дать визуальный образ содержания известной мини-поэмы Сергея Есенина. Стихи вообще очень трудно совмещаются с киноизображением. Дело, вероятно, в том, что каждый человек воспринимает стихи слишком индивидуально, и у него возникает протест против образов, навязываемыми извне. В данном случае на экране мелькают какие-то здания, стены, с расплывающимися на них неясными тенями. А стихи – о человеческой трагедии.

Фильмы «Добро пожаловать домой». Петрозаводск, реж. С. Пацкевич; «Завтра Совершенного Человека». Москва, реж. Е. Лысова; «Игрушки». Казахстан, Астана, реж. Е. Лумпов я оставил без комментария. В целом, несмотря на мою любовь к данному жанру, программа эссе меня разочаровала. Большинство фильмов не вызвали у меня ни интереса, ни понимания.

ПОЛНОМЕТРАЖНОЕ ИГРОВОЕ КИНО

Из трех полнометражных фильмов я не посмотрел фильм «Ехай», Воронеж, реж. И. Скрынников. Я подошел, когда фильм заканчивался. Через некоторое время из зала на перерыв стали выходить зрители, преимущественно молодежь. Все, как один, задумчивые и молчаливые. Ни болтовни, ни обсуждения на ходу. «О чём фильм?» – спросил я одного из знакомых. «Пока не знаю» – ответил он – «Подумать нужно». Программа подсказала, что фильм поставлен по пьесе Нины Садур. Немного погодя я вспомнил, что пьесу эту видел, в исполнении студентов театральной специальности Алтайского государственного института культуры и искусства (еще не ставшего академией). Я подумал, что перевести такую пьесу на язык кино достаточно сложно.

Вторым полнометражным фильмом был «Раскоп», Россия, Украина, реж. С. Дахин. Фильм посвящен реалиям современной жизни украинской интеллигенции, а также поиску смысла жизни вообще. Сюжет связан с археологией. Зрители живо реагировали на разные археологические шуточки, и я понял, что многие из них лично знакомы с особенностями работы археологов «в поле». Фильм хороший, теплый, и создатели смогли довести его до хорошего конца, несмотря ни на что. Задействованы ли в фильме актеры, или непрофессиональные исполнители, я определить не смог, но все персонажи выглядят вполне органично. Но вот только почему на экране все время такой мрак, часто и лиц не разобрать, а от фигур только силуэты? Плохая работа оператора, или принципиальный прием? На этом я еще остановлюсь. Фильм получил серебряного «Жан-Люка» «За жизнь неутверждающее кино».

Третий полнометражный фильм, «Селитра № 7», Беларусь, Минск, реж. П. Костевич и С. Савенков, я пропустил, но потом смог посмотреть на компьютере. Опять же, это не кино, а плохой театр, вдобавок – безвкусно перегруженный визуальными эффектами.

КОРОТКОМЕТРАЖНОЕ ИГРОВОЕ КИНО

Эти фильмы составляли основу программы (59 работ, в том числе 36 из Москвы и Санкт-Петербурга). Помимо которых мне удалось далеко не все.

«Последний из саарин», Москва, реж. Ф. Ромм. Коктейль на тему кино, снятый в телевизионной манере. Тут и псевдоинтеллектуальная болтовня, и игра в кино, и издёвки над зрителем, и отсылки к известным фильмам. Причем все, включая актерскую игру, крайне фальшиво, не смотря на попытку, в заключение, сделать хорошую мину при плохой игре. В целом, не кино.

«Ночные зимние люди», Москва, реж. В. Полиенко. Попытка психологической драмы, но сделанная очень формально и недостоверно. Есть только проблески в игре главного персонажа (вероятно, П. Деревянко).

«Мэмуары», Москва, А. Ионкин. Попытка комедии. Вор-неудачник пытается стать писателем, но его подводит правдивость: это не сочинение, а показания на следствии. Можно отметить ансамблевую актерскую игру, хотя и несколько утрированную (М. Лященко, Д. Калистратов, А. Саакян, Д. Горбулин).

«Пузырьки», Москва, реж. Е. Сальников. О гримасах взросления в детском летнем лагере. Достаточно узнаваемо («жизненно»). Режиссер-сценарист хорошо поработал с юными исполнителями, а также над их диалогом. Но снято весьма посредственно.

«О закрой свои бледные ноги», Москва, реж. Е. Дакот. О жанре этого фильма я пока однозначного суждения не вынес. Сюжет даже не стоит и обсуждать, так как главное – атмосфера. Стандартное объяснение фильма, как бредового сна главного героя, слишком банально. Автор, вероятно, стремится к авангарду абсурдности. Не будем возражать, так как фильм смотреть, в общем-то, интересно. Прекрасный видеоряд, костюмы (оператор А. Самочадий, художник А. Родионова), отлично использована классическая и популярная музыка (звукорежиссер А. Зубарев). Очень красивая исполнительница главной женской роли (вероятно, Полина Нестерова). Хороший монтаж (кроме режиссера монтировали К. Беленко, А. Нелибина и У. Леонова). Только очень надоедает выскакивающий к месту и не к месту клоун-конферансье. Но, как уже было сказано, все очень не плохо. Когда автору надоест играть в старые авангардистские игрушки, он, надо надеяться, сможет снимать кино, интересное зрителям.

«Полетели», Москва, реж. А. Шахватова. Это не кино, а заснятая эстрадная миниатюра, причем слабая.

«Ракета Кю», Москва, реж. Н. Степанова. Еще один бессодержательный и визуально слабый фильм, с претензией на многозначительность. Пытаться его анализировать – только терять время. Тем не менее, он получил золотого «Жан-Люка» за лучший короткометражный фильм.

«Руслан», Москва, реж. Т. Деева. Вероятно, фильм замышлялся как рассказ о том, как ребенок познает смысл бытия и небытия. Но мы видим на экране просто капризного неуравновешенного мальчика, чьим воспитанием, по-видимому, никто не занимается.

«Свояси», Москва, реж. Д. Колеров. Опять фильм без сюжета и, по-видимому, с глубоким, по мнению автора, смыслом. Разгадывать его я не стал. Нужно сказать, что над видеорядом проделана значительная работа, что может пригодиться впоследствии.

«A.D.I.D.A.S.», Москва, реж. Ф. Константинович. На Землю должен скоро обрушиться большой метеорит. К месту его падения отправляются любители необычного. Кто – просто поглязеть, а вот героиня фильма (Екатерина Кабак) хочет решить свои сексуальные проблемы. У неё что-то не ладится с еёовым партнером. Задача – они прихватывают сексолога с видеокамерой («Меня нет, я – просто камера»). А еще к ним по дороге подсаживается голосующий американский парнишка. Он тоже едет на место падения, но не просто посмотреть, а убедиться, что Россия провалится в тартарары. Это пугает незадачливого любовника, и он высаживается. Но остальная троица упорно движется к цели. Вот все на месте, время пришло, но ... ничего не происходит. Разочарование американца так велико, что он достает шикарный пистолет и стреляется. Но героиня все-таки свою сексуальную проблему решает, в чем ей помогает сексолог: «Полное удовлетворение – по требованию клиента!».

В этом фильме мы видим многие узнаваемые элементы т.н. «большого коммерческого стиля» – дорожный драйв, апокалиптические предвкушения, экстремальный секс и вышибленные мозги в манере Такэши Китано. Что еще нужно зрителю?! А для тех, кто особенно не любит «мерикосов», добавлен окровавленный труп – так будет со всеми, кто желает гибели России! Ну, и для оживления аудитории, – несколько популярных чисто русских секс-терминов. Но не выразительно, так себе. В целом, создатели фильма вполне созрели для вхождения в коммерческое кино, которого у нас, к сожалению, нет. И Запад вряд ли поможет. Фильм, кстати, получил Гран-при КИНОЛИКБЕЗА. Ситуация преинтереснейшая!

«RAW». Москва, реж. В. Виталис. Достаточно прямолинейный фильм-размышление на тему: насколько на жизнь человека влияют обстоятельства, а насколько он сам.

«Будни». Москва, реж. И. Копылов. Фильм о служебных и семейных буднях менеджера автосервиса. Наверное, это комедия. Но грустная.

«Весенняя комната». Москва, реж. А. Луков. Не кино, а комбинация плохого (игры нет, действие затянуто) театра и утомительно скучных слайдов.

«Триста». Москва, реж. А. Боченин. 300 рублей занял у своего друга герой фильма, молодой московский безработный, чтобы заправить машину и заработать денег для семьи частным извозом. Впереди – трудная и опасная ночь разномилого мегаполиса. Но авторы фильма, к радости зрителей, приводят его к благополучному концу.

«Тоня плачет на мосту влюбленных». Москва, реж. А. Коломеец. Этот фильм о молодых людях лишен занимательной фабулы настолько, что его даже можно отнести к бессюжетным. Он держится исключительно на нюансах, полутонах, тонкой актерской игре (В. Гудков, И. Носова, Е. Матвеев, К. Орлова, А. Находкин) и, конечно, на режиссуре. В целом – несомненная удача. Фильм получил серебряного «Жан-Люка» «За умное кино».

«Что тот человек, что этот». Москва, реж. А. Кокорин. Автор фильма, похоже, находится под влиянием Эмира Кустурицы, но ему до прославленного мастера еще далеко.

«Одинокие души микробов», Москва, реж. М. Романовский. Старательное, и не без блеска выполненное учебное задание. Приятные молодые актеры (Артем Ключников, Ася Домская, Татьяна Левина).

«Лес», Москва, реж. Г. Иванец. Ноггот о детях-монстрах. Автор фильма тоже созрел для коммерческого кино, и, наверное, сам это чувствует, так как фильм снят на английском языке (а английские субтитры в московских фильмах – обычное дело).

«Месть», Москва, реж. Г. Солдатов. Прекрасно сделанная экранизация рассказа А.П. Чехова из театральной жизни, хотя и осовремененная. Один из лучших фестивальных фильмов вообще. Получил серебряного «Жан-Люка» за лучшую комедию.

«Железная старуха», Москва, реж. А. Полухина. Добротная, в учебном смысле, экранизация рассказа А. Платонова. Хорошая работа с юным исполнителем (вероятно, Иван Лыгин).

«Сценарий», Москва, реж. А. Смирнова. Снова чеховский театральный сюжет в современном переложении (и вообще перевертыш). Сделано хорошо, но слишком салонно.

«Масоны», Москва, реж. Д. Власова. Занудный, вялый, скучный детский лепет, рядящийся под кино. Но фильм получает Приз зрительских симпатий (золотой «Жан-Люк»). Очень интересные зрители у КИНОЛИКБЕЗА! Гораздо интересней многих его фильмов и их создателей!

«Доставка на дом», С-Петербург, реж. Н. Молчанова. Мрак. Попытка триллера. Изобразительный ряд ужасен своей серостью. О сюжете и актерской игре и говорить не стоит, настолько это смешно и фальшиво. Даже, если рассматривать фильм, как пародию.

«О бренности. Масленичная тема для проповеди», С-Петербург, реж. Т. Сидорова. Экранизация рассказа А.П. Чехова, «по мотивам», с собственным продолжением. Замечательные титры. Прекрасно стилизованный, красивый видеоряд. Не знаю, кто тут больше всего постарался – сама режиссер, оператор (И. Забегайло), художник (Т. Сидорова) или художник по костюмам (не назван). Допустим, что все. Хорошая музыка. Прекрасно подобраны типажи. В общем, все постарались, и очень хорошо получилось.

«Крыса», С-Петербург, реж. К. Королев. Молодой художник упорно держится за старую академическую манеру – и пребывает в нищете. Ему помогает его более современный друг, который гораздо лучше разбирается в маркетинге. Happy end! А крыса – это просто любимое домашнее животное в клетке. Зрителям фильм понравился. Краем уха я слышал, что фильм претендовал на одну из наград, но против восстал кое-кто из жюри. Дескать, это неправда, так не бывает! Но в фестивальных фильмах мы видели много того, что «не бывает». Почему же возмущение вызвал этот? А потому, что он внутренне правдив, хотя и несколько прямолинеен. Мало того, он наводит на размышления об аналогии между итоговым успехом его героя и наградами, полученными некоторыми фильмами фестиваля. И тому и другому способствуют одни и те же, по сути, приемы, когда понты выдаются (и принимаются) за произведения искусства

«БумажникЪ». С-Петербург, реж. Я. Денисов. Еще одна экранизация рассказа А.П. Чехова. И сделанная очень успешно, в чеховских интонациях, и не «по мотивам», как у нас принято оправдывать слишком вольное обращение с первоисточником.

«Кактус». С-Петербург, реж. Е. Максимов. Фильм рассчитан на выжимание зрительских слез.

«Каждый первый». С-Петербург, реж. Н. Котяш. Фильм на очень актуальную тему – о взаимоотношении российских законов и живущих в России людей. К сожалению, он очень схематичен. Сценарий шит белыми нит-

ками, фигуры персонажей достаточно абстрактны, игра актеров формальна, визуальный ряд и монтаж всего лишь функциональны.

«Калхас». С-Петербург, реж. А. Орехова. Якобы, по рассказу А.П. Чехова, столь любимого студентами российских киношкол. Но в фильме не видно и следа Чехова. Думается, в основном потому, что фильм композиционно не завершен. Действие движется, актеры играют, но зачем все это – не понятно.

«Ножницы». Ленинград, реж. А. Пряхин. Автор фильма (а также фильма «СКГФ») – воспитанник киношколы «Кадр». Он как-то ухитряется жить в Ленинграде, хотя он и именуется теперь Санкт-Петербургом. Наверное, это политическая позиция. Но в фильме никакой политики нет. Он также схематичен, как «СКГФ», хотя в нем все же фигурируют люди, а не надписи. Фильм, якобы, направлен против семейного насилия. Ну-ну!

«Огонь по штабам», С-Петербург, реж. С. Груша. Опять скучный и затянутый, фильм «ни о чем», но из жизни актеров.

«Во всем виноват сценарист», Украина, Киев, реж. О. Филиппенко. В названии можно усмотреть попытку оправдаться. Но ведь автор сценария и режиссер – одно лицо! Это вообще не кино, а плохой и плохо заснятый театр (не потому, что действие и происходит в театре). Двое на сцене, зал пуст – и правильно. Стоит ли такое смотреть? Надо пощадить себя.

«Современное искусство», Казахстан, Алматы, реж. М. Кодаров. Художник делает картины из крови и расстрелянных мозгов неосторожных посетителей его мастерской. Если говорить о жанре, то это можно определить как фильм-прикол. Остальное не обсуждается.

«Облако в казане», Казань, реж. С. Шумин. Из этого фильма я вынес только одно – не надо ездить в Казань, где балом правят пьяные хулиганы. И всем не советую.

«Реконструкция бессонницы», Беларусь, Минск, реж. Н. Василевская. Каюсь, на просмотре не смог удержаться от того, чтобы не задремать. Поэтому думаю, что его вполне можно рекомендовать как средство от бессонницы.

«Кукла», Нижний Тагил, реж. В. Уфимцев. Экранизация рассказа Рея Бредбери, достаточно удачная, но в тоже время несколько формальная. Фантастичности не хватает..

«900 секунд». Беларусь, Минск, реж. Р. Сенеко. Внешне жанр фильма – научная фантастика. Но по сути, это фильм-размышление, а еще точнее – фильм, побуждающий к размышлению, хотя в нем есть и шутливый оттенок. Толковать его можно совершенно по-разному. Надо отметить отличную актерскую игру в столь сложном фильме. Но, почему-то не все актеры названы в титрах.

«Аномальное поведение». Россия, Таиланд, реж. Е. Тамахин. Врачу – исцелился сам! Так можно определить смысл этого фильма. Смотреть его интересно, хотя повороты сюжета и поведение героев слабо обоснованы и их приходится принимать как данность.

«Возвращение во взрослую жизнь». Кемерово, реж. М. Бондаренко. Очередной опыт бессмысленного кино, к которому тяготеет этот режиссер. Но определенный прогресс виден: фильм короче его прошлогоднего (отеченного призом) опуса и в нем начинают проступать и жизнь и кино. Фильм, конечно, получил серебряного «Жан-Люка» «За новаторское кино».

«Главный кокон». Новороссийск, реж. М. Казаков. Опять не кино, а заснятый студенческий театр эстрадных миниатюр. По смыслу – довольно глупая агитка на тему российско-украинских отношений.

«Кольцо». Латвия, Резекне, реж. Лариса Щукина. Прекрасный образец выразительного фантастического фильма, снятого с минимумом постановочных средств.

«Ужин». Новосибирск, реж. А. Протоковило. Фильм, наверное, надо отнести к сюрреалистическому кино. В изобразительном отношении он прекрасно сделан – яркий, динамичный и … алогичный.

«Кость в горле». Рубцовск, реж. Г. Парфов. Один из немногих алтайских авторов и завсегдатай КИНОЛИКБЕЗА, скрывшийся, на этот раз, под прозрачным псевдонимом, тяготеет к философско-фантастическому кино. На фестиваль он представил необычную, но интересную историю, о конфликте ее героя с застрявшей у него в горле говорящей (!) рыбьей костью. По всем основным позициям (сценарий, операторская работа, монтаж) фильм весьма совершенен. Соавторами сценария являются Евгений Сокольских, Сергей Нагайцев и Олег Канин. Последний из них – участник фестиваля 2014 года живет в Новоалтайске. Такое сотрудничество двух алтайских городов и нескольких авторов очень интересно, и, как мы видим, плодотворно. Радует также хорошая актерская игра (Евгений Сокольских, Дарья Егорова). Фильм получил серебряного «Жан-Люка» за сценарий.

«Покорить Майю». Великобритания, Лондон, А. Боровикова. Интересно построенный фильм с увлекательной романтической интригой.

«Трудовые Резервы». Химки, реж. М. Алихманов. Фильм о жизненных ценностях и приоритетах. Он несколько прямолинеен и плакатен, но, в общем, неплохо сделан.

«Утюг». Узбекистан, Гулистан, реж. Б. Юлдашов. О том, как забавная шутка может закончиться травмой. Комедия? Нравоучение? Не ясно.

«Стерва», Магнитогорск, реж. В. Абих. Неплохо сделанная комедия нравов. Вот только это скорее не смешно, а грустно.

«Зоин день», Кемерово, реж. Ю. Волкова. В этом скромном, но почти поэтическом фильме чувствуется трепет человеческих душ, в этом его несомненная сценарная и режиссерская удача. Хорош также исполнитель главной роли. Но видеоряд ужасен, хотя, возможно, это так и замышлялось.

«Террорист», Уфа, реж. В. Валиуллин. Фильм можно оценивать только как учебное упражнение.

Это все фильмы, которые я смог посмотреть. Что еще можно сказать об игровых фильмах «в целом»? Во-первых, радует довольно неплохой, в среднем, уровень актерской игры. На нашем телевидении дело с этим обстоит просто ужасно, а в нашем «большом» кино – только чуть-чуть лучше. Правда, в обоих случаях, на актерскую игру влияют и бессмысленные сценарии и беспомощная режиссура. Что играть, если нечего играть?!

Во-вторых, во многих студенческих фильмах видна все же упорная сценарная и режиссерская работа. Будем считать, что это – обобщенное достижение студентов и их мастеров. Это тоже радует, так как о наших киношколах наговорено и написано много плохого. Будем надеяться, что не все так плохо, тем более, что отдельные фильмы показывают пример комплексной, как и должно быть в настоящем кино, работы.

Но, во многих случаях, визуальная составляющая фильмов удручет. И дело не в плохой аппаратуре, а в ее плохом использовании. Многие фильмы (и документальные тоже) просто лишены света. Может это последствие неуемного увлечение минимализмом «Догмы-95» и некоторых близких ей направлений?

Фильмы, снятые вне киношкол, в среднем несколько проигрывают московским и питерским, в первую очередь – в актерском и сценарном отношении, а также из-за отсутствия продуманного изобразительного решения, так как художников в них нет. Но иногда эти недостатки удается обратить во благо. Другое достоинство этих фильмов в том, что они более свободны.

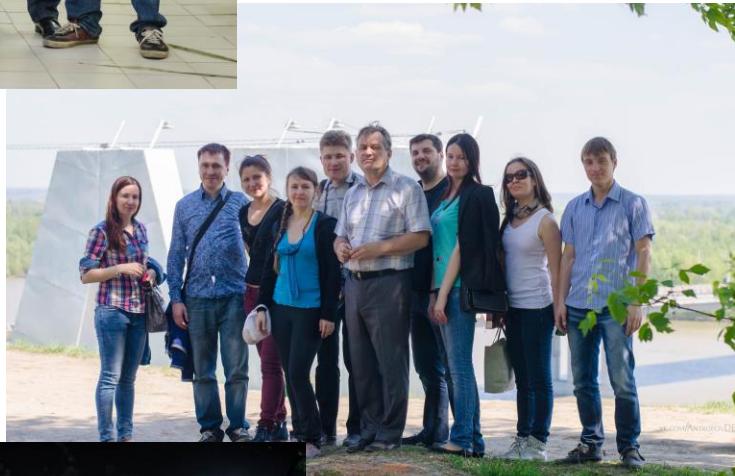
ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ КИНОЛИКБЕЗ И КУДА ОН ДВИЖЕТСЯ?

Не может быть сомнений, что КИНОЛИКБЕЗ сейчас – это площадка показа студенческого, в основном, кино, площадка знакомства с ним жителей Барнаула и края, и площадка учебы региональных кинематографистов

(истинных независимых). Площадкой для экспериментов КИНОЛИКБЕЗ не является, если не считать освоения чисто учебных задач. Хотя на фестивале встречаются работы, имеющие признаки эксперимента, за него чаще выдается наивное отрицание законов кино или детская игра в кино. А в лучшем случае – эпатажная шутка.

КИНОЛИКБЕЗ движется в сторону зрительского кино, и шестой фестиваль это ясно показал. Движение это продолжится, так как оно усиливается в главных фильмах фестиваля – работах студентов киношкол.

К сожалению, наметилось «вымывание» региональных фильмов из программ фестиваля, в том числе и подлинно экспериментальных работ. Это печально, поскольку в современной ситуации только региональное кино способно влить свежую кровь в жилы дряхлеющего киноискусства.

фотографии Даниила Антропова

Михаил ЧЕРНЯК ► БАРНЕО-2015 (заметки председателя фестивального жюри)

---

13 МАЯ. Железная птичка «Аэрофлота» нежно проносит наши пасмурные телеса через пол России. Эка невидаль: Москва – Барнаул. Почему так вкусна пластиковая пища на высоте 10 тыщ? Почему я больше не боюсь летать и не обмираю от вида облаков? Потому что я очень старый маленький мальчик, который всегда мечтал погибнуть в авиакатастрофе. Ведь более прекрасную и романтичную смерть в современном картонно-пенопластовом мире придумать сложно. Да-да, именно так: фарш из железа и плоти, шоколадный запах керосина, торжественность звёзд, да тёмные ангелы по углам. Вот ведь ересь! На деле – я густо люблю картон и неприлично обожаю пенопласт. Ведь что есть кино, как не способ интерпретации действительности. Просто как валенок. Страшно до жути. Далее – бесконечная пустота. Барнаул – горох грехов? Ах, если бы!

Бывает кино, которое: хорошее, понятное, доброе, оценка пять, живите долго и счастливо. Если проще: слишком много головы и слишком мало страсти. Всё продумано, просчитано, проанализировано; автор с табличкой «интрига, идея, смысл» стоит возле зрителя и тупо мешает спать, негодяй. Кино как сон: не важно ужасы или эротика, но просыпаться надо с мокрыми трусами и слюнявыми подушками. Слово не воробей, перо гусиное.

NB. В 17-м веке за словоблудие отрезали языки, за графоманию – отрубали руки. Предлагаю теперь провести лоботомиюшибко умным авторам. И подпись: кино про инвалидов, сделанное инвалидами для инвалидов.

«Доставка на дом». В рамке короткого метра фильм получился чёткий, вкусный. Мой тезис: короткометражное кино самостоятельной ценности не имеет. Дilemma: каким образом авторы названного фильма будут из узкого колечка анекдота переходить в полноценную кино-форму? Мой главный вопрос всем участникам короткометражных конкурсов. У вас, имярек, замечательный фильм. И дальше что? В данном случае – туман. Кому-то просто сырость, кому-то божество. И здесь уж судить не мне.

«Во всем виноват сценарист». Среднестатистический зритель оценил эту работу не слишком высоко. Вопрос, что важнее: сиюминутная оценка маленькой работы или же перспектива будущего развития формы. Ибо в данном случае перспектива для развития есть: фактура пластиична, материал живой.

«Последний из сарацинин». Энтузиазма много, содержание пока отстает. Что дальше? Моё мнение: нужны следующие эксперименты. У автора есть силы на это? ВГИК-то заканчивается.

«Современное искусство». Предлагаю авторам снять ещё одну короткометражку, после чего подумать об эволюции собственного творчества. Повторю: сужу не я, судить не мне.

«Мэмуары». Гопота – тема чернозёмная. Что ни посади, растёт хорошо. Что дальше? «Мэмуары 2-3-4»? «Револьверные пацаны»?

«О бренности. Масленичная тема для проповеди». Ощущение, что технические возможности автора опережают творческие. Что интересно будет, если попробовать упростить декорацию. Одна бренность? Или масленичная проповедь?

«Пузырьки». Фильм прозвездился в Москве, какое ему дело до моих слов.

«Ночные зимние люди». Из описания к фильму: «...может и с любовью что-то прояснится?». Не прояснилось. Скука бытия.

«О закрой свои бледные ноги». Тот несчастный случай, когда фантазия сильно опережает реальные творческие возможности авторов и превращается в итоге в унылую бутафорию.

«Облака в казане». Для сложной мастерской Суриковой-Фокина – работа достойная.

«Огонь по штабам». Для меня – лучший питерский фильм в программе короткого метра. Автор суворово и строго смотрит на действительность. Честный финал ловко разбивает столь свойственную северной столице со спивую романтичность.

«Одинокие души микробов». Автор этой работы – мой однокурсник. По секрету скажу, что это лучшая его работа, серьёзный творческий прорыв.

«Папа, прощай». Фальшивое, злобное кино. В данном случае говорю прямо, потому что фильм из откровенно корыстных соображений заигрывает с «высокими» чувствами (мёртвый отец, спасённая проститутка, раскавшийся сын). Таков ваш выхоп от покаяния? Ок. Теперь мне только ещё больше хочется убить отца, отрапортировать всех проституток на свете и, – на фоне лубочного хэппи-энда, – сгореть в адском пекле.

14 МАЯ. Что есть кино, как не способ освоения пространства. Мой диагноз: хронический солипсизм. Крепкий чай, потухшие в ночь фонари, праворукое такси. Слева вы можете наблюдать: амплитуда, молекула, музыка. В Москве снимать студенческое кино невозможно: концентрация хаоса на единицу пространства запредельна. В Барнауле снимать кино можно, но некому: все в Москву уехали, дабы заполнить ячейки чужой индустрии. Вопрос знатокам: почему Голливуд так резко победил всех? Раз, два, три. Ответ очевиден: потому что там пальмы, свежий морской воздух и центральный офис масонской ложи.

«Ехай» (полный метр). Респект автору за смелость, но это должен быть короткий метр. Дело не в деньгах. Случилось «несоответствие идеально-художественного замысла объёму повествования».

«Полетели». Хороший фильм. Ругать не буду. Всё ж таки дебют.

«Ракета Кю». Что мы имеем. Автор не пытается мне впарить никакую идею. Это уже подозрительно. Автор не пытается мне объяснить происходящее, в смысле того, как тупым школьникам впаривают элементарную математику: даже если непонятно, кивай, болванчик, кивай. Автора вообще не интересует ничего, кроме собственной самобытности. И тут наши диагнозы совпали. Про что кино? Мы никогда не будем здесь счастливы – ложь!

«Реконструкция бессонницы». Всё было хорошо, пока усы Андрей Арсеньевича не обмочились в молоко. Какую злую шутку сыграл Тарковский с наивными студентами.

«Руслан». Чем меньше девочку мы любим, тем больше нравимся мы ей. Это только кажется, что перед такой красотой шансов у меня нет. Дьявольская улыбка!

«Свояси». Надеюсь, спустя время (которое, конечно, не существует), авторы осознают, что на деле получилось далеко не всё. Не работает, например, кадр с человеком, скучающим в белой комнате. Провисли все небесные пейзажи. Это не критика. Даже я знаю, как сложно извлекать уроки из собственных ошибок. Необычайно изощрённая форма гордости.

«Стерва». У человека, возможно, большое сериалное будущее. Не в обиду! Всех люблю на свете я, это Родина моя. И травинку, и листок, в поле каждый колосок... Ещё ж понять нужно: кому какое будущее.

«Сценарий». Схематично, патриотично, эротично.

«Сцены у моря». Самый плохой фильм программы! Можно продать душу дьяволу, но если человек сознательно лишается последней капельушки самоиронии, то это реальная вилка.

«Террорист». Наглядный пример.

15 МАЯ. Что есть кино? Интеллектуальная авантюра. Материальная увертюра.

Селись в гостинице. Обещали проституток. Видимо, не в этой жизни. Судя по звукам кроватей, в соседней комнате гуляют Шукшинята. Я не завидую. Я не завидую.

«Раскоп» (полный метр). Шикарный дебют моего товарища. Хвалить не буду, а то зазнается.

«A.D.I.D.A.S». Деньги жгут мне ляжку. Народ к разврату готов!

«Крыса». Самый плохой фильм программы №2! Момент, когда я понимаю, почему «простой народ ненавидит искусство». Дорогой автор, послание не тебе. Помни: у меня хронический солипсизм.

«Кукла». Странная выразительность главного героя находится несколько в рассинхроне с общим посылом сюжета. Рискну предположить, что это может быть связано с возрастом братьев Уфимцевых.

«Лес». В рамке фантазии: сценарист наваял схему драматургии этого фильма по книге «Как создать гениальный сценарий». Завязка на 3-й минуте, центральный поворот на 7-й, герой в конце радикально меняется. Комплимент, аплодисменты, тупой зритель плачет у телевизора. Глава 11-я, пункт 8-й: главная ошибка начинающих синефилов: неспособность адекватно оценить длину предлагаемого сюжета. Моё мнение: заявленный драматизм надо было разворачивать минут на 30-40. Понимаю, формат тухлый. 14.59? Понимаю, фестивалей хочется побольше. А так: англичанин хороший, мальчик хороший, девочка на подхвате. Но все куда спешат, спешат, спешат. Жить? Нас обманули! Как создать гениальный сценарий – я понятия не имею.

«Личное дело». Вот. Автор не испугался длины. Человек не испугался вины. Очень хороший фильм. Никогда не говорите правду!

«Угодье». Фильм побывал на Каннском фестивале в уголке короткого метра. Угодье в уголке.

«Надежда». Про добroе кино ничего не знаю. Я тёмный рыцарь.

16 МАЯ. Кино похоже на запуск космического корабля. Чтобы 1 полетел, 10 должны взорваться. Ракетное топливо горит эффектно и драматично, дорого и долго. Иногда вместе с людьми.

Такси «Максим» работает чётко. Такси «Наташа» поёт народные песни. Россия – США: 4 – 0. Впереди – канадский позор. Никто не знает будущего. Ах, какая скуча!

«Селитра №7» (полный метр). Кино, сделанное с удовольствием. Как известно, на свете нет ничего идеального. Даже у будущего победителя полнометражного конкурса есть к чему придаться. Перенасыщенность те-

левизионной мишурой. Аляповатость некоторых фактур. Не самая убедительная анимация, возникающая подчас не пойми к чему. Однако драйв и эмоция побеждают любые «не». Ура!

«900 секунд». У «простого и доброго» белорусского кино (глобально) есть только одна опасность: излишняя наивность. Идеализация действительности суть коварный вид спящего в углу фанатизма. С другой стороны, на российское кино точно оборачиваться не надо.

«RAW». Младший брат Юлия Цезаря умел хорошо делать 3 вещи: плакать, жаловаться и донашививать вещи. Если Вис Виталис хочет быть братом старшим, то придётся перешагнуть ещё и через множество трупов.

«Аномальное поведение». Типичное ВГИК-овское кино «ни о чём». Единственная убедительная сцена – наркоманская. Кажется, про наркоманов мы уже видели, причём на любой вкус. И в Таиланде мы тоже потусовались. Я никогда никому не признаюсь, но, кажется, однажды переспал по пьяни с трансвеститом. Мейерхольду сломали все пальцы, затем утопили в канализации. Жизнь ужасная штука. Здесь мне судить можно. Все мои фильмы также «ни о чём». Я вообще, кажется, типичный вгиковец.

«Будни». Никогда не думал, что задам это вопрос: мораль какая? Констатация проблемы – это даже не половина: четвертинка, чекушка.

«БумажникЪ». Типичное питерское кино. В этой «типичности» сквозит сырьем сквознячком определённая даже печаль. А где же злость, где же страсть? Искусство, конечно, но какое-то кастрированное.

«Весенняя комната». Даниил Хармс умер от голода в 1942 году в психушке. Тайную тетрадь писателя сохранили друзья. Спустя 40 лет «идиотскую прозу» впервые опубликовали. С тех пор голодная интеллигенция издевается над психами. Притча.

«Возвращение во взрослую жизнь». Не смотрел, но осуждаю.

«Главный кокон». Совет начинающим авторам: даже если вас тошнит, не переставайте улыбаться. Уголки рта разрешается держать руками.

«Железная старуха». В фильме случилась фальсификация литературного первоисточника: в оригинальном сюжете автор (Платонов) персонифицируется не мальчиком, но страшным лесным чудищем, железной ведьмой. И в итоге суровый беспощадный смысл разменяли на славашкий кисель.

«Зоин день». Отличный фильм! В условиях жёсткой конкуренции остался в итоге без призов. Однако есть опасная гипотеза, что награда всегда находит своих героев.

«Масоны». Даша, привет! Через 4 дня вручу тебе приз в «Шоколаднице» на Тверской. 2-й этаж.

17 МАЯ. Кино, вино и домино. В ночь музеев молодёжь нестройными, но скромными рядами прогуливается по целомудренным улицам загадочного города Барнео. Иду и я. Как-то стрёмно. Федя такой маленький, а мир такой большой. Единственный на 10 кварталов клуб назывался «Морс». После 6-го пива стал «Марс». Пролетарии всех стран – спите сладко!

«Кактус». Очень выразительные вставки из театральных постановок. На их фоне остальной материал откровенно тонет. Показательный момент.

«Каждый первый». Уже говорилось про фильмы, которые пытались в рамку скромного метража впихнуть невпихуемое. Так вот здесь обратная картина. Хочется порубить историю до общего метража 7-8 минут. Несмотря на все подпорки и перипетии, сюжет по сути буксует на одном месте.

«Калхас». Фильм хороший. Стиль, тон и вкус Михалкова в сюжете отражены. Теперь вопрос автору: а как вы собираетесь преодолевать царский авторитет мэтра? Что противопоставить такой машине? Ибо если этого не сделать, вы всего лишь последыш. А вот хорошо это или плохо – судить уже не мне.

«Кольцо». Из описания фильма: «...всю жизнь человека преследует одиночество». Меня не преследует, уж простите.

«Ужин». Ну и что, что пластиат. Сделано-то вкусно.

«Ножницы». Понятно, что автор в поиске собственного стиля. Данное кино про насилие. Во-первых, как бы оригинально не был закручен сюжет, разложить такую тему в 4 минуты невозможно. Во-вторых, Алексей, вы действительно хотите снимать остро-социальное кино? Вас били в детстве родители и одноклассники? Не я спрашиваю, спрашивает злой критик. О, отвечать тоже нужно – не мне.

«Кость в горле». Яркий пример тезиса о том, что «лучше плохо снять хорошее кино, чем хорошо снять плохое». Без учёта того, что «хорошо» и «плохо» вообще понятия относительные, можно с уверенностью сказать, что большинство технических и локальных творческих недочётов всегда с лихвой искупаются целостностью авторской и режиссёрской концепции.

«Покорить Майю». В плотном калейдоскопе конкурсных российских фильмов, утверждающих в большинстве своём любимый арт-хаузный топик «как страшно и тошно жить», нехитрая по сути английская мелодрама «Покорить Майю» смотрелась посланием с другой планеты. А ведь кино милое, кино звонкое! Уверен, на другой планете есть другие Жан-Люки. Вручаю их вам, Майя!

«Триста». Кино сделано в модном жанре кино-клип. Но мода дело непостоянное. Собственно, как и всё под этой луной.

«Трудовые резервы». Довольно бодрое кино. Важно только, чтобы автор не свалился в своих будущих проектах до плоского пафоса социальной рекламы. Свалится? Не свалится? Можем попробовать ставки сделать. Бутылка кубинского рома, что свалится!

«Тоня плачет на мосту влюблённых». Поругать. Или похвалить. Автор, конечно, тот ещё гусь. Важно, чтобы не гей. А то я как-то не очень к этим. Хотя какая разница?

«Месть». Друзья, чтобы вырваться из-под власти олимпийских богов, придётся вырвать печень, переспать с циклопом и жениться на медузе.

«Утюг». Спору нет, очкарик очень фактурный!

«Что тот человек, что этот». В общем да. Если уж Кустурица, то надо падать в говно и вытираться потом белыми гусями.

Барнео, май 2015 года. Отставить истерику!

фотографии Даниила Антропова

Евгений ЛУМПОВ ► АНТИДИВАННОЕ ВОЗЗВАНИЕ (удаленные заметки)

Не знаю, какими окольными путями гражданин Черняк набрел на вывод о том, что кино – это диван, но уверен, что это было увлекательно. Во всяком случае, в этом я себя убеждаю, потому, как на фестивале, в городе-побратиме Барнауле с 13 по 17 мая сего года меня не было. И как все натуры, обращенные творчеством в нарциссизм, я надеюсь, что все, кому я знаком это заметили. На всякий случай привет всем, включая гончара Гычева и Деда Мороза из Музея счастья!

Так вот... О чём бишь я... Лекции председателя не слышал, не видел, но образную тему пожалуй поддержу в этом послании, потому как нынешний фестиваль я наблюдал с дивана. Только представьте: удобно уселся, мысленно поблагодарил высокоскоростной интернет, сделал пару кликов... Ну, какой плацкарт, какой вагон, о чём вы?! А в последний визит я вообще 13 часов автобусом возвращался, и это только половина пути была! Нет, уж лучше я здесь... на диване... Но, погодите, не начинайте меня ненавидеть и обвинять в буржуазности. Комфорт и легкость – это все иллюзии тех, кто ни разу не был на фестивале. Друзья, я пережил ад! Каждый день с фанатизмом домохозяйки я ждал выхода новой серии – это уже испытание. Затем, дождавшись, я в каждом кадре видел тех, с кем смотрел/обсуждал/снимал кино, с кем жарил и ел шашлыки, на кого проливал кипяток в «Республике ИЗО»... ну, ладно, последнего никогда не случалось... но, если бы случалось, я бы и это вспоминал с ностальгией... наверное. Черт, да я бы даже сейчас нашел дорогу от дома Вячеслава Вячеславовича до этого сакрального места. (Кхм... Дорогой В.В., если вдруг вы считаете и свой дом сакральным местом, то следующее предложение специально для вас, вроде режиссерской версии послания). Разве можно заблудиться в дороге между двумя сакральными местами! Особенно, если в одном ты получал аплодисменты и «Золотого Жан-Люка», а в другом дружеское гостеприимство и мясо по-французски! Я был счастлив в те приезды, и ненавидел свой диван в период с 13 по 17 мая сего года так, словно это он отказал мне в фин помощи и отменил железнодорожный рейс сообщением «Караганда – Новокузнецк». А вы говорите – буржуа!.. Не говорите? Ну, слава богу, я в вас и не сомневался, друзья. Поверьте, всем вам, и даже тем, кто уехал без драгметаллов, повезло гораздо больше. И если вы в этом сомневаетесь, то просто останьтесь дома в следующем году. Посмотрим, как вы запоете!

Давайте серьезно. «КИНОЛИКБЕЗ» – штука уникальная. И я это говорю не в благодарность за приз или за то, что только на этом фестивале мою кинорефлексию признают чем-то серьезным и значимым. Я этого говорю, потому, что я его видел и ощущал, товарищи! При мне Жерар Депардье с Сашей Грей наконец-то познакомился! При мне создавался Пятый Интернационал. Это вам не ворс на подлокотнике расправлять! Я, товарищи, «Адаптированных» из рук создателей получил, а не на торренте скачивал. Все было как будто вчера. А выходит позавчера. Вчера я сидел на диване с 13 по 17 мая и просто наблюдал. Да, мои фильмы – это я, но на вопросы они не ответят и на общей фотографии не улыбнутся. Поэтому, я рад за них вдвойне – у них вышло то, чего я не смог – преодолеть пару-тройку барьера. Может быть, в этом сила искусства? Оно не знает границ и не подчиняется обстоятельствам. Оно живет вопреки. А зная, что где-то есть пара сакральных мест, оно тем более отправляется в путь уверенно. Попробуй, останови его!

Непременно будет «Эхо», непременно будут показы. В том числе и в моем городе. И мало-помалу представление о прошедшем фестивале сложится, укрепится и займет свое место в памяти, но мысли о несъеденных в перерыве печеньушках, о незаполненных анкетах и не сплетенной из соломы куклы вуду с именем Оскар Голливудович, будут мучить еще долго. Хорошо, если они сублимируются во вдохновение и новые фильмы!

А если в бессонницу, болезненные самокопания, сомнения, уход из профессии, работу грузчиком на свежем воздухе и перманентную ненависть ко всему, что связано с кино?! В себе-то я уверен – со мной не случится такого. Но если кто из вас вдруг в себе сомневается – не рискуйте – приезжайте на «КИНОЛИКБЕЗ».

Это вам не Канны, там все серьезно. Видите, сколько букв я сложил в слова с досады. А вы говорите – диван! Я вам так скажу товарищи, и высеките себе это в мраморе: Смотреть «КИНОЛИКБЕЗ» с дивана – все равно, что в шубе любовью заниматься – процесс вроде есть, а удовольствия никакого!

Ани ПЕТРС ► КИНОЛИКБЕЗ БЕЗ КУПЮР (заметки и интервью)

Несмотря на то, что всех Жан-Люков уже раздали, коротко расскажу о каждом фестивальном фильме и, быть может, тем и буду кому-то полезна.

Сто картин – сто мини-рецензий. Оговорюсь сразу, что кинокритиком я не являюсь, потому моё мнение о фильмах, в первую очередь, – мнение зрителя (однако филолог и искусствовед во мне не дремлет, так что не такой уж из меня и безобидный и наивный зритель).

Итак, приступим.

КОРОТКОМЕТРАЖНОЕ ИГРОВОЕ КИНО

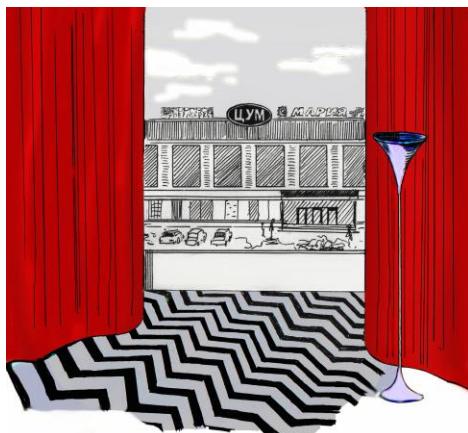

рисунок Михаила Чурилова

900 СЕКУНД (Беларусь, Минск, Р. Сенеко) Фильм о том, как важно с самого детства тренировать в себе силу волю и не поддаваться искушению соблазнов. Вроде бы фильм не плохой, но что-то в нем не то, не оставляет чувство недоделанности, полусырой он какой-то.

АНОМАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (Россия, Таиланд, Е. Тамахина) Не могу ничего толком сказать, как то всё сенько и невзрачненько, проведенные двадцать минут перед экраном для меня были подобны пытке. Идея фильма прозрачна, но сама картина хромает на обе ноги, уж извините.

БУДНИ (Россия, Москва, И. Копылов) Хорошая картина, с юмором – это анекдот? Безысходность какая-то.

БУМАЖНИКЪ (Россия, Санкт-Петербург, Я. Денисов) Картина по мотивам рассказа А.П. Чехова – прелест просто! Замечательная работа всей съемочной группы, игра актеров, на высшем уровне декорации и воссозданная атмосфера России конца XIX века. Не поняла, правда, в чем тут новаторство, ну да ладно. Спасибо большое вам, ребята!

ВЕСЕННЯЯ КОМНАТА (Россия, Москва, А. Луков) Слишком философская притча, грубая и нудно назидательная. Не знаю как вам, мне же не нравится, когда мне тыкают в нос готовыми смыслами у порицают за поступки, мной не совершенные, а если и совершенные, то тут же все всё знают, как и почему, и в чем онтологический смысл всего и всё такое – ай, какие молодцы! Выходите чаще на улицу и общайтесь с людьми и будет все хорошо. А сравнивать театр и кино всё равно, что судить о том, что лучше, яблоко или груша.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТ СЦЕНАРИСТ (Украина, Киев, О. Филипенко) Если Вы читали Ф. Рабле, М. Бахтина, З. Фрейда, М. Фриша, Ф. Ницше и т.п., то просмотр фильма доставит Вам хоть какое-то удовлетворение. На время может показаться, что еще не все потеряно, когда девушка вдруг говорит, что забыла текст, однако очень скоро понимаешь, что всё еще хуже, чем предполагалось вначале. Хорошая работа оператора и монтажера также не вытянет картину в ударники кинофронта.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ (Россия, Кемерово, М. Бондаренко) Гм... Еще раз гм. Был один забавный момент, на этом всё.

ГЛАВНЫЙ КОКОН (Россия, Новороссийск, М. Казаков) У современного информационного общества главная проблема – информационная. Беда в том, что те, кто видят, как других замуровывают в кокон, уверены в том, что сами находятся вне опасности, на верной стороне. Иронично наивная картина.

ГОЛОД (Россия, Москва, Т. Галеев) Хорошая музыка в фильме. Всё.

ДВЕРЬ (Россия, Москва, И. Плечев) Фильм о том, как важно вовремя вломиться в нужные двери. Мне не понравился.

ДОСТАВКА НА ДОМ (Россия, Санкт-Петербург, Н. Молчанова) Замечательная пародия на классический триллер, с юмором, отсутствием перегруженности как в плане идеи, так и в ее реализации. Очень удачно, на мой взгляд, подобран типаж главного героя.

ДРУГИЕ ЛЮДИ (Россия, Москва, К. Косолапов) Очень хороший, добрый, теплый фильм, без «но».

ЖЕЛЕЗНАЯ СТАРУХА (Россия, Санкт-Петербург, А. Полухина) Фильм, снятый по одноименному рассказу А. Платонова (точнее - по мотивам, конец то переврали, но это уже другое искусство, делайте с текстом что хотите!). Очень хорошая картина, цельная, ничто не выбивается, всё органично дополняет друг друга, хорошая цветовая гамма и вся атмосфера в общем, молодцы.

ЗОИН ДЕНЬ (Россия, Кемерово, Ю. Волкова) Неплохой фильм, хорошо снят, неплохо сыгран, замечательный главный герой. А Г. Малер - кого угодно с ума сведет, это верно...

КАЖДЫЙ ПЕРВЫЙ (Россия, Санкт-Петербург, Н. Котяш) История о нелепостях и превратностях жизни, о фантастической педантичности работников милиции в неподходящий для их жертв момент, уложенная в очень длинный метр - я б сократила.

КАКТУС (Россия, Санкт-Петербург, Е. Максимов) Хороший фильм с замечательными театральными вставками, трогательный, тихий и красивый, рассчитанный на чувствительного зрителя.

КАЛХАС (Россия, Санкт-Петербург, А. Орехова) Для того, чтобы станцевать лучший танец в своей жизни, нужно, чтобы вам было невероятно плохо и чтобы вас никто не видел. Фильм неплохой, сыпется, правда, ну да бог с этим!

КОЛЬЦО (Латвия, Резекне, Л. Щукина) История о кольце Толкиена на современный лад, только пиши так Толкиен, как снят фильм, не было бы у него фан-клуба и тысячного тиража изданий, это точно. Картина переиграна, слишком театральна, героиня постоянно куда-то попадает и безустанно удивляется.

КОСТЬ В ГОРЛЕ (Россия, Рубцовск, Г. Парфов) Замечательный мистический фильм, есть в нем что-то ироничное и пародийное, один из ярких примеров того, как можно сделать хороший фильм малыми средствами. Конечно, и он не без изъянов, но про них мне говорить на этот раз не хочется.

КРЫСА (Россия, Санкт-Петербург, К. Королев) Есть общие нотки с последним фильмом Т. Бартона «Большие глаза», не находите? Эта извечная тема искусства и художника, людей, которым академизм не интересен, потому как тривиален и обыден. Интерпретировать фильм можно как угодно, на свой вкус: либо он о несчастном непонятом носителе традиционного письма в эпоху голодных до зрелиц толп, либо о глупом писаке, не понимающем, что его картины были бы хороши в эпоху С. Боттичелли, но никак не в XXI в., либо о том, как важно уметь правильно и вовремя себя продать, либо... в общем, выбирайте сами.

КУКЛА (Россия, Нижний Тагил, В. Уфимцев) Из разряда смазливых фильмов под «романтическую» музыку; в принципе, я могла бы замолчать и этим и ограничиться из уважения к Р. Бредбери, если бы не одно но: с каких пор Людвиг ван Бетховен стал автором пьесы под названием «Ностальгия»? (дернул же черт меня досмотреть титры). Культурная и, в частности, музыкальная неграмотность людей, в особенности публичных, порой поражает и доводит до исступления своими «выходками». На будущее: та мелодия, которая звучала в конце фильма, это ни в коем случае не Л. Бетховен, а «Song from a secret garden» Ральфа Ловланда, и В.А. Моцарт никогда не писал «Реквиема по мечте», но это уже другая история. Хотя нет, та же. Плохо, ребята.

ЛЕС (Россия, Москва, Г. Иванец) Как бы Вы поступили, если бы Ваш сын убил в лесу девочку? Вседозволенность и безнаказанность – вот худший порок, а не те семь, что стали в наше время успешным брендом. Как оценивать фильм не знаю, наверное, его нужно было сразу в Голливуд отправлять, в не в какой-то Барнаул.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО (Россия, Уфа, А. Носков) Замечательная картина о том, как опять кого-то забыли, а когда вспомнили (случайно), он же и вышел главным виновником торжества. Правда - ничто, нечего из-за нее так тужиться и сотнями головы рубить. Очень хорошо сыграно, браво!

МАСОНЫ (Россия, Москва, Д. Власова) Тайные Ложи масонов существуют и поныне и даже в простом провинциальном городе России есть одна такая, в чисто русском стиле. Хороший комедийный фильм с замечательно сыгранными типажами и умной собакой Евгением; действительно достойная картина.

МЕСТЬ (Россия, Москва, Г. Солдатов) Мне понравилось, вот так вот. Переигранный на современный лад Чехов - ну и что? Просмотр доставил мне только удовольствие и положительные эмоции, большего от этого фильма и не требуется. Отличная работа всей команды, молодцы!

МЭМУАРЫ (Россия, Москва, А. Ионкин) Ха! Видали, как надо людей к чтению приучать!

НАДЕЖДА (Азербайджан, Баку, Э. Гулиев) Очень трогательная картина, хорошо сделанная, интересно преподнесена идея. Одно но: зачем нужно было в конце на звучащий замечательный дудук накладывать «романтические» клавишные? Непонятная и не нужная какофония, дурацкий стереотип о том, что для того, чтобы растрогать зрителя, нужны именно «романтические» клавишные в конце.

НОЖНИЦЫ (Россия, Санкт-Петербург, А. Пряхин) ««Насилие порождает насилие» – разорви этот круг» – как я поняла, это агитация. Толстовское непротивление злу насилием – может, это имели в виду авторы? Лично я же против безнаказанности и вседозволенности.

НОЧНЫЕ ЗИМНИЕ ЛЮДИ (Россия, Москва, В. Полиенко) Видимо, это была смесь анекдотического фильма-катастрофы и мелодрамы, приправленная философским, экзистенциональным, глубинным смыслом. Вот она, наша проблема №1 – скука. Хлеба и зрелиц всем подавай, все такие несчастные-разнесчастные, новоявленные Печорины и Онегины в джинсах. Если кратко – плохо.

О БРЕННОСТИ. МАСЛЕНИЧНАЯ ТЕМА ДЛЯ ПРОПОВЕДИ (Россия, Санкт-Петербург, Т. Сидорова) Убедительно, постановка на высоком уровне, реквизит, актеры – от фильма даже пахнет Питером. Очень хорошая музыка - отдельная похвала. Ну, а Чехов есть Чехов.

О ЗАКРОЙ СВОИ БЛЕДНЫЕ НОГИ (Россия, Москва, Е. Дакот) Кто сходу может назвать автора этого стиха? Примерно столько же людей может внятно объяснить, что это за фильм и о чем. Сборная яркая солянка, однако тут, как мне кажется, есть некий подвох, не оставляет чувство того, что перед тобой глобальный стеб (пардон). Юмор – вот, что спасло мир и этот фильм. За «Евгения Онегина» и «Ивана Сусанина» отдельное от меня спасибо.

ОБЛАКА В КАЗАНЕ (Россия, Казань, Южно-Сахалинск, С. Шумин) Вот она, комедия моей мечты! Замечательная игра на контрастах, стилях, жанрах. Молодцы!

ОГОНЬ ПО ШТАБАМ (Россия, Санкт-Петербург, С. Груша) Очень хорошо, живо, без лишнего пафоса и высокопарности в речах. Верю!

ОДИНОКИЕ ДУШИ МИКРОБОВ (Россия, Москва, М. Романовский) В целом неплохо и очень даже мило. Есть, правда, некоторая притянутость за уши местами, ну да бог с ним.

ПАПА, ПРОЩАЙ (Россия, Москва, К. Баскакова) Утрированный, фильм о том, как никогда не поздно взросльть, думать, делать, принимать решения, нести ответственность за себя и свои поступки, опять таки, рассчитанный на чувствительность зрителя: отец умер - герой грызется чувством вины, любимая стала по его милости проституткой - герой ее спасает (экий молодец!), еще и соседа напоил/накормил, и всех с собой в Москву забрал. Хеппи энд.

ПЕРЕХОД (Россия, Химки, В. Гетц) Гм... для тех, кто не прочел титры – ребенок у постели умирающего – это ангел. Я на два раза пересмотрела – точно не нравится, не ошиблась. Идея может и хорошая, но подача провальная.

ПОКОЛЕНИЕ (Россия, МО, Балашиха, Р. Отырба) Хороший, правильный, нужный фильм. Пшеничные поля, казалось бы, излишни, но ничего, все хорошо. Одно но – Ave Maria вот точно ни к чему. Опять это «выдавливание слез». Зритель и без этой музыки должен прочувствовать фильм.

ПОКОРИТЬ МАЙЮ (Великобритания, Лондон, А. Боровикова) Очень милый, забавный фильм с Британского острова, без нагнетания мрачности и сверхчеловеческих смыслов - просто, позитивно и со вкусом.

ПОЛЕТЕЛИ (Россия, Москва, А. Шахватова) Хорошая картина, наверное, в ней есть какой-то изъян, но я не буду ковырять ничего, пусть будет как есть.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ САРАЦИНН (Россия, Москва, Ф. Ромм) Смесь комедийного, документального, исповедального, драматичного, телевизионного и т.д. сосредоточены в 30 минутах фильма. Музыка подобрана хорошо, молодцы. (*две «н» в слове «сарацин» меня лично несколько смущают, если это случайность, советую авторам фильма говорить, что так и было задумано).

ПУЗЫРЬКИ (Россия, Москва, Е. Сальников) Наглядное пособие для детей о взрослой жизни, для взрослых – о детской. Что посеешь, то и пожнешь. Нудных моралей не будет, все отлично.

РАКЕТА КЮ (Россия, Москва, Н. Степанова) Фильм, требующий от зрителя максимального напряжения всех своих мыслительных, смыслогенерирующих, органов и навыков интерпретационизма; обладатель Золотого Жан-Люка за лучший короткометражный фильм. Мотивы жюри мне не ясны, но, как говорится, о вкусах и с жюри не спорят, потому – идем дальше.

РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕССОННИЦЫ (Беларусь, Минск, Н. Василевская) Если вы плохо спите и очень чувствительны, то этот фильм – для вас. Мне же подобного рода картины весьма несимпатичны: наигранная драматичность диалогов, «выдавливание слезы» из зрителей за счет общечеловеческих тем, переполненные смыслом детали и кадры, со своей эстетикой прекрасного безобразного – нет уж, увольте. Плюс ко всему – дикая скука, извините, но смотреть эту картину невозможно, видимо, она расчитана на более сильных мира сего.

РУСЛАН (Россия, Москва, Т. Деева) Одна из немногих, действительно замечательных, достойных картин, представленных на фестивале. Игра актеров хороша, всё просто, легко, естественно, никакой фальши и перегруженности сверхмыслами. Тонко показана психология ребенка, шокированного тем, что и ему суждено будет когда-нибудь умереть и, как следствие, его неудержимый плач и направленная на других живущих жестокость. Отдельная похвала за тонко найденного П. Чайковского.

СВОЯСИ (Россия, Москва, Д. Колеров) О чём фильм – не могу сказать, да и вряд ли у меня с первого раза получится связный рассказ. Как визуальный ряд весьма неплох.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО (Казахстан, Алматы, М. Кодаров) Фильм о том, как важно понимать метафоры. Нечего неуважительно отзываться о музыке Антонио Вивальди: кто с мечом придет, от меча и погибнет, – все верно. В целом же картина не впечатлила.

СТЕРВА (Россия, Магнитогорск, В. Абих) Очень хорошая картина, с добрым юмором и атмосферой, несмотря на недовольство геройни, которая полностью оправдывает название фильма.

СЦЕНАРИЙ (Россия, Москва, А. Смирнова) Наверное, не ошибусь, если скажу, что сюжет фильма жизненный и, хоть и комично представленный, но все же, очень реалистичный (хотя и довольно «гламурный»). Жаль только, что не от всех сценаристов можно вот так вот легко отдалиться.

СЦЕНЫ У МОРЯ (Франция, Россия, К. Захаров) Море – хорошо, дорога – хорошо, Л. Толстой – хорошо, фильм – плохо. Фильм, рассчитанный на чувствительность и сострадание зрителя, «выдавливающий слезу». Я не говорю о том, что подобные темы провальны и вообще не нужно снимать фильмы о том, как трудно терять детей и все такое. Речь о том, как именно снимать: излишняя патетика и туманность речей, театральность всего происходящего нисколько не красят эту картину. Будь проще, и люди потянутся – так, вроде, говорят.

ТЕРРОРИСТ (Россия, Уфа, В. Валиуллин) Нет, это не острожетный боевик, это комедия, всего за 8 минут рассмешившая добрым заливным смехом весь зрительный зал кинофестиваля. Секрет – в котиках.

ТОНЯ ПЛАЧЕТ НА МОСТУ ВЛЮБЛЕННЫХ (Россия, Москва, А. Коломеец) Вот так вот, для того, чтобы начать что-то делать и думать, нужно чтобы рядом разорвался метеорит или умер кто-то под носом. Хороший фильм, умный, теплый и добрый.

ТРИСТА (Россия, Москва, А. Боченин) Теплый фильм о лучшем папе в Москве и о лучшем подарке в день рождения (после книг, разумеется), на покупку которого не нужны деньги. По форме похож на нарезку клипов из голливудских фильмов, но раз ребенок доволен, то и мне нечего возмущаться.

ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ (Россия, Химки, М. Алихманов) Анекдотически выстроенный сюжет, фильм о настоящих мужчинах, футболе и русской жизни. И смешно, и тепло на душе. Очень хорошо.

УГОДЬЕ (Россия, Москва, Д. Пищулин) Нууу...плохо, что еще могу сказать. Фильм о том, как двое заблудились в глухи под новый год и попались на праздничный ужин к монстрам-зомби. Кажется, где-то я это уже видела. Если там все же был какой-то глубинный смысл, прошу меня простить, но уж слишком глубоко он закопан в зимние сугробы.

УЖИН (Россия, Новосибирск, А. Протоковило) Весьма забавная картина, когда смотрела, все думала, какого это, есть гвозди и губную помаду? Очень компактно, четко, без излишеств.

УТИОГ (Узбекистан, Гулистан, Б. Юлдашов) Фильм – анекдот, рассказывающий о том, как важно быть аккуратным, готовя сюрприз для друга, с одной стороны, и как важно видеть, что ты делаешь – с другой.

ЧТО ТОТ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ЭТОТ (Россия, Москва, А. Кокорин) Фильм по мотивам сочинений В. Шукшина – очень хочется верить, что любимая всеми знатоками творчества писателя извечная тема «города и деревни» здесь представлена в юмористическом, ироничном ключе. Есть какая-то незавершенность, недоделанность, будто на пол-слова оборвали.

A.D.I.D.A.S. (Россия, Москва, Ф. Константинович) «Никто не сможет ругать, оценивать и осуждать вас». Если бы я могла, сказала бы, что могло бы быть и лучше.

RAW (Россия, Москва, В. Виталис) «Завтра будет лучше, чем вчера!». Сиди, жди, думай, действуй. Завтра всё будет. А как же carpe diem?

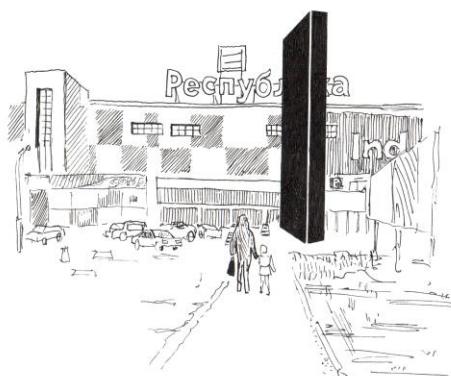

рисунок Михаила Чурилова

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛЬМЫ

БИКИНИ (Россия, Санкт-Петербург, М. Нефедова) Новейшее время – это когда в кукол барби играют мужчины. Главное, что женщины не против, что еще тут скажешь.

ВОЛК И ЛОШАДИ (Россия, Южно-Сахалинск, С. Шумин) Если собака – друг человека, то лошадь – это и отец, и мать, и Бог. Не буду аргументировать, захотите полемики – обращайтесь.

ЖИВИ НАСТОЯЩИМ (Россия, Москва, А. Зубовленко) Фильм о том, как здорово быть отшельником, почти полностью отказаться от благ цивилизации и вернуться на лоно природы. Хотя нет, вру. Скорее, как хорошо жить в центре России, довольствуясь практически всеми благами цивилизации, но при этом быть свободным

от уплаты налогов, выполнения общественного долга и проч. обязанностей гражданина, прописанных в законодательстве РФ. Зато куча времени на чтение Бродского – на такое и я бы снабдила.

Лично от меня плюс за живую речь, без этого пошлого запиликивания слов. Как документальный фильм – хорош, ибо бремя разрешения онтологических вопросов я на себя не возьму.

И бредут паломники к подножью,
И целуют тяжкую стопу.

*назвавшему автора отрывка из стихотворения – суперприз.

ОЧЕНЬ ДОЛГАЯ ПЛАСТИНКА (Россия, Калуга, В. Морозов) Фильм оправдывает название: десять минут вам покажутся вечностью. Жизнь человека сера и однообразна. Слушайте хорошую музыку.

РУКИ (Россия, Москва, К. Жижекевич) Хорошая зарисовка работы человеческих рук в tandemе с современной техникой. Притом посмотрите, какое это искусство – создать инструмент, на котором потом будут играть другие руки! Не меньше красоты и мастерства в этой закулисной работе.

СТАДНЫЕ (Россия, Санкт-Петербург, И. Желтяков) Лично у меня фильм вызвал гамму впечатлений и эмоций, по большей части отрицательных. Основной позыв картины мне, в принципе, понятен, однако сама подача материала как-то размазана, как каша по тарелке, нет цельности, и толком не ясно, в чем проблема то? (не то, чтобы я совсем ничего не поняла и жажду объяснений, просто, как я и сказала – нет связности и цельности текста). Также многие специфические моменты, касающиеся жизни народов севера, в картине не разъяснены, такое чувство, что фильм делался «для посвященных». По крайней мере, мне и некоторым зрителям кинофестиваля на просмотре фильма понадобилась энциклопедия о крайнем севере России.

ТОЛСТЫЙ (Россия, Барнаул, А. Есаулов) Про качество съемки, работу оператора и монтаж говорить не буду – что имеем, тем и живем. Идея провальная, анекдотически выстроенный сюжет сыпется сразу же, буквально на второй минуте ясно, что речь идет не о человеке. Зрителю остается только выбрать героя-животного на свой вкус. Однако когда упорные заявления респондентов доходят до характеристики главного героя как «преданного» досматривать фильм становится и вовсе бессмысленно, разве что убедиться в верности своей догадки. Непонятно постоянное утверждение в кадре того, что Толстому жить стало лучше тогда, когда настроили новых офицеров: воистину, фильм о том, «как хорошо живется собакам при капитализме».

ТУПИК (Россия, Москва, Д. Тихомиров) «Край ты мой заброшенный...» – двойной эпиграф от Есенина и Свиридова к фильму. Действительно документальная картина, хорошая работа съемочной группы, хороший материал. Несмотря на нотки безысходности, есть в нем место и для смеха, и для грусти, и для гнева и т.д., вообще, довольно живая картина о полумертвом заброшенном крае в недрах России, каких десятки, если не сотни и тысячи.

УЗБЕКСКИЙ ПЛОВ (Россия, Санкт-Петербург, И. Желтяков) Вторая документальная картина от И. Желтякова на фестивале, которая, как и первая, меня, капризного и своенравного зрителя, не впечатлила. Основной посыл, опять-таки, понятен, но много уж грязи. Слишком много. Тем более, что на фестивале в зале дети сидят.

ЮГ ЕДЕТ НА СЕВЕР (Украина, Харьков, В. Шапошников) Мои скромные познания в географии позволяют мне усомниться в достоверности направления съемочной группы, но суть ясна и без географии. Как у зрителя, впечатления только положительные, замечательная картина, очень живая и интересная, да и к тому же, познавательная – не каждый день тебе так увлеченно из первых рук рассказывают об истории кукольного театра твоего города. Единственная проблема, которая передо мной всталла, как у человека, пишущего отзыв, это то, как оценивать это фильм, ведь, по сути, во все времена, пока он идет, ничего не происходит: камера либо статически снимает рассказ Е. Гимельфарба, либо мы видим сюжеты из фото-видео хроники. Можно было бы похулигать режиссера и похвалить монтажера, если бы одни не были одним и тем же человеком. Дилемма.

рисунок Михаила Чурилова

КИНОЭССЕ

ВИДЕТЬ (Украина, Чехия, А. Хмелёва) Посыл прозрачен и ясен, кто что хочет, то и видит. Главное, чтобы без нравоучений, одухотворенная и сверхпросвещенная тирания все же есть тирания.

ВЛАДИМИР ЛЕНИН. ЭТО НЕ ВСЁ (Казахстан, Астана, Е. Лумпов) Гм. И это всё? – справедливый вопрос, возникающий после просмотра картины. В названии обещали, что «это не всё», а показали лишь стену-коллаж из сотен изображений В. Ленина различного характера и набор известных всем видео-хроник. За что отдали Золотого Жан-Люка мне не понятно.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ (Россия, Петрозаводск, С. Пацкевич) «Музыкальное киноэссе на тему возрвщения домой после долгого отсутствия». Все как сказал автор, больше мне добавить нечего.

*я и не заметила, как популярно нынче стало делать кадры с отмоткой в обратную сторону.

ЗАВТРА СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (Россия, Москва, Ю. Лысова) Сложно описать эту картину, очень она реалистична, с одной стороны, и утопична, с другой. Парадокс в том, что утрированная утопичность – и есть реалистичность изображаемого. Неплохо.

ИГРУШКИ (Казахстан, Астана, Е. Лумпов) Думаете, игрушки это только оловянные солдатики, плюшевые мишки да куклы-барби? Картина с острым дидактическим пафосом. Я против нравоучений, ну да бог с ними.

М (Россия, Москва, Н. Белорусов) Ритмы Москвы в одной букве «М». Хорошо вышло, молодцы.

МАЙСКИЙ СНЕГ (Россия, Новосибирск, Д. Федорович) В подзаголовке написано, что это «Зимняя сказка». Гм...если бы этот фильм выставлялся в категории игрового короткометражного кино, я могла бы похулигать его за... да за всё! Ох уж эти картины с претензией на интеллектуальность и философичность. Но так как жанр фильма – киноэссе, то и сказать мне больше нечего.

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ (Финляндия, Хельсинки, Т. Мошкова) Фильм о бесконечной любви к цветам горячих финских парней. Сам тип съемки уже готовит зрителя к комичной развязке. Всё.

РАББИШ (Россия, Красногорск, А. Липская) Один день из жизни мусорных пакетов. Не оставляйте мусор шляться где попало по городу, «мы в ответе за тех, кого приручили».

СЕРЕНАДА (Россия, Барнаул, А. Есаулов) Тяжело быть мужчиной в женском коллективе, особенно в детском саду (ну и на филфаке еще). К слову, про людей у товарища А. Есаурова фильмы удачней, чем про собак.

СКГФ (Россия, Ленинград, А. Пряхин) Режиссер приехал к нам из далекого Ленинграда, многое показывать на экране нельзя, вот он и нашел оригинальный выход – заменил картинку словами. Я, как филолог, может, и рада, но как идентифицировать то картину как фильм, если на деле это смонтированные надписи с анимацией?

СЛЕДУЮЩЕЙ ВЕСНОЙ В ОРАНИЕНБАУМЕ (Россия, Санкт-Петербург, Р. Литфуллин) Знатокам творчества А. Рене, быть может, будет, что сказать по этому фильму. Меня не впечатлило, не задело, не заинтересовало. Всё.

СОК ГРАНАТА (Украина, А. Давтян, Р. Волчак) 24 апреля 2015 года исполнилось 100 лет геноциду армянского народа. Есть легенда о том, что в гранате ровно 365 зерен, и во время войны люди съедали по зернышку грана в день, что и помогло многим выжить. Если кому что интересно, откройте Википедию (хотя бы) или посмотрите к/ф «Аракат» (2002, Франция, А. Эгоян). Хорошее киноэссе.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (Россия, Екатеринбург, А. Федоров) Экранизация одноименной поэмы С. Есенина. Хорошая графика. У меня всё.

АНИМАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ

БОКУС МАНГ (Россия, Москва, С. Свирский) Анимация на музыку современного голландского композитора Маартены Алтены. Честно, не знаю, что сказать. Похоже на анимационный поток сознания, что-то из сюрреализма и подобных направлений. Но мне хватило одного раза просмотра, музыку я предпочитаю слушать без визуального ряда.

ВОЛШЕБНАЯ ГОРА (Россия, Санкт-Петербург, О. Булгакова) Можно показать этот фильм детям и спросить, что они думают – было бы интересно узнать. Больше ничего.

ДРЕВНЕЕ КИНО (Россия, Екатеринбург, П. Погудин) Ожившие наскальные рисунки – замечательно же! Ну а финал просто замечателен, фильм достоин быть заставкой для Российского фестиваля антропологических фильмов в Екатеринбурге.

ЗА ОКНО. РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ХАРМСА (Россия, Санкт-Петербург, М. Сафонов) Люблю Д. Хармса. Хороший фильм. Снят, правда, опять же, для «посвященных». Я что-то поняла, кое в чем разобралась, а другим, не «просвященным», как быть?

ОДНАЖДЫ НАША ЖИЗНЬ ИЗМЕНИЛАСЬ (Украина, Николаево-Луганск, А. Балашов) «Ни одна война в мире не стоит слезы одного ребенка» Ф. Достоевский. Подписываюсь под каждым словом, под каждым кадром фильма.

РОЯЛИ (Россия, Санкт-Петербург, А. Кириенко) Замечательный фильм с ожившими полотнами классиков русской живописи. Аниматор поработал на славу, Золотой Жан-Люк за лучший анимационный фильм засужен за каждый миллиметр пленки.

СИНЕЕ БЕЗМОЛВИЕ (Россия, Москва, В. Оборвалов) Хороший фильм по мотивам мифа «Орфей и Эвриди-ка» и рассказа В. Зуйкова «Путешествие в страну Оз»; напомнил мне детство.

СКАЗ ПРО ОСЛА (Россия, Москва, Т. Скорлупкина) Ну рассказ, ну про осла, золотыми монетами гадил, хозяин его загнал, он и перестал. Читать эту сказку мне было интереснее все же, извините.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ТОСКА (Россия, Санкт-Петербург, М. Ширяева) Очень милая анимация о том, как даже Смерти порой бывает тоскливо.

ХАМЕЛЕОН И БАБОЧКА (Россия, Москва, Д. Морозов) Когда я на работе показала этот фильм детям (ДШИ, 1 класс) и попросила рассказать мне, о чем он, вот что я услышала: «Этот фильм про Хамелеона. Он был обжорой и ленивым и потому включал магнитофон и заставлял бабочек кружиться, а потом съедал их. Потом он встретил цветную бабочку и полюбил ее и запер в клетке. От дождя у нее вся краска слезла, Хамелеон не узнал ее, потому что она стала черно-белой, как другие бабочки, и съел ее. И тогда она сделала его волшебным, потому что жила у него в животе, и тогда весь мир стал цветным, и появилось много других цветных бабочек»; «Это фильм про любовь». Дети довольны, что еще нужно? Лично от меня спасибо за сюиту Г. Генделя.

ЧАЙКА (Украина, Харьков, В. Шапошников) Похоже на череду сновидений в пути. Единственное, в чем могу быть уверена, это в звучащей музыке. Сам фильм произвел странные впечатления, не постыжусь, если признаюсь в том, что не поняла его, по крайней мере с первого раза; возможно, мне нужно еще пару его просмотреть и я постигну суть вещей, но как-то не хочется, если честно.

ЧЕМОДАН (Россия, Нижний Новгород, М. Солуянов) Ха-ха, узнаю себя по пути в аэропорт и обратно! Забавная анимация.

ЧЕРДАЧОК (Россия, Москва) Вот вы говорите, что внешность не важна, а господин О. Уайлд с вами бы не согласился. Для меня дидактический пафос слишком выпирающий и навязчивый, но если вас устраивает, то все отлично.

CINEMA DEHORS (Россия, Австралия, Т. Полиектова, F. Rivetti) Замечательный фильм, с иронией, но добрый и теплый, о том, как порой простое, естественное и есть прекрасное. Спасибо, ребята!

ГОВОРЯТ ЗРИТЕЛИ И УЧАСТНИКИ ФЕСТИВАЛЯ

Если в различных городах России (и не только) мало знакомые люди, увлекающиеся кинотворчеством, с воодушевлением и теплом говорят о Барнауле, то, скорее всего, в течение последних шести лет они хотя бы раз были гостями КИНОЛИКБЕЗа.

Михаил Черняк, председатель фестивального жюри, режиссер игрового кино (г. Москва) и Павел Юринов (г. Санкт-Петербург), исполнитель одной из главных ролей картины «Месть» (Москва, реж. Г. Солдатов), поделились своими впечатлениями о городе, фестивале и фильмах:

– Какие у Вас впечатления о фестивале, его работе, организации?

Михаил Черняк: Одни сплошные комплименты: организация, атмосфера, – огонь! Главное, что людям самим нравится.

– Как и когда Вы впервые узнали о КИНОЛИКБЕЗе?

Михаил Черняк: Года четыре назад я сам был участником кинофестиваля, узнал из Интернета, с тех пор практически каждый год присыпал свои работы.

Павел Юринов: Это мое первое знакомство с кинофестивалем, режиссер Георгий Солдатов, мой друг и соавтор, предложил принять участие в КИНОЛИКБЕЗе. Сегодня утром я прилетел из Санкт-Петербурга, побывал на экскурсии по Барнаулу. Сначала мы были у Демидовского столпа (есть в нем что-то масонское), затем отправились на Нагорное кладбище. Сергей Федорович Ужакин рассказывал о городе. Мне показались интересными три этапа образования Барнаула, история про сереброплавильные заводы, и буквы эти на холме и то, что кладбище находится на горе над городом (универальная вещь!) – получается, что мертвые живут над живыми; и потом, как тут в советское время все переставалось.

– Из просмотренных сегодня фильмов можете назвать наиболее запомнившиеся и понравившиеся Вам?

Павел Юринов: «Другие люди» (Россия, Москва, К. Косолапов). Фильмы, которые были представлены в конце программы, мне показались наиболее сильными и достойными. До этого были картины с излишним новаторством, как мне кажется, игрой в стилизацию, надуманные.

– Михаил, как у председателя фестивального жюри, есть ли какая-либо предвзятость с Вашей стороны в оценке картин; предпочтения, как столичного режиссера, может быть?

Михаил Черняк: Есть, конечно. Если фильм не из Москвы – то ему сразу плюс пять баллов, потому как в Москве заселись, там и возможностей больше. В любом случае, впечатления о картине – мое субъективное

мнение, я такой же зритель, как и сидящие в зале, в первую очередь. Как режиссеру для меня важен в фильме весь комплекс средств: и актерская игра, и работа оператора, монтаж, сценарий, свет, и т.д., фильм должен быть хорош в своей цельности, а не отдельными составляющими.

— Главное в подобных кинофестивалях — это участие?

Михаил Черняк: Нет, конечно, нет. Это спорт, каждый нацелен только на победу, олимпийский принцип тут не работает.

Павел Юринов: КИНОЛИКБЕЗ — не единственный фестиваль, в котором мы участвовали. Наш фильм снимался на Летней киноакадемии Н. Михалкова, его оценили на кинофестивале в Кирове, потому мне кажется, что и в Барнауле он не пройдет незамеченным.

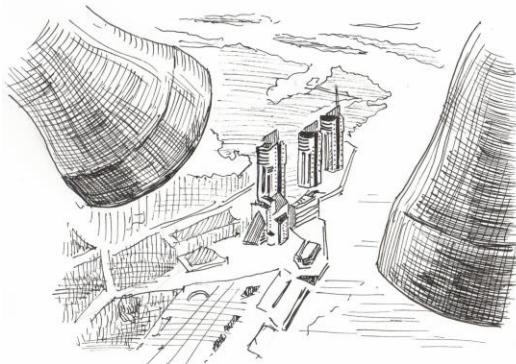

рисунок Михаила Чурилова

Четырнадцать недель и 2 дня — столько времени понадобилось бы на просмотр фестивальных фильмов по картине в день; мы же уместили 25 часов и километры пленки в пять дней.

Последний день VI международного кинофестиваля «КИНОЛИКБЕЗ» подошел к концу и, прежде чем рас прощаться с его участниками и гостями на год, я решила в последний раз допросить выходивших из зала зрителей, гуляющих в галерее после просмотра последних фестивальных фильмов и беседы с режиссерами игрового короткометражного кино и анимационных картин, представленных на фестивале.

В течение пяти дней в кинозал приходили люди различных профессий, возрастов, из разных уголков нашего (и не только) города. Сегодня мне захотелось побеседовать со зрелым зрителем, узнать, что думает наше взрослое поколение о кинофестивале. Валентина Николаевна Протасова и Николай Григорьевич Басаргин любезно согласились оторваться от просмотра выставки и уделить мне несколько минут своего времени, поделиться своими мыслями и впечатлениями о кинофестивале:

— Сколько фестивальных дней Вы посетили?

Валентина Протасова, Николай Басаргин: Два последних дня, к сожалению; поздно узнали о фестивале, иначе пришли бы раньше, обязательно бы пришли.

— Откуда Вы узнали о фестивале?

Валентина Протасова: Через социальные сети, увидела запись у знакомого, прочла, решила сходить.

— Были мысли, когда шли на фестиваль, что не понравится программа?

Николай Басаргин: Вообще-то, да. Были сомнения, что будет что-то серенькое, как на центральном телевидении, но то, что мы увидели, просто поразило и удивило нас.

— Что больше понравилось, запомнилось на фестивале?

Валентина Протасова: Все было замечательно, и фильмы, и сам фестиваль. Из вчерашней программы мне понравился фильм «Зоин день» (Россия, Кемерово, Ю. Волкова) да и еще много чего. Мы любим театр и кино и замечательно провели время на фестивале, просмотрели все буквально на одном дыхании.

Николай Басаргин: То, что меня поразило больше всего — это обилие талантливых актеров. На телевидении постоянно крутятся одни и те же лица, их уже моль почикала, а тут — буквально Новая Россия. Очень приятно, что в стране действительно есть молодые таланты.

— Что было особенного в том, что Вы увидели?

Николай Басаргин: То, что мы увидели — это очень ярко, экспрессивно, вызывает эмоции, шок, как горячая вода. Сами идеи удивили, что молодежь вообще думает о подобных вещах, о смерти, о стане, пытается решать какие-то такие проблемы. Много чистоты и свежести. Такие фильмы заставляют задуматься над чем-то в жизни. Очень жаль, что таким ребятам трудно пробиться, чтобы их люди увидели. Будь это в моей власти, я бы отдал на центральном телевидении им по два часа в неделю хотя бы, чтобы такие вот фильмы показывали.

Собственно, мне и добавить больше нечего. Пятнадцать Золотых и Серебряных Жан-Люков ушли к своим заслуженным обладателям, в том числе и Зрительский Жан-Люк, вручающийся самому активному зрителю, оставившему наиболее интересные комментарии к фильмам.

Тех, кто так и не попал ни на один из фестивальных дней, могу утешить тем, что через год кинофестиваль вновь откроет свои гостеприимные двери для участников и зрителей, и вы сможете сами убедиться в истинности отзывов и комплиментов. Пока же ждете следующего, VII международного кинофестиваля игрового, документального и анимационного кино, можно посещать сеансы Клуба Любителей Интеллектуального Кино и, вооружившись камерой, готовиться завоевывать своего собственного Жан-Люка.

P.S. Прощального стиха не будет, ведь КИНОЛИКБЕЗу ты не скажешь до свиданья, КИНОЛИКБЕЗ не прощается с тобой!

ПОБЕДИТЕЛИ И ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ АВТОРСКОГО КИНО КИНОЛИКБЕЗ-6 (Барнаул, 2015)

ГРАН-ПРИ КИНОЛИКБЕЗА – ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК Лучший фильм фестиваля
A.D.I.D.A.S 2015; Москва, режиссер: Федор Константинович

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК За лучший полнометражный фильм
Селитра №7 (Selitra № 7); 2013; Беларусь, Минск; режиссеры: Павел Костевич, Сергей Савенков

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК За лучший короткометражный фильм
Ракета Кю (Rocket Q); 2014; Москва; режиссер: Надежда Степанова

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК За лучший документальный фильм
Бикини (Bikini); 2014; Санкт-Петербург; режиссер Марина Нефедова

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК За лучшее киноэссе
Владимир Ленин. Это не все (Vladimir Lenin. This is not all.); 2015; Казахстан, Астана, режиссер:
Евгений Лумпов

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК За лучший анимационный фильм
Рояли (Pianos); 2015; Санкт-Петербург, аниматор: Александр Кириенко

ЗОЛОТОЙ ЖАН-ЛЮК Приз зрительских симпатий
Масоны (Freemasons); 2014; Москва; режиссер: Дарья Власова

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Безумный Пьеро» - за лучшую комедию
Месть (The Revenge) ; 2014; Москва, режиссер: Солдатов Георгий

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Новая волна» – за новаторское кино
Возвращение во взрослую жизнь; 2013; Кемерово; режиссер: Михаил Бондаренко

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Веселая наука» - за умное кино
Тоня плачет на мосту влюбленных (Tonja is crying on the lovers bridge); 2014; Москва, режиссер:
Антон Коломеец

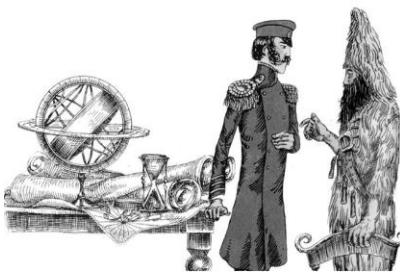
СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Хвала любви» - за гуманистическое кино
Личное дело (Personal case); 2014; Уфа, режиссер: Андрей Носков

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Особая банда» - за нонконформистское кино
СКГФ – Самый короткий гениальный фильм 2015, Санкт-Петербург, режиссер Алексей Пряхин

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Фильм: социализм» - за правильный пафос
Юг едет на север (South going to north); 2015; Украина, Харьков, режиссер: Владимир Шапошников

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Жить своей жизнью» – за жизнеутверждающее кино
Раскоп (The Amateurs); 2014; Россия, Украина, режиссер: Сергей Дахин

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖАН-ЛЮК «Сила слова» - за лучший сценарий
Кость в горле (Bone in the throat); 2015, Рубцовск, режиссер Георгий Парфиненко

НАШИ ГОСТИ

Леонид КУЗНЕЦОВ ► КНИГОИЗДАТЕЛЬ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА (беседа с В.Токмаковым)

Почему в Год литературы падают тиражи и закрываются книжные магазины? Об этом мы решили расспросить человека, вся жизнь которого так или иначе связана с книжным словом и делом. Леонид Кузнецов родился на Урале, работал журналистом в Восточном Казахстане, закончил филфак АлтГУ, а живёт сейчас в Москве. Переехав в столицу, открыл своё издательство «Дикси Пресс», которое помогло многим некогда безвестным авторам найти своего читателя. Эксперты отзываются о Леониде Павловиче как о настоящем профессионале, знатоке современной литературы, непосредственно участвующем в литературном процессе. Его мнение о книжном бизнесе, книготорговле, работе с авторами показалось нам важным и интересным.

— Леонид Павлович, сегодня вы достаточно авторитетный издатель, а когда-то, в теперь уже далёких 1980-х, учились в АлтГУ в Барнауле. Помните что-то из того времени? Может быть кого-то из преподавателей? Не завязалась ли дружба с кем-нибудь из барнаульцев?

— Сразу уточню насчет авторитетности. Слухи о ней несколько преувеличены... Если не сказать прямо, что я совсем не авторитетный издатель. Не совсем обычный, пожалуй. Но об этом, я думаю, чуть позже. А про Барнаул и университет... Тогда он назывался АГУ — Алтайский государственный университет, это был мой первый и единственный оконченный вуз, с другими мне сравнивать не приходится. Так что АГУ — это Alma Mater, хоть я и заочник, то есть нарошношный специалист, как говорила моя мама. Но возможностей на очном учиться не было, хотя один раз такое предложение мне от деканата и поступало, но я благородно от него отказался. А может это и шутка была, сейчас уже и не уверен. В те давние-предавние времена, когда в лаборантах и ассистентах бегали нынешние солидные доктора наук, мне нравилось в АГУ если не все, то почти все. Атмосфера, отношение к студентам, да мало ли... Например, что он реально бесплатный. Я как-то возвращался с сессии и ехал в одном купе с двумя девчонками, которые учились в аграрном институте, что на Красноармейском. Они мне рассказали, каковы в их заведении ставки на сдачу зачета, на сдачу и пересдачу экзамена. Я тогда, помнится, еще порадовался, что учусь на филолога, а не на агронома. Я бы агронома с моей зарплатой не потянул. А у нас все было по-честному. Не знаешь — получай пару, знаешь или везунчик — живи дальше.

К нам, заочникам, отношение было не то, чтобы прохладное, но весьма спокойное. Особенно не парились преподаватели-мэтры, прекрасно понимая, что мы приезжали на сессию не учиться, а тусить и пить пиво, которое в столице Алтайского края в некоторых местах было вполне сносным. Но у нас на курсе был один гений, и что с ним делать, никто до окончания всего этого дела так и не понял. Я сейчас не шучу абсолютно. Фамилия парня была Бузиновский, звали — Сергей. Если кто не в теме, найдите его книгу «Тайна Воланда» и прочтите. Она написана совместно с женой — Ольгой Ивановной Бузиновской. Кстати, преподавателем АГУ в те времена, когда я в нем учился, и одним из самых милых людей, которых я в своей жизни встречал. Да собственно, что я лукавлю? Думается, фамилию Бузиновский в Барнауле знает едва ли не каждый. Сергей был удивительным во всех отношениях. Он был обалденным рисовальщиком и предполагаю, что и художником, шикарным слушателем, он фанател от оружия всякого и знал про него все. И он уже тогда писал по-настоящему хорошо, литературно крепко, точно, связно и образно. «Тайна Воланда» вообще одна из моих любимых книг. Причем, издана она была уже очень поздно, а сделана-то значительно раньше, я в рукописи один из вариантов ее читал еще в восемидесятых, когда о Дэне Брауне мы еще слыхом не слыхивали и про загадки времени сериалов не смотрели. Я про Дэна Брауна вспомнил потому, что «Тайна Воланда» тоже сделана в манере интеллектуального детектива, вот только нравится мне значительно больше. И очень жалко, что Сережа ушел молодым — в пятьдесят четыре года — в сентябре 2013-го.

— Вы заговорили про книгу нашего земляка, и самое время поговорить о книгах вообще. Вот вы основали своё издательство «Дикси Пресс». Насколько сегодня выживать небольшим издательствам? Какие трудности вы бы назвали как основные? Что приносит основную прибыль? Чувствуете ли вы бульдожью хватку издательств-гигантов?

— Начну с вашего последнего вопроса. Я очень хорошо, без шуток, отношусь к издательствам-гигантам. Люди, построившие в начале девяностых бизнес на книгах, сейчас крутятся как опытная стриптизерша на шесте. За ними — коллективы сотрудников, алчные глаза государства, и десятки претензий. Их собственные — как финансовые, так и имиджевые, и претензий к ним — со стороны читателей, писателей, критиков, медиасообщества... Им конечно жить весело и иногда довольно сытно, но весьма и весьма нелегко. Те, кто возглавляет крупные издательства — настоящие профессионалы, снимаю шляпу. Они и живут серьезно, и работают серьезно. Это про них — бизнес, дистрибуция, маркетинговые ходы, просчет рыночной ситуации. А небольшие издательства зачастую живут на раз — два — три. Открыли издательство, выпустили два-три наименования, закрылись. Обычно небольшие издательства закрываются через два-три года после того, как открываются. Они даже не понимают, что произошло. Вот были какие-то деньги, а вот их и нет. Издержки есть, а прихода нет. И что делать дальше, никто не знает. Так что выживать гораздо проще издательствам региональным, им легче отыскать деньги и заработать их тоже легче. У них какая-никакая дистрибуция, то есть возможность продать свой товар. У московских небольших издательств, особенно если они не аффилированы со структурами, которые выделяют этим издательствам регулярные пайки, шансов выжить практически нет.

И, тем не менее, в Москве издательств до сих пор много. И только благодаря им у нас в стране есть литература. Это как на пляже. Миллиарды песчинок создают комфорт вашим босым ногам. А бродить по валунам креативно, конечно, но весьма затруднительно. По валунам и до моря-то, босиком если, можно не дойти...

Как сейчас чаще всего происходит? Для гендиректоров маленьких издательств их деятельность — это не бизнес, а хобби. Они издают по две-три книги в год, но издают только то, что им самим нравится. Порой — шедевры. Монстры шедевры не издают. На шедевры спроса нет, поэтому это удел избранных, тех, кто свое дело любит больше, чем деньги.

Как создаются издательские шедевры? Элементарно. Люди занимаются любимым делом — это выпуск книг, и зарабатыванием денег — это где-нибудь на стороне. Заработал, будучи каким-нибудь менеджером, сталеваром, дворником, неважно... издал книгу. Все просто.

Кстати, про прибыль, я так понимаю, вы пошутили? Думаю, пошутили. Первый и основополагающий постулат для всех, кто планирует заниматься издательским делом. Это — не бизнес. Это — отдушина для мозга. У кого-то хорошо получается стрелять по тарелочкам или собирать марки. А очень небольшая часть народа укрощает свое это тем, что издает книжки.

— «Дикси» заявило, что приоритетным для издательства являются малые литературные формы: рассказы, повести и пр. Почему? Ведь все эксперты в один голос заявляют, что читатели больше не читают рассказы, сегодня в тренде толстый роман, страниц на восемьсот. Вы считаете, что эти заявления экспертов не верны?

— Как оказалось, еще как верны. И желательно, чтобы этот роман был выложен в сети, а то на подобный фолиант деньги тратить как-то стрёмно...

На самом деле рассказы не только пишутся, но и читаются. Рассказ — гораздо более литература, чем громадный роман. Попробуйте-ка создать шедевр, да еще вместить его в десяток страниц. Это в столовых вы просите, чтобы вам накладывали побольше, да посыпнее, а в звездных ресторанах «Мишлен» подают порцию крохотную. Это блюдо не едят, а смакуют, этим блюдом наслаждаются, восхищаясь мастерством кулинара. Но у нас, ясное дело, все еще в потребностях побольше да посыпнее...

Кстати, мы заметили такую странную особенность. Рассказы читаются именно в бумаге, то есть будучи изданными. Чтобы читая, можно было вернуться на определенную страницу, найти особенно точный авторский образ и посмаковать — пощелкать пальцами, присвистнуть, ойкнуть, взвизгнуть... Получить кайф от того, что ты равен писателю, что ты почувствовал как он, потянул за эту тоненькую ниточку... Как бы выразился один из моих любимых писателей Игорь Яркевич — таких людей на первый взгляд не так много, а на второй уже много.

Понятно, что когда я еду на поезде из Барнаула в Москву, то я беру с собой толстый детектив, чтобы убить время. А вот когда мне надо подстегнуть свою творческую активность или разбудить закисший от чтения толстого, страниц на восемьсот, романа интеллект (уж извините за это несовременное слово-атавизм), я беру в руки сборник рассказов того же Сергея Довлатова или например Валерия Былинского. И знаете, ойкнешь, взвизгнешь, пощелкаешь пальцами, и жить как-то становится полегче...

— По статистике, в нашей стране книжных магазинов на порядок меньше, чем в Европе и Америке. Как вы оцениваете развитие книготорговой сети в стране? Её основные недостатки? Как вы

выстраиваете взаимоотношения с книготорговцами? Есть ли у вас своё видение как можно улучшить нашу книготорговую сеть?

– Статистика – дама серьезная, с ней не поспоришь. Но я и сам, как говорится, своими глазами... В той же Венеции сунулся в какую-то подворотню, там рядом оказались лавка с их знаменитыми масками и книжный магазин. Внешне – неказистый, а внутри весьма вместительный, с приятным таким выбором – от Данте до последних новинок итальянской новеллистики. В Москве в подворотне можно встретить книжный только в двух местах – «Фаланстер» в Малом Гнездниковском переулке и «Ходасевич» на Покровке. И покупателей, кстати, в Венеции в этом книжном было поболе, чем обычно бывает в «Фаланстере».

В принципе, книготорговая сеть в ее исконном смысле у нас вся ушла в интернет-магазины. Через тот же «Озон» или «Лабиринт» можно купить практически все, чего не скажешь ни о крупных книжных магазинах, ни о книжных развалих. Одни торгуют только новинками, изданными издательями-монстрами (а как иначе, если они им и принадлежат), другие – теми самыми романами в восемьсот страниц, уцененными донельзя. Но если у вас нет особых предпочтений, то купить себе можно что угодно, за исключением той литературы, о которой я говорил выше. Литературы, выпускаемой маленькими издательствами, в этих магазинах нет. Получается хитрая вещь. Издатель думает, что выпускает книгу для читателя, но на самом деле есть гораздо более правильный издатель, вот он-то и выпускает книгу, которая доходит до читателя. А тот первый, он только думает, что для читателя, а на самом деле – вначале для склада, а потом для сборщиков макулатуры.

Если говорить про наше издательство, то мы в основном работаем через книготорговую сеть «Лабиринт». Тут проблема всегда одна – не помереть в первые два-три года, наработать собственный прайс, хоть маломальский – десяток-полтора наименований изданных книг. Тупо в эти первые годы только вкладываться, вкладываться, вкладываться... Тогда возможно к тебе будут благосклонны крупные дилерские сети, которые не «кидают» поставщика. Извините за терминологию из девяностых, но все эти мелкие и средние фирмочки «кидают» практически все. Мы например ни копейки не получили ни от одной из книготорговых организаций, с которыми имели дело, кроме «Лабиринта». Но «Лабиринт» – это отдельная песня, боюсь, скорее исключение из правил. С магазинами то же самое. Честные продавцы – наперечет.

Мне кажется – это первопричина, почему у нас закрываются издательства. А вот почему они открываются – вот ведь вопрос! Ведь всё известно заранее. К примеру – читатель. Читателя-то в исконном понимании этого слова у нас почти не осталось. Люди жалеют на книги деньги, им гораздо проще скачать в интернете то, что есть в свободном доступе или в пиратском исполнении. А если чего-то нет, то и шут с ним, как говорится – переживем. Это раньше Россия не могла без книг, а сейчас запросто. Книга давно перестала быть предметом первой необходимости. Я имею в виду беллетристику. Пока еще востребованы учебники, какие-то псевдонаучные штучки, детская литература. Но не современная проза или поэзия. Сейчас тираж для книги современного писателя в тысячу экземпляров – это ого-го! Это – очень много. Современная литература ушла в междусобойчик: издатель – писатель – рецензент-обозреватель. Такая закрытая тусовка... И рады бы открыть двери, да никто в них не стучится.

Так что издательство книг на поверку вообще – болезнь. Типа шизофрении. Лекарства-то от нее нет. Чуть денег где случайно заработал – тут же тянет чего-нибудь издать... Поэтому умные государственные ребята давно поняли, что нам помогать не надо. Как там у Гоголя в «Ревизоре» сказал Артемий Филиппович: «Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет».

А все эти хитрости типа Года литературы, это от лукавого. Немного пошумят, да и успокоятся. Наша литература прекрасно бы обошлась и без Года литературы. Все равно деньги кончатся и пойдут опять не тем, и не на то. А литература была и останется.

– Какие тенденции вы бы отметили в современной российской прозе? Кого из молодых авторов можете назвать как интересных и перспективных? По какому принципу вы подбираете авторов? Если сравнивать с западной прозой, работающей на стыке элитарного и массового искусства, что может быть не хватает нашим авторам?

– Давайте обойдемся без имен. Объясню почему. Надеюсь, у меня получится один проект, который подсказал Евгений Анатольевич Попов и который постепенно ответит на ваш вопрос об интересных и перспективных. Их много есть. Причем, ну очень много. Такое ощущение, что российская земля вознамерилась рожать с девятнадцатого века и вплоть до нынешнего не Платонов и Невтонов, как предвещал Ломоносов, а Тургеневых, Салтыковых-Щедриных и Чеховых. Правда «числом поболее, ценою подешевле», но определенно очень талантливых.

Мы схитрили в свое время. Одновременно с организацией издательства мы заключили некое соглашение с литературным агентством «Новые писатели» по поиску талантов. Агентство проводит конкурс прозаиков

и поэтов, а мы берем самых интересных на карандаш. Кое-кого уже и напечатали отдельными книжками, кое-кого взяли в тематические сборники. С этого мы начали, а там как-то само пошло – знакомства личные и посредством электронного общения, а в результате вполне приличные на мой взгляд книги, которые никто другой бы никогда не издал.

А если говорить о тенденциях в современной российской прозе, то их проще всего отслеживать по тому, кому даются главные литературные премии в стране – «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Русский Букер». Были времена, когда государство на это дело внимания не обращало, тогда в фаворе была интеллектуальная и хулиганская проза, сейчас, когда приоритеты расставлены, на первые роли вышла проза «новых деревенщиков». Я не знаю, как их правильно назвать, этих бойких ребятишек, я их называю так. Впрочем, они пишут сильно, этого у них не отнять, это я признаю, но чуть-чуть, совсем чуть-чуть подванивает протекционизмом.

Что касается Запада, то тут такая же история, что и у нас. На слуху всякая хрень, а двигает литературу, получает Гонкуровские и Нобелевские премии публика совершенно массовому читателю неизвестная. Так что на Западе все в порядке: торт (в смысле настоящая литература) – отдельно, а мухи (литература массовая, типа «Пятидесяти оттенков серого») – отдельно.

– *Как оцениваете роль Интернета и социальных сетей в продвижении книжной продукции? Есть ли за этой альтернативой будущее?*

– Скорее так – есть ли альтернатива Интернету и социальным сетям? Нет альтернативы. Все остальные формы рекламы практически сошли на нет. Наберите в поисковике слово «книга» и вам потом еще долго будет аукаться это ваше сомнительное телодвижение. Каких только книжек вам не станут предлагать и слева и справа – и на баннерах и в контекстной рекламе! Может еще и поэтому выплыть из этого моря, не сбившись с курса, оказывается затруднительно – непременно купишься на какую-нибудь завлекательную ерунду и пройдешь мимо настоящего. Есть правда буйки – сетевые порталы «Сноб», «Свободная пресса», «ЛитГегиатура», это я так – сходу, их гораздо больше, там можно вернуть ориентиры. Ну, это если такое желание появится, конечно.

– *Есть ли у нас в стране институт литературных агентов, как на Западе? Литературное агентство «Новые писатели». Расскажите о принципах работы, миссии, окупаемости. Удалось ли открыть кого-то из новых авторов, прозаиков, кинодраматургов? Мне кажется, у нас огромное количество неплохих писателей, особенно в глубинке, так и остались нераскрытыми из-за ситуации, когда просто некому показать рукопись?*

– Есть, конечно есть. У нас как в Греции. Но наш институт литагентов он такой – российский, наш. Со всеми вытекающими. Аффилирован агент с крупным издательством – считайте, вам может повезти, возможно вы даже издадитесь разок. Но рискуете между тем нарваться на человека, только представляющего себя профессионалом, а таковым сроду не являющимся. Тогда готовьтесь потратить за опыт некоторую сумму. Никаких гарантий.

«Новые писатели» ориентированы на поиск писателей, а не на выкачивание из них денег. Окупаемость – нулевая, самоотверженность – высочайшая. Я до сих пор не понимаю – что их держит. Ну, значит нравится подобный мазохизм.

Что касается талантов из глубинки, то вот пожалуй единственное, на что государство могло бы с пользой потратить деньги – это на воссоздание такой формы работы с автором, как литературное объединение. На массовой основе, как было в Советском Союзе. Когда у тебя есть настоящий ментор, человек, которому у ты доверяешь полностью, хотя бы на первых ученических порах. Но боюсь, что именно на это денег как раз и не найдется.

– *Каковы основные тенденции развития книжного рынка в России на ближайшую перспективу?*

– Основные тенденции – это постепенное затухание книжного рынка, перевод его в плоскость интернет-торговли электронными книгами и редкими эксклюзивными. Хотя... меньше всего хотелось бы именно этого. Потому что именно тогда и кончится в России и мире настоящая литература. Ну, будут читать всякую дрянь, чем собственно занимаются и сейчас. Так что ничего сверхъестественного ожидать не приходится.

НАШИ АВТОРЫ

► Людмила АЛЕКСАНДРОВА

Родилась, училась, же... жениться не пришлось. Люблю лаконичные, ироничные и абсурдистские стихи - такие, как у Губермана или Хармса. Но сама пишу длинные, витиеватые и на злобу дня. А иногда и не на злобу, потому что человек я добрый и сострадательный. И если писать стихи - потребность, как пить или дышать, то публиковать их - упражнение по борьбе с боязнью публичности, стремлением уйти в саму себя и окунуться. Так каждый экземпляр Ликбеза с моими текстами будет для меня носить терапевтический характер. Главное, не переборщить с дозой)))

► Юлия БОБРЫШЕВА

Родилась в 1986 году в Новосибирске. Окончила 6-ю гимназию «Горностай» в 2003 году и Новосибирский государственный университет (отделение филологии) – в 2008. Два года работала библиографом в альма-матер. С раннего детства и по сей день проживаю в новосибирском Академгородке.

► Алексей ВЕСЕЛОВ

Родился в 1983 году в Ленинграде, в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге. Занимается живописью, работает в области дизайна. Статьи об интерьере и архитектуре публиковались в газете Московского района, журналах «Адреса Петербурга», «Загородное обозрение», «Мир и дом», на интернет-портале «Про Недвижимость».

Стихи пишет с 1994 года. Выпустил «самиздатом» три сборника стихотворений (2000, 2002 и 2006). Стихи опубликованы в альманахе «Дирижабль», журнале «Зинзивер»; сборнике «Петербургская поэтическая формация»; в антологии одного стихотворения «В поисках утраченного я»; в третьем томе антологии «Собрание сочинений»; в интернет-изданиях «45-я параллель», «Артбухта», «Красный Серафим», «Лампа и дымоход», «Новая литература», «Окно», «Подлинник», «Пролог».

Участник XIX Фестиваля свободного стиха. Был участником клуба поэтического перевода с немецкого языка (при Центре русско-немецких встреч), переводил произведения Кристиана Моргенштерна.

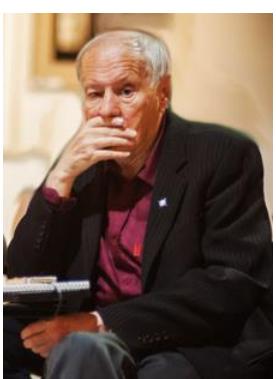
Регулярно принимает участие в крупных литературных конкурсах, таких как «Акупунктура миниатюры», «Согласование времён» и других.

► Вадим ВИСТИНГАУЗЕН

Краевед, искусствовед, спелеолог.

Учился на геолого-географическом факультете Томского университета. Участник изучения ледников Белухи (1965-68 гг.). Закончил исторический факультет Алтайского государственного университета. Автор более 60 научных работ.

Основные научные интересы связаны с изобразительным искусством Сибири XVIII – начала XX вв. Ряд публикаций посвящен сибирским наскальным изображениям, археологии, истории изучения Сибири; охране природного и культурного наследия, проблемам туризма, методике краеведческой работы со школьниками. Создатель и руководитель подростковых объединений «Киностудия «Каштак» (1990-1994) и «Клуб «Юный краевед» (с 1994).

► Екатерина ВИХРЕВА

Закончила отделение связей с общественностью Алтайского госуниверситета, сейчас живет и работает в Новосибирске. Пишет стихи и прозу. Помимо «Ликбеза», публиковалась в журналах «Встреча», «День и Ночь».

► Михаил ГУНДАРИН

Родился в г. Дзержинске Горьковской обл. На Алтае живет с 6 лет. В 1991 г. закончил факультет журналистики МГУ. С этого же года по сей день – преподаватель АлтГУ. Кандидат философских наук, автор ряда работ по связям с общественностью и теории коммуникации, удостоенных профессиональных наград. Преподавательскую деятельность активно сочетает с работой в средствах массовой информации. Автор нескольких книг стихов (первая, «Календарные песни», вышла в 1994 году, последняя на сегодня «Горячо : бесполезно» - в 2008-м). Автор нескольких повестей и романов, пьес. Занимается литературной критикой. Отмечен несколькими наградами литературных фестивалей и конкурсов. Член союза российских писателей. Входит в редколлегию журнала «День и Ночь» (г. Красноярск). Член литбюро «Ликбеза» и постоянный автор журнала с 1992 года.

► Вячеслав КОВАЛЕВИЧ

Первые девять лет жизни:

Я родился и потом долго не мог понять, для чего я нужен этим двум большим людям, которые все время рядом со мной. Правда, расстраивался, когда терялся. Плакал часто. Был избалован. Забрасывал ноги на стол в ресторане и бился в истерике на полу, в аэропорту, лет пять от роду.

Была еще шаровая молния, ее совсем не испугался, просто не знал о ее опасности.

А потом...

В начальных классах собирал группу для захвата ракеты на Байконуре и последующего полета на Марс.

Остался... и до сих пор остаюсь здесь.

► Вячеслав КОРНЕВ

Отец-основатель и Главный Редактор «ЛИКБЕЗа»

Преподаватель Алтайского гос. университета, организатор фестиваля авторского кино «Киноликбез» <http://www.kino-likbez.ru/>, автор трех книг по философии повседневности, председатель Клуба любителей интеллектуального кино, автор фильмов «Зоб» (2009), «Кадо» (2010), «Вырванные страницы из дневника Ленина» (2011), «Ремень» (2012), «СаритоЛизм» (2013).

► Леонид КУЗНЕЦОВ

Родился в 1957 году на Урале. После окончания индустриального техникума был направлен по распределению в Казахстан. Закончил АлтГУ, филолог. Член Союза журналистов СССР. Работал в газете «Рудный Алтай», затем был редактором первого независимого казахстанского еженедельника «Импульс». Совместно с писателем Сергеем Миляевым учредил в 2010 году издательство «Дикси Пресс».

► Андрей КОЗЫРЕВ

Родился 26.10.1988 г. в г. Омске.

Автор поэтических сборников «Небо над городом» (2008 г.), «Мелодия для луны с оркестром» (2009 г.), «Терпенье корней» (2010 г.), «Любовь чайника» (2013 г.), «Дневник одного путешествия» (2014 г.), «Человек говорит» (2014 г.). Главный редактор литературно-художественных альманахов «Точка зрения» и «Менестрель». Учредитель Международной литературной премии им. И.Ф.Анненского. Организатор регионального движения «Красная книга культуры». Администратор областного сайта молодой омской поэзии «Молодежный проспект». Участник Международного Волошинского фестиваля. Руководитель литературной студии «Магнит».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «ЛИКБЕЗ»

Лауреат областной литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2009 г.). Лауреат областного конкурса им. П.Васильева (2009 г.). Призёр поэтического конкурса «Омские мотивы»(2009, 2014 гг.). Двукратный лауреат литературного фестиваля «Откровение» (2006 и 2008 г.) Лауреат Второго всероссийского кутиловского фестиваля в трех номинациях (Омск, 2011 г.).

Член Союза писателей Москвы.

► Евгений ЛУМПОВ

Родился в Павлодаре, живет в Астане. Автор книг стихов «Рисунки на пыльном столе» (Павлодар, 2010), «Монолог» (Павлодар, 2014). Режиссер, победитель 5-го и 6-го международного фестиваля авторского кино «КИНОЛИКБЕЗ» (в категории «киноэссе»). «Мне уже не 17 лет. И мои стихи не кажутся мне гениальными даже в углере самой жестокой бессонницы. Они больше не шедевры ума и фантазии, а просто друзья, познающиеся в беде и радости. Без них я с трудом могу представить свою жизнь. Мы – «не разлей вода», мы все еще единое целое».

► Антон МЕТЕЛЬКОВ

Родился в 1984-м году в г. Новосибирске. Здесь же и проживаю. По образованию - конструктор-технолог РЭА. Работаю инженером связи на ТЭЦ. Веду авторскую колонку в онлайн-журнале «Трамвай». Участник мероприятий, организованных новосибирским проектом «Негромко читать и вдумчиво слушать» («Свой-Чужой», «Experiences», «География» и др.); ряда квартирных концертов в Новосибирске, Барнауле, Томске, Перми; фестиваля «США-2011» (сольно и вместе с группой «Кузнецберг и Коротков»). Финалист новосибирского (в рамках фестиваля «По-эмания») и всероссийского (в рамках фестиваля «СловоNovая») поэтических слэмов.

*вот вам некий поэт метельков
написав десять тысяч стихов
он сказал я теперь
буду храбрым как зверь
и ушел созерцать мотыльков*

► Дмитрий МУХАЧЁВ

Родился в 1985 году в поселке Южном – пригороде Барнаула. В августе 1991-го по Москве ехали танки, а я ехал в машине, везущей отца, мать и меня на новое место жительства, в центр Барнаула. На этой квартире я до сих пор и живу.

Люблю стихи Дениса Новикова, Бориса Поплавского, Арсения Тарковского, Николая Тихонова, Анны Ахматовой, Георгия Иванова, Осипа Мандельштама, Юнны Мориц, Александра Еременко, Александра Анашевича, Игоря Карапурова. С подозрением отношусь к всевозможным «эстетикам распада личности» - слишком уж долго распадалась моя собственная, собрать бы ее теперь. К алкогольно-депрессивному миру провинциального литераторского быта отношусь тоже сдержанно – тем не менее, периодически ныряю в него с головой, тем более, что особых альтернатив на горизонте не видно. На данный момент пребываю в больших сомнениях относительно того, буду ли что-то писать дальше. Работаю, учусь, холост, влюблён.

► Ани ПЕТРС

Родилась в прошлом веке в пригороде г. Еревана (Армения), откуда вскоре была увезена горячо любимыми родителями Анной Федоровной и Левоном Цолаковичем. От родителей унаследовала греко-армянские корни и страсть к английскому року 70-80х годов. Глаза мамыны. волосы папины. голова - своя. Гуманист. Полиглот. Владею двумя музыкальными инструментами, свободно говорю на трех языках, четырежды студент. За плечами бакалавриат ФилФака АлтГУ и одиннадцать лет художественной школы. Десятки конкурсов, номинаций, наград различной степени и сложности, в том числе губернаторский грант 2009/2010 года за достижения на учебном фронте.

Люблю средневековую, древнерусскую литературу, музыку и танцы, Чайковского, Мусоргского и т.д., Шуберта, Бартока и т.д., Бахтина, Эпштейна и т.д.

Ныне преподаю в детской школе искусств музыкально-теоретические дисциплины. В планах докторская диссертация на далекое будущее и поступление в Новосибирскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки на ближайшее. Дети и супруг не предусмотрены, но допустимы.

► Александра ПОРШНЕВА

По гороскопу – весы. Характер соответствующий - весомый. В связях, порочащих 5-й интернационал не замечена.

Появилась на свет в «лихие» 90-е. Между фортепиано и пистолетом выбрала фортепиано. Училась прилежно, педагогов не нервировала, кашу кушала даже с комочками. Мечтала о больших сценах.

В итоге покинула музыкальное гнездо и стала кинокритиком. Теперь, все больше пьет чай, каше предпочитает комочки из блинов. пишет научно-критические статьи и нервирует режиссеров, которые регулярно устраивают ей большие сцены.

В общем – счастливый человек!

► Александр РОМАНЦОВ

Родился 11 сентября 1984 в городе Рубцовске в семье своих родителей. Как положено начинающему человеку, отбыл срок в детском саду и средней школе. Окончил местный педагогический колледж. Видел цветные сны.

В 2004 приехал в город Барнаул. Поступил в БГПУ, обучение в котором в 2007 успешно забросил, лишив себя как постоянного занятия, так и постоянного места жительства. Любил немногих, однако сильно. Был грузчиком, сторожем, почтальоном, вожатым, охранником. Остался человеком.

Писать начал с пяти лет. Писать стихи – гораздо позже.

Любит мороженое.

Ныне живет и здравствует. Видит цветные сны.

Не привлекался. Холост.

► Алексей СМИРНОВ

Поэт, писатель, историк литературы, эссеист, переводчик. Секретарь Правления Союза писателей Москвы. Академик РАН. Член редколлегии журнала «Мурзилка». Руководитель литературной студии «Магистраль».

Родился в Москве в 1946 году. Окончил Московский химико-технологический институт имени Л.И. Менделеева. С момента окончания института и по настоящее время работает в Институте кристаллографии имени А.В. Шубникова Российской академии наук, имеет около ста научных публикаций в области физики прочности и пластичности кристаллов. Автор многих книг поэзии и прозы, в том числе: «Спросит вечер», «Сорок слов из простокваши», «Прогулки со словами», «Дар Владимира Даля», «Козьма Прутков», «Иван Светаев. История жизни», переводов молдавского эпоса «Андрееш». индийской поэзии, «Слова о полку Игореве». Автор цикла образовательных передач, статей и выступлений по вопросам образования и детской литературы в «Учительской газете», в журнале «Семья и школа», на радио и телевидении.

Автор спецкурса по практике поэтического перевода для студентов-переводчиков Института истории и филологии Российского государственного гуманитарного университета.

Лауреат премии им. А. П. Чехова. Награжден Пушкинской медалью, медалью Преподобного Сергия Радонежского, Серебряной медалью Бунина.

► Юрий ТАТАРЕНКО

Родился в 1973 году в Новосибирске. Поэт, автор 4 книг стихов. Член Союза писателей России. Победитель открытого городского поэтического турнира (Новосибирск, 2013), открытого областного конкурса «Томск поэтический» (Томск, 2013), Международного фестиваля поэзии (Симферополь, 2012). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», в «Литературной газете» и др.

► Александр ФЕДЕНКО

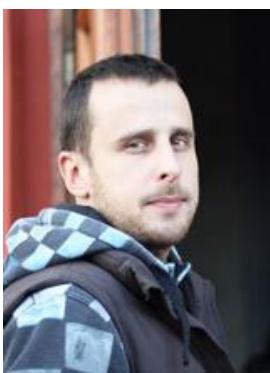
Родился в Барнауле в 1977 году. Пишет рассказы, новеллы, киносценарии. Публиковался в российских и зарубежных литературных журналах. Живет в Москве.

► Михаил ЧЕРНЯК

Режиссёр игрового кино. Родился в Москве. В период 1999-2002 учился в МФТИ-ГУ (факультет аэрофизики и космических исследований, кафедра океанологии). В период 2003-2005 учился на сценарном факультете ВГИК (маст. Степанова-Фокиной). По причине творческих разногласий с мастерами был отчислен с факультета. В 2007г. защитил продюсерский диплом ВГИК. В период 2007-2009 работал заместителем директора съёмочной группы (в том числе проекты «Монгол», «Новая земля» от к/к «Андреевский флаг»). В период 2009-2012 работал режиссёром монтажа на телевидении (в том числе сериалы «Побег», «Палач», «Салам, Москва» от студии «Русский проект»). В 2013г. защитил диплом ВКСР по режиссуре (маст. Квирикадзе-Добровольского). Короткие метры «Неопрятный мальчуган Томми» (2010), «БДТ» (2011), «Orlandina Uber Alles» (2012), «The3» (2013) - были отмечены призами и дипломами на российских и международных фестивалях.

► Михаил ЧУРИЛОВ

Преподаватель колледжа АлтГУ, аспирант, начинающий искусствовед, иногда рисую. В 2005 закончил Новоалтайское художественное училище, в 2011 выучился в АлтГУ на искусствоведа.

► Павел ЮРИНОВ

Актер, режиссер, фотограф, монтажер, цветокорист.
Родился 1 марта 1982 года в семье радиоинженера и учителя литературы и русского языка. С раннего детства рос в атмосфере повышенной интеллигентности: 90% всех ближайших родственников по профессии были педагогами гуманитарных и технических наук, а также преподавателями доцентами, заведующими кафедрами и проректорами университетов.

Школьное образование получал под пристальным присмотром всего родственно-педагогического состава, что позволило закончить физико-математический класс в 1999 году и поступить в Горный Институт им. Г.В. Плеханова.

После 2 курса, осознав, что случайный выбор будущей профессии (Горный инженер) не совсем то, чем бы он хотел заниматься всю свою оставшуюся жизнь и решает бросить горный. В июле 2001 года поступает в Санкт-Петербургскую Театральную Академию. Последующие 5 лет по 20 часов в сутки проводил в 51 аудитории в мастерской заслуженного деятеля искусств профессора В.М. Фильшинского.

За время обучения показал более 3200 этюдов на всевозможные темы и вариации, сыграл более 150 раз в 7 дипломных спектаклях, после чего был досрочно принят в штат труппы первого императорского национального театра России (Александринский театр). За 8 лет сыграл около 1000 спектаклей, поставленных режиссерами мирового уровня: В.Фокин, О.Коршуновас, А.Щербан, А.Могучий и др.

В 2015 году покидает Александринский театр и решает заниматься свободным творчеством: кино (в качестве актера, режиссера, монтажера, цветокориста) фотографией (в качестве фотографа), видеоартом, театральным видео художником.

Со временем обучения в театральной академии в непрерывных кждодневных поездках метро (от дома до театральной академии и обратно), стал вести актерско-режиссерский дневник наблюдений, записывая свои мысли, ощущения, наблюдения в небольшой черный блокнотик.

В качестве режиссера снял несколько документальных фильмов: «Ай> Love>>Ю», «Мама», «Андрей Драгунов. На языке Хип Хопа», а так же игровое короткометражное кино «Оглянись» (2014)

ЛИКБЕЗ № 27 ИЮНЬ 2015

Вячеслав Корнев (главный редактор) vukornev@gmail.com

Михаил Гундарин (зам. глав. ред.) lmstory@rambler.ru

Иллюстрации на обложке номера Михаила Чурилова

Барнаул, самиздат, тираж: 100 экз.

<http://www.lik-bez.ru>

